

ISSN 2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

Научный журнал

Выпуск 1 (68)

Рязань 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Реестровая запись СМИ ПИ № ФС77-72456

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е. Г. Логинова, главный редактор, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка — партнер Гёте-Института, Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. А. Ахренова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, Ярославль),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрёснер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского университета, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия; Российско-Армянский университет, Ереван, Армения),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный государственный медицинский университет, Архангельск),

Л. Н. Лунькова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. А. Милованова, д-р пед. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

И. М. Петрова, д-р филол. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет, Пермь),

О. В. Соколова, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

А. В. Туарменская, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

В. В. Фещенко, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

О. Г. Чупрына, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет; Московский педагогический государственный университет, Москва),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46;
тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2024

© «Иностранные языки в высшей школе», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
---------------------------	---

Раздел I Слово в языке и в тексте

Гончаренко Е. С. Функционально-прагматический потенциал заголовков современных испанских аналитических статей	6
Гутовская М. С. Метаязыковые обозначения в русском и английском языках: когнитивный фактор формирования межъязыковых сходств и различий	14
Карпенко Е. И. О лингвокреативном употреблении библейских аналогий в немецком языке	25
Николаенко А. В. Семантика предлога à современного французского языка в когнитивном аспекте изучения (пространственный компонент значения)	32
Поликарпов А. М., Шенурёва О. А. Системный анализ немецкоязычного описания освещения наружной рекламы: лингвосенсорика светодизайна	41
Сюз Бохао Фразеологическая система русского и китайского языков в парадигме количественных характеристик	52

Раздел II Теория и практика перевода

Евтушенко О. В. Социальная норма конференционного перевода на русский язык в современных условиях	58
Лобанов С. В. Идейно-художественные особенности короткого рассказа как фактор вариативности перевода имплицированной информации	64
Медведева Д. И. Особенности передачи элементов религиозного дискурса в переводах романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык	72
Потапова С. Ю. Роман Даниэля Кельмана <i>Die Vermessung der Welt</i> через призму критики перевода	81
Соловьёва Е. А. Фразеологизм как инструмент прагматической модификации переводного художественного текста (на материале первого перевода романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык)	89
Степанов В. Н., Ерёмкина Н. С. Лингвистические характеристики точек когнитивного напряжения (ТКН) при переводе поэтического текста	98
Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами	106

TABLE OF CONTENTS

Opening address	5
-----------------------	---

Part I The Word as a Linguistic and Textual Unit

<i>Goncharenko, Elizaveta</i> Functional-pragmatic potential of contemporary Spanish analytical articles headlines	6
<i>Gutovskaya, Marina</i> Metalingual nominative units in Russian and English: a cognitive factor in the formation of cross-language similarities and differences	14
<i>Karpenko, Elena</i> On the linguocreativity of the use of biblical analogies in German	25
<i>Nikolayenko, Anastasia</i> Semantics of the preposition à of modern French in the cognitive aspect of studying (spatial component of meaning)	32
<i>Polikarpov, Aleksandr; Shepureva, Olga</i> System analysis of the German-language description of outdoor advertising lighting: linguosenotics of lighting design	41
<i>Xue Bohao</i> Phraseological system of Russian and Chinese languages in the paradigm of quantitative characteristics	52

Part II Theory and Practice of translation

<i>Evtushenko, Olga</i> Social norm of conference interpretation and translation into Russian in modern conditions	58
<i>Lobanov, Sergey</i> Conceptual imagery in a short story as a factor to translating implicit information	64
<i>Medvedeva, Diana</i> Peculiarities of transferring elements of religious discourse in Russian translations of Ch. Brontë's <i>Jane Eyre</i>	72
<i>Potapova, Svetlana</i> Daniel Kelmann's novel <i>Die Vermessung der Welt</i> through the prism of translation criticism	81
<i>Solovyeva, Evgeniya</i> Phraseologism as a means of pragmatic modification of translated literary text (drawing on the case of the initial translation of Mikhail Lermontov's novel <i>A Hero of Our Time</i> into French)	89
<i>Stepanov, Valentin; Eremina Natalia</i> Linguistic characteristics of cognitive tension points (CTP) in translated poetic texts	98
Requirements to the papers submitted (in Russian) *	106

* Available in English at: <http://fljournal.rsu.edu.ru/en/technical-requirements>

Уважаемые читатели!

В этом году научному журналу «Иностранные языки в высшей школе» исполняется 20 лет.

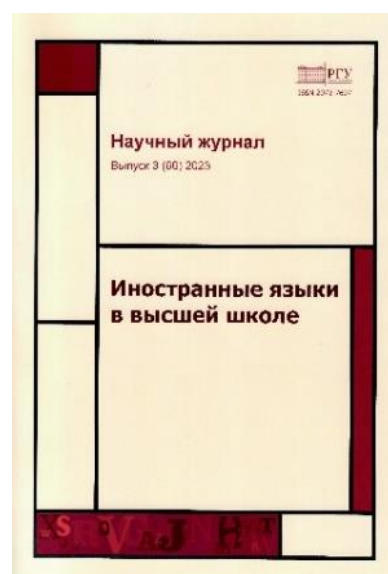
Все это время главным редактором журнала был Яков Моисеевич Колкер, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, член Союза российских писателей, автор и соавтор ряда монографий и учебных пособий по методике преподавания иностранных языков, теории и практике художественного перевода.

Яков Моисеевич внес огромный вклад в то, что журнал «Иностранные языки в высшей школе» вошел в перечень рецензируемых изданий ВАК, расширил перечень языков и направления рубрики, приобрел талантливых авторов не только из вузов России, но и зарубежных стран.

На страницах журнала публикуются статьи на материале европейских и восточных языков, посвященные актуальным проблемам теории языка и коммуникации, сопоставительной лингвистики и художественного перевода (перевод поэзии и прозы), методики преподавания иностранных языков, включая русский язык как иностранный.

Редакционная коллегия журнала поздравляет авторов, читателей и всех, кто имеет непосредственное отношение к изданию журнала, и выражает уверенность в том, что и в будущем журнал «Иностранные языки в высшей школе» продолжит расширять палитру языков, круг тем, касающихся современного состояния и перспектив развития лингвистики и лингводидактики, выступать проводником нового знания, совершенствуя научные традиции, заложенные его основателем.

Редакционная коллегия

РАЗДЕЛ I

СЛОВО В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 6–13.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):6–13.

Научная статья
УДК 811.134.2
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.001

Функционально-прагматический потенциал заголовков современных испанских аналитических статей

Елизавета Сергеевна Гончаренко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
elisea@rambler.ru

Аннотация. Настоящая статья отражает результаты исследования заголовков испаноязычных аналитических статей в функционально-прагматическом аспекте. Актуальность статьи обусловлена попыткой рассмотреть объект исследования в свете антропоцентрической парадигмы, а также выбором анализируемого эмпирического материала — заголовков современных испанских статей. Целью исследования является выявление системно используемых прагматически маркированных элементов заголовков испанских СМИ. Задачи исследования вытекают из поставленной цели: 1) описать предпосылки и принципы функционально-прагматического анализа; 2) описать признаки нейтральных информативных заголовков современных испанских статей; 3) выявить различия между нейтральными информативными заголовками и прагматически маркированными заголовками аналитических испанских статей; 4) сделать выводы о функционально-прагматическом потенциале заголовков актуальных аналитических текстов испанских СМИ. Для исследования использовались такие методы, как: метод сплошной выборки (для исследования отобрано 26 заголовков аналитических статей одного дня из актуальных испанских газет *El País*, *El Mundo*, *ABC* и *La Vanguardia*), сопоставительный анализ заголовков информационных и аналитических статей, основанный на их контекстуальном, стилистическом и грамматическом анализе, в целях подготовки к проведению последующего прагмалингвистического анализа. Научная новизна заключается в попытке описать заголовки современных испанских СМИ не столько с точки зрения используемых в них средств и приемов, сколько сквозь призму функционально-прагматического анализа. Результаты исследования могут иметь практическое применение: описанные характеристики заголовков можно принимать во внимание при дальнейших стилистических, грамматических и функционально-прагматических исследованиях текстов СМИ.

Ключевые слова: аналитические статьи, заголовки, испанский язык, информативность заголовков, прагмалингвистика, функционально-прагматический потенциал, функции заголовков.

Для цитирования: Гончаренко Е. С. Функционально-прагматический потенциал заголовков современных испанских аналитических статей // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1(68). С. 6–13. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.001.

Original article

Functional-pragmatic potential of contemporary Spanish analytical articles headlines

Elizaveta S. Goncharenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
elisea@rambler.ru

Abstract. The present article reflects the results of the study of headlines of Spanish-language analytical articles in the functional-pragmatic aspect. The relevance of the article is conditioned by the choice of the approach itself in the light of the relevance of the anthropocentric paradigm and by the choice of the empirical material analyzed — headlines of contemporary Spanish articles. The aim of the study is the identification of the pragmatically marked elements used on the regularly basis in the headlines

© Гончаренко Е. С., 2024

of the Spanish newspapers. The tasks of the study are determined by the aim: 1) to describe the premises and the principles of functional-pragmatic analysis; 2) to describe the features of neutral informative headlines of contemporary Spanish articles; 3) to identify the differences between neutral informative headlines and pragmatically marked headlines of analytical Spanish articles; 4) to draw conclusions about the functional-pragmatic potential of the headlines of the contemporary Spanish analytical articles. For the study we used such methods as: the method of solid sampling (26 headlines of analytical articles of one day from current Spanish newspapers El País, El Mundo, ABC and La Vanguardia were selected), comparative analysis of the headlines of the informative and analytical articles, based on their contextual, stylistic and grammatical analysis which we consider necessary for the further pragmlinguistic analysis. The scientific novelty lies in the attempt to describe the headlines of contemporary Spanish media not only from the point of view of the linguistic means and techniques used, but also through the prism of functional-pragmatic analysis. The results of the study may have practical application: the described characteristics of headlines can be taken into account in further stylistic, grammatical and functional-pragmatic studies of Spanish media texts.

Keywords: analytical articles, headlines, Spanish language, informativeness of headlines, functions of headlines, pragmlinguistics, functional-pragmatic potential.

For citation: Goncharenko E. S. Functional-pragmatic potential of contemporary Spanish analytical articles headlines. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 6–13. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.001.

Введение

Лингвистика последних десятилетий все чаще избирает в качестве фокуса своих исследований интенцию автора сообщения. Суждения об авторской установке носят в определенной степени вероятностный характер и даже могут привести к порождению новых и неожиданных смыслов текста. Однако функционально-прагматический подход, подразумевающий изучение функций используемых в тексте языковых средств, с одной стороны, и последующее выдвижение гипотез об интенции автора с учетом как выявленных средств и их функций, так и экстралингвистических факторов, с другой, помогает сделать такие суждения менее субъективными. Иными словами, мы предполагаем, что понимание функционального потенциала, имманентного используемым в тексте средствам, способствует приближению к пониманию прагматической установки автора, хотя и не может считаться для него достаточным. В свою очередь, для понимания функционального потенциала выявляемых средств необходимо опираться на результаты предварительного анализа таких средств в прецедентных текстах.

В настоящей работе мы намерены провести анализ средств и приемов, используемых в заголовках испанских аналитических статей, с тем чтобы, располагая результатами этого исследования, можно было делать обоснованные выводы на этапе анализа «от формы к функции», избегая ошибочных суждений в отношении анализа формы и последовательно продвигаясь к более полному пониманию интенции автора. Предполагаем, что опробованный в данном исследовании алгоритм действий может служить для функционально-прагматического анализа в более широком смысле.

Основная часть

Оппозиция «прагматическая функция — информативная функция» как исходное положение исследования

Несмотря на то, что изначально в фокусе лежащей в основе прагмалингвистики теории речевых актов находятся два конкретных коммуниканта — адресат и адресант конкретной коммуникативной ситуации с известными условиями, — данная наука выходит за рамки непосредственно анализа диалоговой речи со всеми заданными «слагаемыми», обращая свое внимание и на ситуации с неизвестным реципиентом, потенциальным читателем литературного произведения или статьи, потенциальным зрителем или слушателем новостного сообщения. Таким образом, при прагмалингвистическом анализе текста важно понимать, что адресат может быть не только «непосредственным участником-собеседником бытового диалога», но и «более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами, подчиненным, начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т. д. Он может быть и совершенно неопределенным, неконкретизованным другим (при разного рода монологических высказываниях эмоционального типа) — все эти виды и концепции адресата определяются той областью человеческой деятельности и быта, к которой относится данное высказывание» [Бахтин, 1979, с. 275].

В ситуации, когда адресат — неконкретный читатель газетных текстов, чей портрет весьма размыт и кто вполне может оказаться тем самым «чужим», «другим», авторам необходимо вырабатывать более универсальные приемы воздействия словом, просчитывая пресуппозицию массового «потребителя»

продукта массмедиа, во избежание ситуации «коммуникативной неудачи» (в терминологии А. Е. Масло-вой). Для выявления тенденций в выработке таких прагматически ориентированных приемов мы опира-емся, прежде всего, на следующие теоретические предпосылки прагмалингвистики: а) прагматически маркированными можно считать все те языковые средства и приемы, использование которых не обуслов-лено намерением передать исключительно «голую информацию» [Норман, 2009, с. 24]; б) для донесения сугубо информационного сообщения адресант, как правило, выбирает нейтральные, немаркированные языковые средства в соответствии с литературной нормой языка (включая средства всех уровней — от фонологического до синтаксического). Исходя из этих двух предпосылок, мы можем считать прагматиче-ски обусловленными все случаи выбора языковых средств, при которых информационная составляю-щая сообщения оказывается менее рельефной или вовсе второстепенной в свете использования не не-сущих чистую информацию и реализующих дополнительные оттенки компонентов речи.

Необходимо уточнить, что заголовки СМИ в последнее время вызывают большой интерес среди лингвистов, включая испанистов. Так, исследователи указывают на полифункциональность заголовков массмедийных текстов в целом, называя среди их функций такие, как номинативная, графически-выделительная, рекламная, информативная, прогностическая (О. И. Таюпова, Ю. В. Верещинская), прагматическая (или функция воздействия во всех его вариантах — убеждения, внушения, побудитель-ности, образности) (Н. В. Иванова, Е. С. Мельник, М. Д. Васильева), в частности функция вовлечения читателя в диалог (Е. Н. Ремчукова, О. А. Шевченко), людическая (Л. В. Моисеенко), и др. При этом под прагматической функцией в широком смысле слова, как уточняет Б. Ю. Норман, мы можем понимать все многообразие видов воздействия, выходящих за рамки чисто информативной функции и, соответ-ственно, передающих любые оттенки смысла, связанные с объективной модальностью (отношение меж-ду содержанием высказывания и действительностью), субъективной модальностью (авторской оценкой содержания высказывания, выражаемой через любые оценочные, приобретающие дополнительную кон-нотацию, «линквокреативные», в терминологии Ременчук, средства) или с фатикой, которая подразуме-вает «все речевые усилия, направленные на регулирование межчеловеческих отношений, на установле-ние связей в микроколлективе, на реализацию социальных ролей и масок» [Норман, 2009, с. 23]. Вслед-ствие сказанного мы можем отталкиваться от главной оппозиции двух основных функций заголовков медийных текстов: информативной, с одной стороны, и прагматической (во всех ее вариантах и разно-видностях) — с другой. Таким образом, для корректного анализа несущих прагматический заряд средств и форм нам необходимо, в первую очередь, уметь отделять их от немаркированных, несущих чистую информацию. В противном случае возможны ошибки при интерпретации текста и его прагматического посыла, как, например, необоснованное наделение конвенциональных приемов не заложенными в них автором оттенками и функциями.

Универсальные характеристики информативных заголовков текстов испанских СМИ

Выбор языковых средств в заголовках информационных испанских текстов подробно описан Ю. В. Верещинской. Автор приводит такие универсальные либо наиболее частотные для заголовков испанских СМИ средства, как: 1) преимущественно нейтральная лексика, 2) использование прямой речи или цитат, 3) использование придаточных предложений, 4) опущение глагола-связки *ser, estar* и глаголов говорения, 5) использование (в отличие от заголовков русского языка) глаголов в настоящем времени для указания на произошедшие в недавнем прошлом события. Важно добавить, что такое использование настоящего времени также «позволяет подавать событие, о котором говорится в статье, с максимальным “эффектом присутствия” для читателя» [Иванова, Мельник, 2022, с. 54]. Добавим к этому списку такое часто наблюдаемое явление в заголовках информационных текстов испанского языка, как инверсионный порядок следования темы и ремы: довольно часто как заголовок, так и *лид* испанской информационной статьи начинаются с ремы, что представляет собой отклонение от нейтрального актуального членения предложения в испанском языке и, по нашему мнению, может трактоваться как прагматически обуслов-ленный прием эмфатизации в рамках курса на осуществление информационной функции. То есть для помещения читателя в контекст и обращения его особого внимания на место, время или факт описывае-мых событий испанские журналисты могут перенести рему в начало заголовка. Данные утверждения не нуждаются в новых доказательствах, однако для чистоты эксперимента проиллюстрируем их релеван-ность на конкретных заголовках недавних информационных статей.

Рассмотрим первые пять заголовков статей из раздела *Actualidad* испанской газеты *El País* от 24.09.2023:

1. “Europa se agrieta en su respuesta a la inmigración” (букв. ‘Европа дает трещину в ответ на иммиграцию’).
2. “Las primeras familias evacuadas de Nagorno Karabaj llegan a Armenia mientras Azerbaiyán retoma el control del enclave” (букв. ‘Первые семьи, эвакуированные из Нагорного Карабаха, прибывают в Армению, в то время как Азербайджан вновь берет анклав под свой контроль’).
3. “Ucrania teme que la guerra acabe en una división del país como en la península de Corea” (букв. ‘Украина боится, что война закончится разделением страны, как в случае Корейского полуострова’).
4. “Los gigantes del automóvil de Estados Unidos afrontan una huelga que marcará una época” (букв. ‘Автомобильные гиганты США сталкиваются с забастовкой исторического значения’).
5. “El desgaste de Borja Sémper, eterno verso suelto del PP” (букв. ‘Изнуренный Борха Семпер, вечно вольный стих’) [El País].

Все пять заголовков представляются нам информативными: за исключением последнего, пятого, для понимания сути основного сообщения нам не понадобилось никаких дополнительных данных. Однако для испанского читателя, на которого рассчитана эта информация, и пятый заголовок также является информативным, так как фигурирующее в нем имя собственное принадлежит современному испанскому политику, активному участнику актуальных событий в стране. Сопоставим упомянутые выше признаки информативного заголовка с заголовками из выборки. Лексика является нейтральной в трех из пяти заголовков, за исключением первого, где дается маркированный глагол *agrietarse* ‘дать трещину’, и пятого, где используются образные лексические средства (*desgaste* ‘износ, изнурение’; *eterno verso suelto* — букв. ‘вечно вольный стих’). Цитаты и прямая речь в данных примерах не используются. Придаточные предложения используются в заголовках 2, 3, 4. В пятом также используется приложение, в связи с чем опускается глагол-связка. Все глаголы стоят в настоящем времени. Актуальное членение предложений в данных пяти случаях не нарушает нейтральный синтаксический и логический порядок слов.

Рассмотрим аналогичным образом сплошную выборку из пяти заголовков информационных статей испанской газеты *El Mundo* от того же числа:

1. “Mitin en Madrid. Feikóo acusa al PSOE de ”falta de integridad moral“ y de dar ”privilegios para una élite en perjuicio de todos“” (букв. ‘Митинг в Мадриде. Фейхоо обвиняет ИСПП в «отсутствии нравственной целостности» и в создании «привилегий для элиты в ущерб всем остальным»’).
2. “Derbi. Atlético-Real Madrid: vuelve a marcar Morata a los 30 segundos de la reanudación” (букв. ‘Дерби. Атлетико — Реал Мадрид: Мората вновь забивает гол на 30 секунде’).
3. “Laboral. El ministro de Trabajo griego, contra Yolanda Díaz: ”Tal vez desee pedimos consejo para reducir el desempleo en su país, que ahora es campeón“” (букв. ‘Труд. Греческий министр труда — Йоланде Диас: «Возможно, вы захотите обратиться к нам за советом, чтобы сократить безработицу в вашей стране, ведь вы занимаете первое место»’).
4. “PSOE. Sánchez: ”El PP apela a la peor de las corrupciones como es el transfigurismo. Lo siento, habrá gobierno socialista“” (букв. ‘ИСПП. Санчес: «Народная партия обратилась к худшей из форм коррупции — к трансфигуризму. Мне очень жаль, но социалистическому правительству быть»’).
5. “País Vasco. Ortuzar reclama a sus fieles que estén ”atentos“ porque puede ”tocar a rebato“ con nuevas elecciones generales” (букв. ‘Страна Басков. Ортусар призывает своих сторонников быть «бдительными», поскольку в связи с всеобщими выборами он может «ударить в набат»’) [El Mundo].

Информативный потенциал данных заголовков используется в полном объеме — по нашим субъективным ощущениям, необходимости в дополнительной информации для их понимания нет. В четырех заголовках используются цитаты или прямая речь. Лексика, за исключением относящейся к прямой речи и цитатам, является нейтральной. Заголовки представляют собой полноценные развернутые предложения с опущением глаголов говорения в случае использования прямой речи.

Следовательно, можно считать нейтральными и конвенциональными указанные выше принципы написания заголовков испанских информационных статей с некоторыми редкими оговорками. Отклонения от описанных выше характеристик можно рассматривать как указывающие, с определенной долей вероятности, на особую прагматическую установку.

Анализ характеристик прагматически маркированных заголовков текстов испанских СМИ

Таким образом, прибегая к отклонениям от нейтральных конвенциональных форм, автор стремится не столько обеспечить актуализацию чисто информативной составляющей сообщения, сколько достичь иных целей: привлечь внимание, заинтриговать читателя, воздействовать на его

эмоциональное состояние (вызвать негодование, восторг, отторжение, сочувствие и т. д.). Соответственно, выявление отклонений от нормы, от нейтрального использования языковых средств мы предлагаем считать первым шагом любого функционально-прагматического анализа. Другой важной составляющей функционально-прагматического анализа должен быть учет контекста, включающего в себя такой заведомо заданный критерий, как неотъемлемые жанровые характеристики текста (полный список видов аналитических статей с жанровыми характеристиками можно найти, например, в статье «Жанры аналитической публицистики» А. И. Омуралиевой). В частности, такие виды аналитических статей, как передовая, пропагандистская, полемическая статья, как следует из их названий, нацелены на то, чтобы привлечь особое внимание читателя, пригласить его стать заочным участником анализа, полемики, агитировать и убеждать.

Проанализируем, как форма заголовков аналитических текстов испанских СМИ способствует выполнению таких задач и насколько она соотносится с вышеозначенными формами заголовков информационно-аналитических текстов. Для исследования отобрано 26 заголовков аналитических статей одного дня из актуальных испанских газет *El País*, *El Mundo*, *ABC* и *La Vanguardia*.

El País, испанская газета. Заголовки аналитических статей в разделе *De opinión* от 16 сентября 2023 года, сплошная выборка, первые пять заголовков:

1. “Libia, inundaciones en un Estado fallido” (букв. ‘Ливия, наводнения в несостоявшемся государстве’).
2. “Inconfundible Botero” (букв. ‘Единственный в своем роде Ботеро’ — статья о смерти колумбийского художника).
3. “Capitalistas sin cartera” (букв. ‘Капиталисты без кошелька’).
4. “De los ceniceros a la taroterapia” (букв. ‘От пепельниц к таротерапии’ — о разрастающемся невежестве в современном обществе).
5. “La memoria como imperativo categórico y como trampa” (букв. ‘Память как категорический императив и как ловушка’) [El País].

ABC, испанская газета. Заголовки аналитических статей в разделе *De opinión* от 16 сентября 2023 года, сплошная выборка, первые шесть заголовков:

6. “Bunquerizar la Fiesta Nacional” (букв. ‘Бункеризировать национальный праздник’ — о переносе трибуны премьер-министра подальше от народа во время праздничного военного парада).
7. “Otra foto más contra la Constitución” (букв. ‘Еще одно фото против Конституции’).
8. “Nico” (букв. ‘Нико’ — о баскском политике Николасе Редондо Терреросе).
9. “Un PSOE de matones” (букв. ‘Партия социалистов-головорезов’ — о действиях премьер-министра в свете каталонского кризиса).
10. “La cabaña del tío Tom” (букв. ‘Хижина дяди Тома’).
11. “Acabar con las discrepancias” (букв. ‘Покончить с разногласиями’) [ABC].

El Mundo, испанская газета. Заголовки аналитических статей в разделе *De opinión* от 16 сентября 2023 года, сплошная выборка, первые пять заголовков:

12. “De lesa estudiepe y otros crímenes” (букв. ‘О преступной глупости и прочих преступлениях’).
13. “Fernando Vallespín: ”La amnistía es legítima en determinadas circunstancias históricas, no para una investidura“” (букв. ‘Фернандо Вальеспин: «Амнистия легитимна в определенных исторических обстоятельствах, но не в целях инаугурации премьер-министра»’).
14. “La obligada nobleza de llamarse Redondo” (перефразируя: ‘Вынужденное положение, если носишь фамилию Редондо’ — о баскском политике Николасе Редондо Терреросе).
15. “Sánchez expulsa al referente moral del mejor PSOE” (букв. ‘Санчес выгнал референта нравственности лучшей Социалистической партии’ — о баскском политике Николасе Редондо Терреросе).
16. “Fútbol femenino: hace falta diálogo para emprender el obligado cambio” (букв. ‘Женский футбол: необходим диалог для того, чтобы предпринять обязательное изменение’; предлагаемый перевод: ‘Женский футбол: для удовлетворения требований спортсменок необходим диалог’) [El Mundo].

La Vanguardia, испанская газета. Заголовки аналитических статей в разделе *De opinión* от 16 сентября 2023 года, сплошная выборка, первые десять заголовков:

17. “Lo que tapa la amnistía” (букв. ‘Что скрывает амнистия’).
18. “Lampedusa como ejemplo” (букв. ‘Лампедуза как пример’).
19. “Matrimonio de inconveniencia” (букв. ‘Брак по нерасчету’).
20. “Lujo para todos” (букв. ‘Роскошь для всех’).
21. “Con Marruecos” (букв. ‘С Марокко’).
22. “¿Para qué sirvió Nelson Mandela?” (букв. ‘Для чего был нужен Нельсон Мандела?’).

23. “Demasiados Zaratustras” (букв. ‘Слишком много Заратустр’).
24. “Agenda, agendas” (букв. ‘Повестка, повестки’).
25. “Regreso a la edad media” (букв. ‘Возвращение в Средневековье’).
26. “Ovejas y lobas” (букв. ‘Овцы и волчицы’) [La Vanguardia].

Информационная функция осуществляется в некоторых заголовках благодаря использованию в них имен существительных, называющих единственные в своем роде явления, в частности — это имена собственные, документы (Конституция), вид спорта (футбол). Однако остальные заголовки неинформативны и в то же время несут прагматический заряд, выражающийся в приглашении читателя к более глубокому ознакомлению с текстом.

1. С точки зрения использования лексики в исследуемой выборке наблюдается существенный перевес в пользу прагматически маркированных единиц против несущих чистую информацию. В этой связи без отдельных комментариев или без прочтения *лида* невозможно предугадать, о чем написано в статьях (2), (3), (10), (11), (12), (19), (20), (23), (24), (25), (26).

В отношении стилистической окраски лексики выразительность заголовков как средство воздействия на читателя актуализируется с помощью эмоционально-оценочной лексики или игры слов в статьях:

- (1) (содержащее субъективную оценку имя прилагательное *fallido* ‘несостоявшийся, потерпевший крах’);
- (2) (содержащее субъективную оценку имя прилагательное *inconfundible* ‘единственный в своем роде, не могущий быть перепутанным с чем-либо’);
- (6) (окказионализм *bunquerizar* ‘бункеризировать’);
- (9) (существительное с ярко выраженной отрицательной коннотацией *matones* ‘головорезы’);
- (12) (прилагательное с ярко выраженной отрицательной коннотацией *lesa* ‘потерпевшая ущерб, оскорбленная, ставшая объектом преступного действия’, существительное с ярко выраженной отрицательной коннотацией *estupidez* ‘глупость’, намеренное нарушение лексической сочетаемости *lesa estupidez*, которое в данном контексте мы бы предложили перевести как ‘преступная глупость’);
- (14) (каламбур, построенный на грамматическом искажении выражения *Nobleza obliga* ‘положение (звание) обязывает’, перефразированном здесь в *La obligada nobleza* ‘обязательное (вынужденное) положение’);
- (15) (оценочное прилагательное в превосходной степени *el mejor* ‘лучший’);
- (19) (каламбур, построенный на искажении выражения *matrimonio de conveniencias* ‘брак по расчету’);
- (23) (оценочное прилагательное *demasiados* ‘слишком многочисленные’, антономазия *Zaratustras* ‘Заратустры’);
- (24) (полиптиотон *Agenda, agendas* ‘повестка, повестки’).

Большую часть из перечисленных прагматически маркированных средств было бы корректно назвать лингвокреативными, пользуясь терминологией, предложенной исследователями-испанистами Е. Н. Ремчуковой и О. А. Шевченко. Кроме того, в статьях (5), (10), (23) и (26) эксплицитно выражены отсылки к прецедентным текстам литературы и кинематографа («Критика практического разума», «Хижина дяди Тома», «Так говорил Заратустра», «Волки и овцы»). Согласно наблюдениям Л. В. Моисеенко, в испанских публицистических и рекламных текстах довольно часто используются отсылки к прецедентным текстам в целях своеобразной художественной переработки, которая выполняет игровую, «людическую» функцию [Моисеенко, 2007].

Таким образом, половина заголовков из нашей выборки содержит маркированную лексику или лексические обороты, а также такие лексико-семантические приемы, как каламбуры и аллюзии, что помогает заголовку актуализировать экспрессивную, людическую и суггестивную функции (внушение читателю, заинтересовавшемуся заголовком, идеи о том, что он с автором говорит «на одном языке», а потому должен понять его).

2. Только в одном заголовке (13) авторы используют прямую речь.
3. В основном, за исключением (13), (15), (16), (22), заголовки представляют собой номинативные конструкции, а не полноценные простые или сложноподчиненные предложения.
4. В силу указанного в пункте 3 случаев опущения глаголов нет.
5. Глагольные заголовки (15) и (17) так же, как и в случаях заголовков информационных статей, содержат глаголы в настоящем времени.
6. В силу фактического отсутствия предложений тема-рематический анализ произвести затруднительно.

Выводы

Таким образом, сопоставительный анализ, в совокупности с описаниями в прецедентных источниках, подтверждает факт различий между средствами, выбираемыми для заголовков испанских информационных и аналитических статей. Объяснить такие различия в отборе языковых средств можно установкой: проинформировать о событии — в первом случае, заинтересовать, воздействовать эмоционально, добиться определенной реакции — во втором. На основании анализа эмпирического и теоретического материала мы склонны утверждать, что испанские журналисты для достижения прагматического эффекта системно прибегают в заголовках к таким средствам, как маркированная лексика и лексико-семантические приемы (аллюзии, метафоры, эпитеты, лексика с яркой эмоционально-экспрессивной окраской, каламбуры), а также — к отказу от привычных для заголовков информационных статей цитат и прямой речи и от использования сложноподчиненных предложений, делая выбор в пользу номинативных конструкций. В силу последнего фактора вопрос об эллипсе глаголов-связок или о выборе времени не релевантен, однако в случае использования глаголов для описания событий недавнего прошлого, как и в заголовках информационных статей, отдается предпочтение настоящему времени. Контекст, в котором выявлены данные характеристики заголовков в ходе нашего анализа, а также прецедентные научные труды показывают, что данные средства в целом призваны помочь журналистам актуализировать в заголовках аналитических статей такие функции, как эстетическая, экспрессивная (функция выражения автором его эмоций и отношения к сообщаемому), аллюзивная, людическая (функция приглашения читателя к декодированию заложенной в заголовке интертекстуальной отсылки), суггестивная и апеллятивная.

Выявив конвенциональные для заголовков информационных текстов средства, мы исключили их из потенциально прагматически заряженных. И наоборот: использование не относящихся к их числу средств мы можем рассматривать как реализацию прагматически обусловленной задачи. Функциональный потенциал используемых средств представляется довольно широким и зависящим от конкретного сообщения и отношения к нему автора, что может требовать более углубленного, «адресного» исследования, в котором можно будет, в свою очередь, опираться на наши выводы о потенциально прагматически заряженных средствах и приемах, с одной стороны, и потенциально возможных интенциях авторов текстов СМИ, с другой.

Список источников

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. — М. : Искусство, 1979. — С. 237–280.
2. Васильева М. Д. Коммуникативно-прагматические функции газетных заголовков в современных русских и испанских СМИ // Теория и практика лингвистики и иноязычного образования : сб. тез. по итогам преддипломн. практики «Выпускник — 2022». — Ростов н/Д., 2022. — С. 11–12.
3. Верещинская Ю. В. Заголовки газетных статей в аспекте медиалингвистики (на материале испанского языка) // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. — М. : МГИМО (У)МИД России, 2007. — № 28 (43). — С. 17–25.
4. Иванова Н. В., Мельник Е. С. О некоторых особенностях употребления глагольных времен в заголовках газетных текстов на испанском языке // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. — 2022. — № 2 (23). — С. 50–55.
5. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику : учеб. пособие. — 5-е изд., стер. — М. : Флинта, 2019. — 149 с.
6. Моисеенко Л. В. Прецедентность и людическая функция языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2007. — № 519-1. — С. 45–53.
7. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков) : курс лекций. — Минск, 2009. — 183 с.
8. Омуралиева А. И. Жанры аналитической публицистики // Вестник калмыцкого университета. — 2014. — № 3 (23). — С. 76–80.
9. Ремчукова Е. Н., Шевченко О. А. Лингвокреативные составляющие печатных СМИ Испании в аспекте отношений «Адресант — Адресат» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Лингвистика». — 2016. — Т. 20, № 1. — С. 33–42.
10. Таюпова О. И. Прагматический потенциал заголовков в современных публицистических текстах // Вестник ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2015. — № 4. — С. 21–26.
11. ABC. — URL : <https://abc.com/> (дата обращения: 24.11.2023).
12. El Mundo. — URL : <https://www.elmundo.es/> (дата обращения: 24.11.2023).
13. El País : periódico global. — URL : <https://elpais.com/> (дата обращения: 24.11.2023).

14. Franco M. A., Casanova V. Tema, rema y focalización: del enunciado al texto. Análisis de títulos y leads de prensa // Quorum académico. — 2006. — Vol. 3, № 2, julio-diciembre. — Pp. 55–81.
15. La Vanguardia. — URL : <https://www.lavanguardia.com/> (дата обращения: 24.11.2023).

References

1. Bahtin M. M. *Problema rechevyh zhanrov* [Speech genre problem]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979, pp. 237–280. (In Russian).
2. Vasil'eva M. D. Communicative and Pragmatic Functions of Newspaper Headlines in Modern Russian and Spanish Mass Media. *Teoriya i praktika lingvistiki i inoyazychnogo obrazovaniya: sb. tez. po itogam preddiplomnoj praktiki "Vypuschnik — 2022"* [Theory and practice of linguistics and foreign language education. Collection of theses on the results of pre-diploma practice "Graduate"]. Rostov-on-Don, 2022, pp. 11–12. (In Russian).
3. Vereshhinskaja Ju. V. Newspapers Headlines in the Medialinguistics Aspect (on the basis of the Spanish Language). *Filologicheskie nauki v MGIMO: sb. nauch. tr.* [Filology Science in MGIMO: Collection of Scientific Proceedings]. Moscow, MGIMO (U)MID Rossii Publ., 2007, no. 28 (43), pp. 17–25. (In Russian).
4. Ivanova N. V., Mel'nik E. S. About Some Peculiarities of the Use of Verb Tenses in the Headlines of Newspaper Texts in Spanish. *Na peresechenii yazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya* [At the intersection of languages and cultures. Actual questions of humanitarian knowledge.]. 2022, no. 2 (23), pp. 50–55. (In Russian).
5. Maslova A. Ju. *Vvedenie v pragmalingvistiku: ucheb. posobie* [Introduction to Pragmalinguistics. Textbook for Undergraduates, Postgraduates and Teachers of Philology]. Moscow, Flinta Publ., 2019, 149 p. (In Russian).
6. Moiseenko L. V. Precedence and the Human Function of Language *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. 2007, no. 519-1, pp. 45–53. (In Russian).
7. Norman B. Ju. *Lingvisticheskaja pragmatika (na materiale russkogo i drugih slavjanskikh jazykov): kurs lekcij* [Linguistic Pragmatics (on the Material of Russian and other Slavic Languages): a Course of Lectures]. Minsk, 2009, 183 p. (In Russian).
8. Omuralieva A. I. Genres of Analytical Journalism. *Vestnik kalmyckogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University]. 2014, no. 3 (23), pp. 76–80. (In Russian).
9. Remchukova E. N., Shevchenko O. A. Linguocreative Components of the Printed Media of Spain in the Aspect of the Relationship "Addresant — Addressee". *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser. "Lingvistika"* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Ser. "Linguistics"]. 2016, vol. 20, no. 1, pp. 33–42. (In Russian).
10. Tajupova O. I. Pragmatic Potential of Headlines in Modern Journalistic Texts. *Vestnik VGU. Ser. "Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija"* [Vestnik VSU. Ser. "Linguistics and Intercultural Communication"]. 2015, no. 4, pp. 21–26. (In Russian).
11. ABC. Available at: <https://abc.com/> (accessed 24.11.2023). (In Spanish).
12. El Mundo. Available at: <https://www.elmundo.es/> (accessed 24.11.2023). (In Spanish).
13. El País: periódico global. Available at: <https://elpais.com/> (accessed 24.11.2023). (In Spanish).
14. Franco M. A., Casanova V. Tema, rema y focalización: del enunciado al texto. Análisis de títulos y leads de prensa. Quorum académico. 2006, vol. 3, no. 2, julio-diciembre, pp. 55–81. (In Spanish).
15. La Vanguardia. Available at: <https://www.lavanguardia.com/> (accessed 24.11.2023). (In Spanish).

Информация об авторе

Гончаренко Елизавета Сергеевна — старший преподаватель кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета.

Information about the author

Goncharenko, Elizaveta — senior professor at the Department of Spanish Language and Translation and Interpretation of the Moscow State Linguistic University.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024;
принята к публикации 21.01.2024.

Submitted 15.12.2023;
approved after receiving 19.01.2024;
accepted for publication 21.01.2024.

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 14–25.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):14–25.

Научная статья
УДК 81'373
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.002

Метаязыковые обозначения в русском и английском языках: когнитивный фактор формирования межъязыковых сходств и различий

Марина Степановна Гутовская

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
marina-gutovskaya@yandex.by

Аннотация. В статье рассматриваются схожие и различительные черты метаязыковых (связанных с языком, речью, общением) обозначений — лексики и фразеологии — в русском и английском языках. Представляется применимая к лексемам и фраземам классификация номинативных единиц, позволяющая систематизировать национальные словарные фонды по признакам межъязыковых сходств и различий с учетом языковых, культурных и когнитивных факторов формирования обоих признаков. Показывается удельный вес схожего и различительного и вклад названных факторов в их формирование в русском и английском полях метаязыковых обозначений в целом и в их лексических и фразеологических составах. Дается характеристика групп когнитивно обусловленных сходств и различий. На основе количественных данных о представленности номинативными единицами этих групп оценивается значимость в рассматриваемых языках тенденции интернационализации в сфере когнитивно маркированной метаязыковой номинации.

Ключевые слова: метаязыковые номинативные единицы, межъязыковые сходства и различия, когнитивный фактор.

Для цитирования: Гутовская М. С. Метаязыковые обозначения в русском и английском языках: когнитивный фактор формирования межъязыковых сходств и различий // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1(68). С. 14–25. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.002.

Original article

Metalingual nominative units in Russian and English: a cognitive factor in the formation of cross-language similarities and differences

Marina S. Gutovskaya

Belarusian State University, Minsk, Belarus
marina-gutovskaya@yandex.by

Abstract. The article examines the similar and distinctive features of metalingual (related to language, speech, communication) nominative units — lexemes and phrasemes — in the Russian and English languages. The paper presents a classification of nominative units, which is applicable to lexemes and phrasemes and allows to systematize national nominative funds according to cross-language similarities and differences with the view of linguistic, cultural and cognitive factors. The study shows the ratio of the similar and specific and the contribution of the three factors to their formation in the Russian and English metalingual nominative fields and their lexical and phraseological parts. The groups of cognitively determined similarities and differences are characterized. On the basis of quantitative data on the representation of these groups by nominative units, the author assesses the significance of the trend of internationalization in the sphere of cognitively marked metalingual nomination in the languages under consideration.

Keywords: metalingual nominative units, cross-language similarities and differences, cognitive factor.

For citation: Gutovskaya M. S. Metalingual nominative units in Russian and English: a cognitive factor in the formation of cross-language similarities and differences. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 14–25. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.002.

Введение

В современных условиях интенсификации межнациональной коммуникации и расширения обмена информацией сопоставительные исследования словарных фондов разных языков в аспекте межъязыковых сходств и различий проводятся весьма активно. Однако до сих пор вопрос об универсальном (общечеловеческом), интернациональном (общем для ряда генеалогически, типологически или ареально близких языков) и национальном (индивидуальном, присущем отдельному языку), о причинной обусловленности этих свойств и их соотношении в языках остается открытым.

Ввиду объемности словарного фонда (язык с продолжительной письменной традицией насчитывает сотни тысяч лексических и фразеологических единиц) создание описания словаря одного языка, а тем более сопоставимых описаний словарных составов разных языков — чрезвычайно трудоемкая задача. Исследование номинативного состава языка чаще всего осуществляется в рамках его репрезентативных фрагментов — семантических полей как совокупностей номинативных единиц с общей семантикой. Два класса номинативных единиц — лексемы и фраземы — в силу их очевидного своеобразия традиционно рассматриваются как отдельные системы. Однако наличие у лексических и фразеологических единиц общих свойств номинативности и воспроизводимости свидетельствует о том, что лексика и фразеология образуют единую номинативную систему, и сегодня ощущается потребность в выработке общих подходов и методов исследования лексического и фразеологического материала с целью представления номинативного фонда языка как единого сложного, но скоординированного целого.

В статье рассматриваются схожие и специфические черты лексики и фразеологии с метаязыковой семантикой в неблизкородственных (принадлежащих разным группам индоевропейской семьи) русском и английском языках. Представляется применимая к лексемам и фраземам классификация номинативных единиц, позволяющая систематизировать национальные словарные фонды по признакам межъязыковых сходств и различий с учетом языковых, культурных и когнитивных причин формирования признаков. Анализируются когнитивно обусловленные сходства и различия.

Метаязыковые обозначения — это слова и фразеологизмы, с помощью которых люди говорят и пишут о языке: *речь, письмо, пословица, грамматика, обсуждать, повелительное наклонение, дар речи, выбирать выражения, трещать как сорока* и мн. др. К метаязыковым относятся обозначения, употребляемые в быденном и профессиональном общении. Широкое понимание метаязыка восходит к классической работе Р. О. Якобсона о функциях языка «Лингвистика и поэтика»: «...метаязык — это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами; он играет важную роль и в нашем повседневном языке» [Якобсон, 1975, с. 201], и получает развитие в работах О. С. Ахмановой: «...понятие метаязыка гораздо шире, чем понятие терминологии, так как метаязык включает в себя лингвистическое словоупотребление в широком смысле этого слова» [Ахманова, 2018, с. 4], Б. М. Гаспарова [Гаспаров, 1996, с. 43–52], И. В. Арнольд [Арнольд, 2016, с. 84].

Предлагаемая статья посвящена общей (не специальной) метаязыковой лексике и фразеологии. Материал исследования составили частотные общеупотребительные — взятые из общих (нетерминологических) лексикографических источников — метаязыковые лексемы и фразеологизмы. Совокупный объем сформированного на основе словарей корпуса исследования — 4 600 единиц, в их числе 1 478 лексем и 1 029 фразем русского языка, 1 243 лексемы и 850 фразем английского языка. В корпус, помимо количественно преобладающих общих, нетерминологических номинативных единиц (*из первых уст, зубы заговаривать*), вошли и единицы терминологического характера (*части речи, степени сравнения*) — в словари названного типа включены терминологические наименования, употребительные в общенародной речи. За единицу исследования принимается номинативная единица в метаязыковом значении.

Основная часть

Источники формирования межъязыковых сходств и различий метаязыковых обозначений в русском и английском языках

У метаязыковых обозначений русского и английского языков имеются как схожие, так и различительные черты. Общая часть подкорпусов рассматриваемых языков представлена номинативными единицами, конгруэнтными одновременно в плане содержания и плане выражения, различная — единицами, специфичными в формальном и (или) смысловом отношении. Межъязыковые сходства и различия порождаются причинами языкового, культурного и когнитивного характера. По признакам схожести vs специфичности и с учетом названных факторов становления этих признаков в рассматриваемом

лексико-фразеологическом материале выделяется шесть групп номинативных единиц: три группы схожих — 1) единицы, сходство которых связано с языковыми факторами; 2) единицы с культурно обусловленным сходством; 3) единицы с когнитивно детерминированным сходством; три группы специфических — 4) обозначения с этноязыковой специфичностью; 5) этнокультурно-специфичные обозначения; 6) этнокогнитивно-специфичные обозначения [Гутовская, 2019].

Поля метаязыковых обозначений русского и английского языков являются древними (идушими от эпохи индоевропейской общности) и крупными семантическими объединениями номинативных единиц. Наблюдаемые в них закономерности могут экстраполироваться на номинативные фонды в целом, а представленная классификация — применяться в исследованиях межъязыковых сходств и различий других семантических группировок лексических и (или) фразеологических единиц и других языков. Отметим важность предусматриваемого классификацией разграничения межъязыковых различий в лексике и фразеологии на различия языкового, культурного и когнитивного порядка в практике преподавания иностранного языка. Осмысление трех видов номинативных единиц — единиц, воплощающих языковую, культурную и когнитивную специфику, — требует разной степени погружения в «чужую» среду: знания только иностранного языка, языка и культуры, языка, культуры и менталитета соответственно, поэтому знакомить обучающихся с единицами названных видов целесообразно на разных этапах обучения. Практическая значимость состоит также в том, что введение предложенной классификации в качестве приема изучения новых тематических групп лексики и фразеологии на продвинутом уровне изучения иностранного языка можно рассматривать как один из способов оптимизации процесса усвоения нового материала.

Идентификация межъязыковых сходств и различий осуществляется посредством анализа плана содержания и плана выражения разноязычных номинативных единиц. Соотносимыми признаются номинативные единицы, обладающие общим семантическим инвариантом и характеризующиеся полным или частичным соответствием формы. К национально-специфичным относятся единицы, не схожие по форме и (или) содержанию.

Деление разрядов схожего и специфического на три одинаковые в обоих разрядах группы — обусловленное причинами языкового, культурного и когнитивного характера — производится с использованием комплекса исследовательских процедур. Графико-фонематический анализ межъязыковых соответствий дает возможность определить группу материально (графически и (или) фонематически) соотносимых единиц, возводимых к общему языковому источнику (стимулированное языковыми причинами сходство: *документ, document*). Учет этимологических данных помогает установить группу единиц, связанных с общими культурно-историческими феноменами, наднациональными по отношению к языкам сопоставления (культурно обусловленное сходство: *эзопов язык, Aesopian language* в значении ‘художественная речь, основанная на иносказании, намеках, в которой за прямым смыслом сказанного таится второй план, раскрывающий подлинные мысли автора (по имени древнегреческого баснописца Эзопа)’ (РАСКС¹, с. 219 ; ФСРЯ², с. 331)). Предметно-логическое и ассоциативно-образное изучение плана выражения позволяет выделить группу единиц, характеризующихся общностью лежащего в их основах номинативного замысла (когнитивно детерминированное сходство: *запинаться, stumble* (букв. ‘запинаться’) в фигуральном значении ‘прерывать речь, делать паузы, остановки в речи вследствие затруднения в выборе слов, в произношении’ (БТС³, FD⁴)). Та же совокупность приемов используется для разграничения трех групп внутри разряда специфических единиц: группы единиц, объективирующих структурные особенности национального языка или обладающих осложненной языковыми факторами оболочкой и имеющих в других языках отличные по форме соответствия (связанная с языковыми факторами специфичность: русское *ворчать* и английское *murmur* со значением ‘говорить сердитым тоном, негромко и неотчетливо, выражая неудовольствие, раздражение’ (БТС, FD), построены на основе типичных для каждого языка звукосочетаний); группы единиц, связанных со своей национальной культурой (культурно обусловленная специфичность: фразема *Лиса Патрикеевна* ‘о лстивом человеке’ (ФСРЯ, с. 134) отсылает к персонажу русских народных сказок, фразема *aunt Sally* (букв. ‘тетка Салли’) ‘объект

¹ Здесь и далее РАСКС — «Русско-английский словарь крылатых слов» (цит. по: [Уолш, Берков, 1984] с указанием страниц).

² Здесь и далее ФСРЯ — «Фразеологический словарь русского языка» (цит. по: [Фразеологический словарь ... , 2007] с указанием страниц).

³ Здесь и далее БТС — «Большой толковый словарь русского языка» (цит. по: [Большой толковый словарь ...]).

⁴ Здесь и далее FD — *The Free Dictionary* (цит. по: [The Free Dictionary]).

необоснованной критики' (LID⁵, р. 10) восходит к английской народной игре); группы единиц, демонстрирующих своеобразие восприятия общечеловеческих явлений отдельным языковым коллективом и обладающих специфичной формой и (или) содержанием (когнитивно детерминированная специфичность: номинативные единицы *zarezat'* 'запретить публиковать' и *cut dead* (букв. 'зарезать') 'не приветствовать при встрече' актуализируют особенности ассоциативно-образной базы двух языков, характеризуются специфичностью направления метафорического переноса: при общей сфере-источнике метафоры 'убийство режущим орудием' сферы-цели переосмысления оказываются разными: 'запрет на публикацию' и 'неприветствие при встрече').

Количественное распределение материала исследования по выделенным разрядам и группам показано на рисунке.

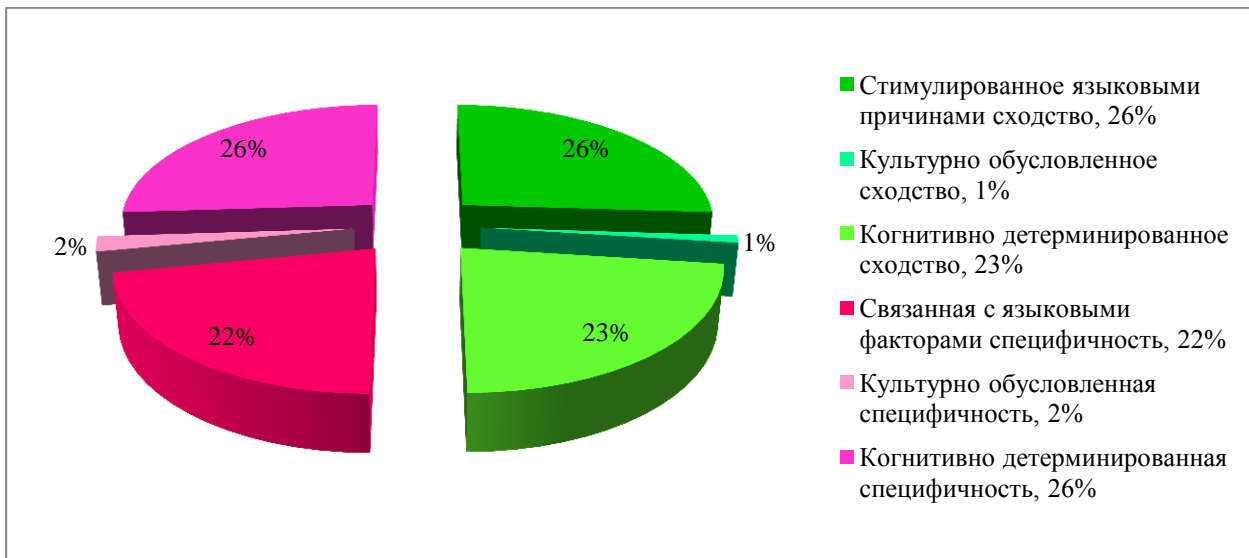

Рис. 1. Удельный вес схожего и специфичного в русском и английском полях метаязыковых обозначений с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов становления двух признаков, %

По данным рисунка видно, что схожее и различное в русском и английском полях метаобозначений находятся в соотношении 1:1. Формально-семантические планы метаязыковых полей соотносимы на половину, фонографические — на четверть. Значительной конвергенции исследуемых полей способствует единство европейской цивилизации и информационных процессов: сближение культур, психологии, социальных и материальных условий жизни и фоновых знаний европейских народов, интеграция наук, интенсификация языковых контактов на просветительской почве, увеличение объемов коммуникации разноязычных сообществ посредством телекоммуникационных технологий.

Когнитивный фактор играет ключевую роль в формировании межъязыковых сходств и различий.

Когнитивно обусловленные межъязыковые сходства

Лексемы с когнитивно детерминированным сходством. Параллелизм разноязычных номинативных единиц когнитивного типа складывается в силу общности человеческой психики. Единицы с когнитивно обусловленным сходством характеризуются близостью лежащего в их основах номинативного замысла, при этом конгруэнтность семантики и формы единиц этой группы объясняется схожестью мировидения. Образующие эту группу единицы являются мотивированными наименованиями. Формально-семантическая соотносимость таких имен в разных языках проявляется в схожести логических схем построения словообразовательно мотивированных сложных лексем (*словосочетание* 'лингв.) сочетание двух или нескольких слов, объединенных грамматически и по смыслу' (БТС), *word-combination*

⁵ Здесь и далее LID — *Longman Idioms Dictionary* (цит. по: [Longman Idioms Dictionary, 1998] с указанием страниц).

‘(лингв.) простейшая синтаксическая единица, образуемая сочетанием двух или нескольких слов, объединенных грамматически и по смыслу’ (FD)) и тождественности моделей переосмысления образно мотивированных единиц в переносных значениях (*nonpugai* ‘(неодобр.) тот, кто не имеет собственного мнения и повторяет чужие мысли, слова’ (БТС), *parrot* (букв. ‘попугай’) ‘тот, кто повторяет чужие слова, не понимая их смысла’ (FD)).

Схожесть номинативных идей — схем построения сложных слов и моделей семантической трансформации совпадающих по прямому значению лексем — может быть следствием словообразовательного и семантического (связанного с копированием модели переосмысления иноязычной лексемы с тем же исходным значением) калькирования. Примером относительно недавних семантических новаций в русском языке под влиянием английского может служить возникновение компьютерно-интернетных значений у таких лексем, как *сеть*, *паутина*, *ссылка*, *страница* (*страничка*), *окно*, *меню*, *икона* (*иконка*), *загрузить*, *архивировать*, *зависнуть* и др.

Близость логических и образных структур лексических обозначений также может быть результатом самостоятельного развития в разных языках — условия существования разноязычных сообществ в значительной мере схожи, и многие общие факты бытия получают в разных языках независимо друг от друга одинаковое осмысление: *глотать* ‘очень быстро, неразборчиво произносить’ (БТС), *swallow* (букв. ‘глотать’) ‘говорить невнятно’ (FD), *грязный* ‘непристойный’ (БТС), *dirty* (букв. ‘грязный’) ‘непристойный’ (FD).

Отметим, что к группе единиц с когнитивно обусловленным сходством отнесены также образно мотивированные обозначения, которые характеризуются неполным, частичным совпадением внутренней формы. Такие обозначения имеют общую схему переосмысления — сфера-источник и сфера-цель совпадают. Когнитивной близостью отмечены лексемы *acid* (букв. ‘кислота’) ‘саркастичность, злая насмешливость’ (FD) и *едкий* ‘язвительный, колкий’ (БТС): в своих прямых значениях английская и русская лексемы относятся к одному феномену — называют конкретное химическое соединение и его признак соответственно, переосмысление строится по единой модели: ‘вызывающий химическое разрушение’ → ‘причиняющий нравственную боль’. Схожесть переосмысления демонстрируют и такие частично совпадающие по внутренней форме пары лексем, как *плести* ‘возводить клевету’ (БТС) и *yarn* (букв. ‘пряжа’) ‘клевета, сплетня’ (FD), *молния* и *flash* (букв. ‘вспышка’) со значением ‘экстренный выпуск новостей’ (БТС ; FD), *стрела* и *shaft* (букв. ‘копье’) в значении ‘направленное против кого-л., чего-л. колкое высказывание’ (БТС ; FD) и др.

Когнитивно детерминированные фразеологические параллели. Межъязыковой фразеологической параллелизм когнитивного характера также объективирует схожее в логическом и ассоциативном мышлении носителей разных языков, обнаруживает их способность генерировать тождественные номинативные идеи под действием общих внешних стимулов или перенимать их. Фразеологические параллели такого рода складываются путем независимого развития в результате одинакового осмысления общеизвестных феноменов мира или путем калькирования иноязычных номинативных моделей при языковых контактах.

Самостоятельно возникают в основном схожие образные фраземы. Совпадение образности детерминируется универсальностью механизмов фразеологизации (метафоры, метонимии, образного сравнения) и значительной общностью условий, в которых функционируют языки. Примером независимо сложившихся в русском и английском языках когнитивно обусловленных параллелей могут служить фраземы *гладить против шерсти*, *rub the fur the wrong way* ‘говорить кому-л. неприятное’ (ФСРЯ, с. 47; IFD⁶) *из первых рук* (*узнать*), *at first hand* ‘прямо из первоисточника’ (ФСРЯ, с. 192 ; IFD), *бить по больному месту*, *hit sb where it hurts* ‘говорить о том, что очень беспокоит кого-л.’ (РФИЭС⁷, с. 221 ; LID, 170).

В результате калькирования появляются как образные фраземы, так и необразные терминологизированные: *порочный круг*, *vicious circle* (от лат. *circulus vitiosus*) ‘логическая ошибка, состоящая в том, что какое-л. положение доказывается при посредстве другого, которое само должно быть доказано при посредстве первого’ (ФСРЯ, с. 211 ; IFD), *родительный падеж*, *genitive case* (от др.-греч. *γενική πτῶσις*, лат. *casus genitivus*) ‘падеж, выражающий значение принадлежности’ (ФСРЯ, с. 30 ; FD). В основе калькирования во фразеологии обычно лежит стремление найти яркое выражение понятию, которое уже известно принимающему языку, поименовано в нем [Солодухо, 2008, с. 79–80]. Особенностью метаязыковой фразеологии является то, что калькирования в этой сфере связаны преимущественно с необходимостью

⁶ Здесь и далее IFD — *Idioms by The Free Dictionary* (цит. по: [Idioms by The Free Dictionary]).

⁷ Здесь и далее РФИЭС — «Русская фразеология: историко-этимологический словарь» (цит. по: [Русская фразеология, 2005] с указанием страниц).

передачи новых, неотраженных ранее в языке-реципиенте специальных (принадлежащих профессиональной сфере) понятий. Значительная часть относящихся к языку и речи калькированных фразем является основным и единственным именованием соответствующих понятий, а не переименованием, выразительной заменой имеющихся наименований.

Когнитивно обусловленные межъязыковые различия

Этнокогнитивно-специфичные лексемы. Этнокогнитивная специфичность номинативных единиц детерминирована уникальностью национального мировидения. Группу этноспецифичных в когнитивном смысле единиц образуют три подгруппы обозначений: 1) единицы, отличающиеся своеобразием номинативной идеи, логического или образного построения; 2) единицы, объективирующие особенности членения мира конкретным языком; 3) единицы, демонстрирующие самобытность ассоциативно-образной базы языка.

Лексемы первой подгруппы соотносимы по семантике, но отличаются по внутренней форме. В процессе оформления языкового обозначения отдельного феномена мира выделение тех его признаков, которые послужат основой номинации, и, в случае переосмысления, выбор феномена, соотносимого по этим признакам с номинируемым, являются индивидуальными в каждом конкретном случае и часто случайными [Залевская, 2007, с. 185–187], поэтому в разных языках один и тот же феномен может быть представлен несхожим способом, ср.: *допотопный* (букв. ‘существовавший до библейского потопа’) и *fossil* (букв. ‘ископаемый, окаменелый, сохранившийся в земной коре с прежних геологических эпох’) в значении ‘устаревший, вышедший из употребления’ (БТС ; FD). В кругу семантически соотносимых единиц со специфичной внутренней формой различаются два вида переносных наименований: а) обозначения, имеющие разное образное решение, но построенные на общем признаке номинации (лексемы с разной образной основой *изюминка* и *sauce* (букв. ‘соус’) в значении ‘прелесть, острота рассказа, изложения’ (БТС ; FD) реализуют общую кулинарную метафору: то, что придает рассказу своеобразие, привлекательность и вызывает к нему интерес, уподобляется тому, что улучшает вкус кушанья и усиливает аппетит); б) именованья, отличающиеся как по образной репрезентации, так и по актуализируемым номинативным признакам (*пулоп* и *mouth* (букв. ‘рот’) в значении ‘выразитель чьих-л. идей, настроений’ (БТС ; FD), *собака* и *a in a circle* (букв. ‘буква a в круге’) в значении ‘знак адреса в электронной почте’ (БТС ; FD).

Образы большинства номинативных единиц рассматриваемой подгруппы (единиц, характеризующихся своеобразием номинативной идеи) транспарентны, общепонятны — базируются на объективных свойствах всем известных феноменов и отражают общие ассоциации, и поэтому адекватно воспринимаются носителями разных языков. Например, резкий выговор, критика фигурально обозначаются в русском языке лексемой *разнос* (букв. ‘разгром, разрушение’), в английском — лексемой *blast* (букв. ‘взрыв’). Смысл этих несовпадающих по образу переносных употреблений без труда угадывается носителями обоих языков, потому что в их основе лежит общепонятный механизм переосмысления: предмет порицания (мнение, решение, поступок) осмысливается как материальный объект, а действие по выражению отрицательной оценки — как его физическое уничтожение. Конечно, метафора допускает разные толкования, так как охватывает диффузный комплекс признаков, однако понимание метафорического смысла, интуитивное вычленение символа метафоры оказывается возможным в минимальном контексте: *разнести план, blast an idea* ‘раскритиковать идею’.

Лексемы второй подгруппы (демонстрирующие особенности языковой концептуализации) означивают феномены, равно присутствующие в средах бытования рассматриваемых языков, но закрепленные лишь в одном из них и проигнорированные в другом. Например, наличие в английском языке лексем *ghost* ‘(разг.) фактический автор, тайно пишущий речи, статьи или книги за известного политика, государственного деятеля и т. п.; «автор-призрак»’, *recognize* ‘предоставить право выступить на собрании’, *contribution* ‘статья или другая работа, представленная для публикации’, *postpone* ‘отнести в конец предложения, дальше обычной для какой-л. единицы позиции’, *leader* ‘первое, наиболее важное сообщение в последних известиях; (разг.) первая реплика, которая дает начало разговору и определяет основную его тему’ (FD) свидетельствует о том, что англоязычное сознание замечает, вычленяет соответствующие феномены. Явления, называемые английскими лексемами, представлены и в русскоязычной среде, однако они не замечаются русским языковым сознанием, не фиксируются лексическими и фразеологическими средствами — на фоне номинативного фонда русского языка лексем *ghost, recognize, contribution, postpone, leader* в приведенных переносных значениях оказываются безэквивалентными. Этот тип межъязыковой безэквивалентности можно назвать когнитивно обусловленным.

Отметим, что терминологическое обозначение обсуждаемого типа межъязыковой безэквивалентности как когнитивно детерминированного не имплицитно, что в рассматриваемых случаях языковым лакунам всегда соответствуют когнитивные, или концептуальные, лакуны. Как известно, отношения между концептуальной и языковой картинами мира могут быть сложными. Отраженные в сознании феномены могут оказаться не зафиксированными в языке [Лихачев, 1993, с. 5 ; Levelt, 1998, р. 10 ; Dell, Chang, Griffin, 2001, р. 239]. Концепты могут функционировать в универсальном предметном коде человека в виде зрительных, звуковых, обонятельных, вкусовых, тактильных, моторных образов [Жинкин, 1982, с. 54], но не находят при этом выхода в язык и коммуникацию. Объясняется это тем, что некоторые из невербализованных концептов не предназначены для обсуждения с другими людьми (концепт ‘сухое вещество, собирающееся в уголке глаза’) или же неактуальны (концепт ‘узкая полоска льда на тротуаре, по которой можно, разбежавшись, прокатиться зимой’). Тогда как салиентные — психологически важные для человека — концепты манифестируются единицами разных языковых уровней [Рахилина, 2010, с. 15], и чем выше актуальность концепта, его значимость для конкретного этнолингвокультурного сообщества, тем многообразнее и шире потенциал его языкового выражения [Богданова, 2012, с. 132]. Таким образом, когнитивно обусловленная безэквивалентность номинативных единиц, называющих феномены, равно присутствующие в социально-культурных средах бытования сопоставляемых языков, но закрепленные лишь в одном из языков и лакунизированные в другом, связывается скорее с психологической неактуальностью соответствующего феномена (когнитивный фактор), чем его непредставленностью в когниции человека.

Лексемы третьей подгруппы (отображающие специфические представления отдельного языкового социума об ассоциативных отношениях феноменов мира) базируются на моделях переосмысления, не имеющих когнитивных аналогов в языке сопоставления. Носителям тех языков, которым неизвестны соответствующие модели переосмысления, бывает сложно понять возводимые к ним лексемы и фраземы, правильно соотнести прямой и переносный планы их семантики. К примеру, логика семантической трансформации английской лексемы *blow* ‘свистеть’ → ‘хвастаться’ (FD) будет не вполне понятна носителям русского языка, так как она не соответствует их языковому опыту — в русскоязычном сознании свист ассоциируется не с хвастовством, а с пустыми разговорами: *свистеть* ‘вести пустые разговоры; рассказывать небылицы’ (БТС). Сложными для понимания могут оказаться метафорические модели, лежащие в основе таких английских лексем, как *ride* ‘ездить верхом’ → ‘дразнить, высмеивать’ (FD) (ср. *ездить верхом* ‘использовать кого-л. в своих интересах’ (БТС)), *rat* ‘крыса’ → ‘доносчик’ (FD) (ср. *крыса* ‘человек, вызывающий неприязнь’ (ТСС⁸)), *sell* ‘продавать’ → ‘популяризировать’ (FD) (ср. *продавать* ‘совершать предательство, изменять кому-л., чему-л.’ (ТСС)), *gas* ‘газ; топливо’ → ‘болтовня; бахвальство’, *grass* ‘трава’ → ‘доносчик’ (FD) и т. п.

Этнокогнитивно-специфичные фраземы. Этнокогнитивно-специфичные фраземы объективируют особенности национального осмысления феноменов мира. В группе этнокогнитивно-специфичных фразем, как и в аналогичной группе лексем, различаются три подгруппы обозначений: демонстрирующие своеобразие номинативного замысла, языковой концептуализации и ассоциативно-образной базы.

В основе фразем, отличающихся самобытностью номинативной идеи (первая подгруппа), лежат своеобразные — не представленные в языке сопоставления — логические или образные построения. Необычными для русскоязычного сознания кажутся номинативные решения таких английских фразем, как *left-handed compliment* (букв. ‘сделанный левой рукой комплимент’) ‘двусмысленный комплимент’ (LID, р. 68), *catch drift* (букв. ‘поймать течение’) ‘уловить смысл сказанного’ (LID, р. 94), *mince not words* (букв. ‘не пропускать слова через мясорубку’) ‘не смягчать, говорить прямо’ (LID, р. 392), *bounce ideas off sb* (букв. ‘ударить идеями о кого-л., как мячом о что-л.’) ‘поделиться с кем-л. мыслями или планами, узнать чье-л. мнение, прежде чем принять решение’ (LID, р. 179) и т. п.

Фраземы, демонстрирующие особенности языкового членения мира (вторая подгруппа), называют явления, представленные в средах существования обоих привлекаемых к сопоставлению языков, но зафиксированные лишь в одном из языков и лакунизированные в другом. На фоне русского языка когнитивно безэквивалентными оказываются английские фраземы *damn sb with faint praise* (букв. ‘проклинать кого-л. слабой похвалой’) ‘хвалить так умеренно (часто обидно-снисходительным тоном или двусмысленно), что похвала оказывается похожей на порицание’ (LID, р. 271 ; МТ⁹ ; СА¹⁰),

⁸ Здесь и далее ТСС — «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» (цит. по: [Новый словарь русского языка ...]).

⁹ Здесь и далее МТ — “Multitran” (цит. по: [Multitran]).

¹⁰ Здесь и далее СА — «Словари и энциклопедии на Академик» (цит. по: [Словари и энциклопедии на Академик]).

maiden speech (букв. 'девственная речь') 'первое публичное выступление нового члена парламента' (АРФС¹¹, с. 678 ; IFD), *put the world to rights* (букв. 'приводить мир в порядок') 'говорить о том, как исправить мир, будучи невластным что-л. сделать' (LID, p. 394 ; MT), *chattering classes* '(неодобр.) светская и богемная публика, любящая поговорить на актуальные темы во всеуслышание — на радио, телевидении, в прессе' (LID, p. 62 ; MT), *curtain lecture* (букв. 'нотация за пологом кровати') 'выговор, который жена делает мужу один на один' (IFD), *hatchet man* (букв. 'человек с топором') 'журналист, специально нанятый для создания компрометирующего материала, не останавливающийся перед клеветой и подтасовкой фактов' (IFD ; MT), *make (all) the right noises* 'говорить то, что от тебя ожидается, что считается правильным в определенной ситуации' (LID, p. 245), *shaggy dog story* (букв. 'история о лохматой собаке') 'несмешной анекдот с запутанным сюжетом и нелепой концовкой' (LID, p. 89), *sting in the tail* (букв. 'жало в хвостике, скрытое жало') 'неприятное замечание в конце, неожиданная неприятная развязка' (LID, p. 327 ; CA), *score points off sb* (букв. 'набирать очки за чей-л. счет') 'поставить кого-л. в глупое, а себя в выигрышное положение, сказав что-л. умное' (LID, p. 268) и др.

При изучении номинативных фондов разных языков наборы лексически и фразеологически выраженных значений обычно не рассматриваются на предмет межъязыковых различий, так как считается, что они универсальны. Представляется, однако, что сопоставление составов значений, передаваемых лексикой и фразеологией национальных языков, позволяет продвинуться вперед в изучении проблемы этноспецифичности — выявить особенности лексико-фразеологической концептуализации единого мира в разных языках.

Фраземы, отображающие специфичные ассоциативно-образные представления конкретного языкового коллектива (третья подгруппа), отличаются самобытностью моделей переосмысления. Убедительно иллюстрируют особенности национального образного мышления разноязычные номинативные единицы, схожие по образной основе, но отличающиеся по значению (сфера-источник и сфера-цель переосмысления в этом случае не совпадают). Например, во фразеологии русского и английского языков воплощен образ, связанный с практикой приручения домашних животных, когда животному продевают в нос кольцо и, потягивая за кольцо, заставляют его идти в определенном направлении. Однако вождение за нос в русскоязычном сознании стало ассоциироваться с обманом, а в англоязычном — с доминированием: *водить за нос* 'вводить в заблуждение' (ФСРЯ, с. 33), *lead sb by the nose* (букв. 'водить кого-л. за нос') 'всецело подчинить, держать кого-л. в полном подчинении' (IFD). Своеобразие национального осмысления демонстрируют и такие фразеологические единицы, как *сталкивать лбами* 'заставлять кого-л. вступить в открытый спор, провоцируя ссору' (БТС) — *knock sb's heads together* (букв. 'сталкивать кого-л. головами') 'решительными мерами примирять спорящих' (LID, p. 163), *утереть нос* 'превзойти кого-л. в чем-л.' (БТС) — *wipe sb's nose* (букв. 'вытереть кому-л. нос') 'обманывать кого-л.' (MT), *высокие слова* 'возвышенные, полные глубокого содержания слова' (БТС) — *high words* (букв. 'высокие слова') 'гневные слова' (MT), *навести глянец* 'окончательно отделать законченную работу' (БТС) — *put a gloss on sth* (букв. 'навести глянец на что-л.') 'приукрасить, представить что-л. в своем рассказе в более привлекательном виде, чем есть на самом деле' (MT), *на столе (лежать)* 'об умершем, но еще не похороненном человеке' (ФСРЯ, с. 278) — *on the table* 'о находящемся на обсуждении вопросе' (LID, p. 336).

Различия между лексикой и фразеологией в том, как в них представлены межъязыковые сходства и отличия

Удельный вес схожих и различительных в межъязыковом плане черт и вклад в их формирование языкового, культурного и когнитивного факторов неодинаковы в лексическом и фразеологическом материале. Распределение исследуемого материала по выделенным разрядам и группам показано в таблице.

Полученные данные говорят о большей доли этноспецифического во фразеологии в сравнении с лексикой, однако опровергают весьма распространенное в лингвистике представление о национальной окрашенности фразеологического фонда в целом. Об абсолютном характере категории национально-специфического в сфере фразеологии речь идти не может: соотносимые в межъязыковом аспекте фраземы имеют значительный удельный вес.

¹¹ АРФС — «Англо-русский фразеологический словарь» (цит. по: [Англо-русский фразеологический словарь] с указанием страницы).

Распределение русских и английских метаязыковых лексем и фразем по разрядам схожего и специфичного с разграничением языковых, культурных и когнитивных факторов формирования двух признаков, %

Разряды и группы		Номинативные единицы	
		лексемы	фраземы
Схожее	стимулированное языковыми причинами	43	1
	культурно обусловленное	1	2
	когнитивно детерминированное	12	38
<i>Всего схожих по форме и содержанию единиц</i>		56	41
Специфичное	связанное с языковыми факторами	34	4
	культурно обусловленное	1	4
	когнитивно детерминированное	9	51
<i>Всего специфичных по форме и (или) содержанию единиц</i>		44	59

Когнитивный фактор занимает первое место в разрядах и схожего, и различительного во фразеологии, второе — в лексике. Более высокая представленность фразеологией групп когнитивно обусловленных сходств (38 % фразеологического материала vs 12 % лексического) и различий (51 % фразеологического материала vs 9 % лексического) связана с тем, что удельный вес типичных представителей этих двух групп — покомпонентно и образно мотивированных единиц — во фразеологии выше, чем в лексике. В русском и английском — языках фузионного типа — слово характеризуется высокой семантической и формальной «сплавленностью» компонентов, и поэтому границы между морфемами (прежде всего между корнем и афиксом) в нем сравнительно легко стираются, превращая слово в немотивированную единицу. Утрате мотивированности фразем препятствует их раздельнооформленность, бо́льшая формально-семантическая выделенность компонентов.

Заключение

Доля когнитивного, языкового и культурного факторов в формировании сходств и различий русских и английских метаязыковых обозначений составляет 49 %, 48 % и 3 % соответственно (рис.). Превалирование когнитивно маркированных наименований, в плане выражения которых отражены процессы мышления, говорит о том, что рассматриваемые языки отдают предпочтение мотивированным именованиям, в форме которых фиксируется способ осмысления обозначаемых ими явлений, содержится объяснение того, почему некоторое содержание оказывается выраженным конкретной номинативной единицей. Такие наименования обладают самообъяснительной силой и отвечают стремлению человека понять суть явления через его имя.

В принципах осмысления феноменов метаязыковой сферы и их представления в плане выражения когнитивно маркированных номинативных единиц в русском и английском языках наблюдаются как различительные черты (воплощены номинативными единицами, специфичными в отношении формы и (или) содержания), так и схожие (представлены единицами, конгруэнтными одновременно в плане содержания и в плане выражения). Примерно равная представленность номинативными единицами групп стимулированных когнитивными причинами различий и когнитивно обусловленных сходств (26 % и 23 % метаязыковых обозначений соответственно, рис.) свидетельствует о том, что в области метаязыка взаимодействуют две примерно равные по значимости тенденции. С одной стороны, метаязык вырабатывается в уникальной, неповторимой среде и в разных языках отображает своеобразие познавательного опыта, ментальности, просветительских традиций говорящих на этих языках народов. С другой — метаязык заметно интернационализируется (по лингвомиграционной линии и линии независимого развития межъязыкового параллелизма). С развитием в последние пять столетий информационных технологий (возникновением буквенно-звукового письма, книгопечатания, интернета), появлением новых способов передачи информации, распространением коммуникационных сетей и каналов

в условиях усиления глобализации набирают силу объединительные тенденции, и национальные мета-языки становятся все более схожими.

Результаты сопоставительного исследования метаязыковых обозначений в принадлежащих разным — славянской и германской — группам языках позволяют глубже понять природу интернационального и национального, полученные количественные данные — уточнить лингвистические представления о соотношении интернационального и национального в языках.

Список источников

1. Англо-русский фразеологический словарь / сост. А. В. Кунин. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1956.
2. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике. — М. : Либроком, 2016. — 144 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М. : URSS, 2018. — 576 с.
4. Богданова С. Ю. Прототипическая семантика и понятие ЛСГ // Прототипические и непрототипические единицы в языке / отв. ред. Л. М. Ковалева. — Иркутск : Иркутск. гос. лингвист. ун-т, 2012. — С. 125–147.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. — URL : <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 22.11.2023).
6. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М. : Новое лит. обозрение, 1996. — 352 с.
7. Гутовская М. С. Общие и различительные черты лексико-фразеологического поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. — 2019. — № 1. — С. 92–102.
8. Гутовская М. С. Источники формирования межъязыковых сходств и различий во фразеологии // Славянская фразеология и паремиология. Культурное наследие и современность / отв. ред. Е. В. Ничипорчик. — Гомель : Гомельск. гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2022. — С. 52–37.
9. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М. : Наука, 1982. — 160 с.
10. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. — М. : Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2007. — 560 с.
11. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. — 1993. — Т. 52, № 1. — С. 3–9.
12. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / сост. Т. Ф. Ефремова. — URL : <http://www.efremova.info> (дата обращения: 22.11.2023).
13. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. — М. : Рус. словари, 2010. — 448 с.
14. Русская фразеология : ист.-этимолог. слов. / под ред. В. М. Мокиенко. — М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2005.
15. Словари и энциклопедии на Академике. — URL : <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 22.11.2023).
16. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения: на материале языков славянской, германской и романской групп. — М. : ЛКИ, 2008. — 304 с.
17. Уолш И. А., Берков В. П. Русско-английский словарь крылатых слов. — М. : Рус. яз., 1984.
18. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов. — М. : Медиа : Дрофа, 2007.
19. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. — М. : Прогресс, 1975. — С. 194–230.
20. Dell G. S., Chang F., Griffin Z. M. Connectionist models of language production: Lexical access and grammatical encoding // Connectionist Psycholinguistics / ed. by M. Y. Christiansen, N. Chater. — Westport ; Connecticut ; London : Ablex, 2001. — Pp. 212–243.
21. Idioms by The Free Dictionary. — URL : <http://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 22.11.2023).
22. Levelt W. J. M. Speaking: From intention to articulation. — Cambridge ; Massachusetts : MIT Press, 1998. — 566 p.
23. Longman Idioms Dictionary. — Harlow : Pearson Educ. Ltd, 1998.
24. Multitran. — URL : <http://www.multitran.com> (дата обращения: 22.11.2023).
25. The Free Dictionary. — URL : <http://www.thefreedictionary.com> (дата обращения: 22.11.2023).

References

1. *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [English-Russian phraseological dictionary]. Comp. A. V. Kulin. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. Publ., 1956. (In Russian).

2. Arnol'd I. V. *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Fundamentals of scientific research in linguistics]. Moscow, Librokom Publ., 2016, 144 p. (In Russian).
3. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, URSS Publ., 2018, 576 p. (In Russian).
4. Bogdanova S. Yu. Prototypical semantics and the notion of LSG. *Prototipicheskie i neprototipicheskie edinitsy v yazyke* [Prototypical and non-prototypical units in language]. L. M. Kovaleva (ed.). Irkutsk, Irkutskiy State Linguistic University Publ., 2012, pp. 125–147. (In Russian).
5. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Unabridged explanatory dictionary of Russian]. Comp., chief ed. S. A. Kuznetsov. Available at: <http://gramota.ru/slovari/info/bts> (accessed 22.11.2023).
6. Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow, New Literary Review Publ., 1996, 352 p. (In Russian).
7. Gutovskaya M. S. Similar and distinctive features of the metalanguage lexical-phraseological field in the Russian and English languages. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Journal of the Belarusian State University. Philology]. 2019, no. 1, pp. 92–102. (In Russian).
8. Gutovskaya M. S. Sources of formation of cross-language similarities and differences in phraseology. *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya. Kul'turnoe nasledie i sovremennost'* [Slavic phraseology and paremiology. Cultural heritage and modernity]. Nichiporchik E. V. (ed.) Gomel, Francysk Skaryna Gomel State University Publ., 2022, pp. 52–37. (In Russian).
9. Zhinkin N. I. *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a conductor of information]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 160 p. (In Russian).
10. Zalevskaya A. A. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2007, 560 p. (In Russian).
11. Likhachev D. S. The conceptual sphere of the Russian language. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 1993, vol. 52, no. 1, pp. 3–9. (In Russian).
12. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Explanatory and word-building dictionary of Russian]. Comp. T. F. Yefremova. Available at: <http://www.efremova.info> (accessed 22.11.2023). (In Russian).
13. Rakhilina E. V. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of object names: Semantics and collocations]. Moscow, Russian dictionaries Publ., 2010, 448 p. (In Russian).
14. *Russkaya frazeologiya: ist.-etimolog. slov.* [Russian phraseology: Historical and etymological dictionary]]. Comp. V. M. Mokiyenko. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., Lyuks Publ., 2005. (In Russian).
15. *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and Encyclopedias on “Academics”]. Available at: <http://dic.academic.ru> (accessed 22.11.2023). (In Russian).
16. Solodukho E. M. *Teoriya frazeologicheskogo sblizheniya: na materiale yazykov slavyanskoy, germanskoy i romanskoy grupp* [The theory of phraseological convergence: on the material of Slavic, Germanic and Romance languages]. Moscow, LKI Publ., 2008, 304 p. (In Russian).
17. Uolsh I. A., Berkov V. P. *Russko-angliyskiy slovar' krylatykh slov* [Russian-English dictionary of proverbial expressions]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1984. (In Russian).
18. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of Russian]. Comp. A. N. Tikhonov. Moscow, Media Publ., Drofa Publ., 2007. (In Russian).
19. Jakobson R. O. Linguistics and Poetics. *Strukturalizm: za i protiv* [Structuralism: pros and cons]. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 194–230. (In Russian).
20. Dell G. S., Chang F., Griffin Z. M. Connectionist models of language production: Lexical access and grammatical encoding. *Connectionist Psycholinguistics*. Ed. by M. Y. Christiansen, N. Chater. Westport, Connecticut, London, Ablex, 2001, pp. 212–243.
21. *Idioms by The Free Dictionary*. Available at: <http://idioms.thefreedictionary.com> (accessed 22.11.2023).
22. Levelt W. J. M. *Speaking: From intention to articulation*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1998, 566 p.
23. *Longman Idioms Dictionary*. Harlow, Pearson Educ. Ltd, 1998.
24. *Multitran*. Available at: <http://www.multitran.com> (accessed 22.11.2023).
25. *The Free Dictionary*. Available at: <http://www.thefreedictionary.com> (accessed 22.11.2023).

Информация об авторе

Гутовская Марина Степановна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языкознания Белорусского государственного университета.

Information about the author

Gutovskaya, Marina — doctor of philology, head of the Department of English Linguistics of Belarusian State University.

*Статья поступила в редакцию 23.01.2024;
одобрена после рецензирования 28.01.2024;
принята к публикации 29.01.2024.*

*Submitted 23.01.2024;
approved after reviewing 28.01.2024;
accepted for publication 29.01.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 25–31.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):25–31.

Научная статья
УДК 81`22
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.003

О лингвокреативном употреблении библейских аналогий в немецком языке

Елена Игоревна Карпенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
elena_karpenko@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются зоны и механизмы лингвокреативного преобразования библейских аналогий в современном немецком языке. Материалом исследования являются неидиоматические библейские аналогии, отобранные методом сплошной выборки из немецкоязычных корпусов DWDS (*Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*). Основная прагматическая цель использования аналогий в дискурсе связана с формированием образа референта на основе сходства субъект-субъектных или субъект-объектных отношений в библейском прототипе и в новой референтной ситуации. Творческие преобразования библейских аналогий могут затрагивать все три зоны лингвосемиозиса: онтологическую, эпистемологическую и формально-языковую. Однако исследование показывает, что основные преобразовательные усилия продуцента направлены на закрепление в картине мира реципиента постоянно меняющегося взгляда на привычные события, то есть осуществляются в эпистемологической зоне лингвосемиозиса. Среди основных когнитивных механизмов лингвокреативности рассмотрены механизмы смещения и смены лексико-семантического фокуса в характеризующих номинациях события.

Ключевые слова: аналогия, дизаналогия, контекст контраста и аналогии, теория концептуальной интеграции, библейский лингвокультурный сценарий, лингвокреативность, лингвосемиозис, лексико-семантический фокус, дискурс, немецкий язык.

Для цитирования: Карпенко Е. И. О лингвокреативном употреблении библейских аналогий в немецком языке // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1(68). С. 25–31. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.003.

Original article

On the linguocreativity of the use of biblical analogies in German

Elena I. Karpenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
elena_karpenko@list.ru

Abstract. The article deals with the zones and mechanisms of linguocreative transformation of biblical analogies in modern German. The material of the study is non-idiomatic biblical analogies selected by the method of continuous sampling from German-language corpora DWDS (*Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*) corpora. The main

pragmatic purpose of using analogies in discourse is connected with the formation of a referent image based on the similarity of subject-subject or subject-object relations in the biblical prototype and in the new referent situation. Creative transformations of biblical analogies in discourse can affect all three zones of linguosemiosis: ontological, epistemological and formal-linguistic. However, the study shows that the main transformative efforts of the producer are aimed at fixing in the recipient's world picture a constantly changing view of familiar events, i.e. they are carried out in the epistemological zone of linguosemiosis. Among the main cognitive mechanisms of linguocreativity the mechanisms of displacement and change of lexical-semantic focus in characterising event nominations are considered.

Keywords: analogy, disanalogy, context of contrast and analogy, conceptual blending, biblical linguocultural script, linguocreativity, linguosemiosis, lexical-semantic focus, discourse, German language.

For citation: Karpenko E. I. On the linguocreativity of the use of biblical analogies in German. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 25–31. DOI: 10.37724/RUSU.2024.68.1.003.

Введение

Как и многие термины в лингвистике, аналогия имеет широкую и узкую трактовки. В широком понимании аналогия рассматривается в качестве универсального механизма образования новых единиц языка по заданному образцу и с этой точки зрения по праву считается одним из механизмов лингвокреативности (Е. С. Кубрякова, О. К. Ирисханова, В. И. Заботкина, И. В. Зыкова, М. И. Киосе и др.). В то же время в узком смысле аналогия понимается как сходство отношений между двумя объектами (субъектами или явлениями), например: „Florek sieht sich in dieser Auseinandersetzung als einen polnischen David, der gegen einen dänischen Goliath kämpft“ [Zeit Magazin, 2017, № 35]. — ‘Флорек считает себя в этом противостоянии польским Давидом, который сражается с датским Голиафом’¹. В данном примере основанием уподобления являются субъект-субъектные отношения: противостояние физически более слабого Давида более сильному Голиафу на поле боя (в библейском прототипе) уподобляется экономическому противостоянию двух неравных конкурентов (в аналоговой ситуации). Трансфер отношений по аналогии осуществляется на основе общей абстрактной схемы, отражающей не только субъект-субъектные или субъект-объектные отношения, но и, например, причинно-следственные связи внутри этих отношений [Gentner, Markman, 1997, p. 46]. В качестве абстрактной схемы в данной статье рассматривается библейский лингвокультурный сценарий [Longacre, 1985], [Карпенко, 2023]. Применяя к вышесказанному теорию концептуальной интеграции, отметим, что библейский лингвокультурный сценарий выступает в качестве обобщенного концептуального пространства (generic space), структуру которого заимствуют как библейский прототип, так и аналог (новый референт), интеграция которых ведет к формированию образа нового референта (blend) [Fauconnier, Turner, 2002]. Далее будут выявлены основные виды креативного преобразования библейских аналогий, наиболее часто использующиеся в современном немецком языке для формирования образа референта. Материалом исследования послужили 300 контекстов реализации библейских лингвокультурных сценариев, отобранных методом сплошной выборки из научного, научно-публицистического и газетно-публицистического типов дискурса, представленных в том числе в подкорпусах DWDS.

Основная часть

Лингвокреативные преобразования библейских аналогий в онтологической зоне лингвосемиозиса

Согласно теории лингвокреативности в акте лингвосемиозиса различают три зоны лингвокреативности: онтологическую, эпистемологическую и формально-языковую. Несмотря на то, что языковое творчество человека может быть направлено на каждую зону в отдельности, обычно они взаимосвязаны [Ирисханова, 2009, с. 166]. По-видимому, любое употребление библеизмов вне библейского дискурса затрагивает формально-языковую сторону семиозиса, поскольку сама языковая форма (например, библейское имя собственное), оказываясь в новом контексте и наполняясь новым содержанием, становится источником языкового творчества.

Правомерно поэтому считать, что креативность формы «по умолчанию» проявляется при любом употреблении библейских аналогий вне библейского дискурса. Хотя форма служит импульсом для запуска процесса креативного лингвосемиозиса, она практически никогда не является его конечной целью.

¹ Здесь и далее перевод наш. — Е. К.

Библейские аналогии в конечном счете связаны с необходимостью фиксировать в языке и речи либо объективные изменения в мире и социуме, либо субъективные, хотя и социально значимые, преобразования образа уже существующих объектов и событий. Иными словами, стимулом для творческих преобразований на основе библейских аналогий служат онтологическая и эпистемологическая зоны лингвосемиозиса [Ирисханова, 2009, с. 166].

По нашим наблюдениям, при использовании библейских аналогий реже всего задействуется онтологическая зона лингвосемиозиса. Поскольку творческие преобразования знака в этой зоне связаны с необходимостью идентификации и обозначения нового объекта или события, постольку библейские аналогии будут утрачивать здесь свою основную, эмотивно-оценочную, функцию. Например, каинизмом в животном мире (особенно в орнитологии) называют явление, когда в одном выводке старший детеныш убивает младшего преимущественно по биологическим причинам (нехватка корма) [Еще про каинизм птиц и млекопитающих]. Понятие каинизма обнаруживает аналогические связи с библейским сценарием КАИН И АВЕЛЬ по признакам «родственные отношения между агенсом и пациенсом», «возраст агенса и пациенса» и «умерщвление агенсом пациенса». Однако дизаналогия в иденичности агенса и пациенса (человек vs животное) не позволяет оценить отношения в животном мире с точки зрения человеческой морали. Описание явления каинизма в научном дискурсе лишено оценочности, ср.:

(1) «Весьма интересен вопрос о каинизме у беркутов. Среди орнитологов широко распространено мнение, что более слабого птенца убивает более сильный» [Яблоков, 2012, с. 861].

Повторимся, зона онтологии редко становится источником лингвокреативных преобразований библейских аналогий. Однако тип дискурса, его прагматическая установка могут существенно менять характер лингвокреативности в подобных языковых единицах. При описании каинизма в научно-популярной публицистике наблюдается нарастание эмотивной оценочности высказывания в связи с переходом творческих усилий продуцента в зону эпистемологии. В статье *Der Trick mit Abel* ('Трюк с Авелем') газеты *Zeit online* речь идет об успешном эксперименте орнитологов по сохранению популяции малых подорликов [Zeit Magazin, 2007, № 07]. Ученые вынимают из гнезда только что вылупившегося второго птенца, сохраняя ему жизнь, но и вмешиваясь в эволюционный процесс. Изображая появление на свет птенцов как «семейную драму», в которой «Каин нападает на более слабого», «заклевывает его до смерти», а «Авель погибает», продуцент меняет картину восприятия у интерпретатора, убеждая его в необходимости такого вмешательства со стороны ученых:

(2) „Zuerst schlüpft Kain, wenige Tage später pellt sich Abel aus der Schale. Alsbald inszenieren die weißen Federbälle ein *Familiendrama*. Kain geht auf den Schwächeren los und pickt ihn blutig. Abel verfällt in *Demutshaltung*, bettelt kaum um Futter und bekommt entsprechend wenig ab von der Atzung. Kain gedeiht, Abel mickert, ungerührt gucken die Eltern zu. Schließlich scheucht Kain sein *Geschwister* aus dem Horst. Oder *hackt es tot*“ [Zeit Magazin, 2007, № 07]. — ‘Сначала вылупляется *Каин*, а через несколько дней из скорлупы появляется *Авель*. Вскоре белые пушистые комочки разыгрывают *семейную драму*. *Каин* нападет на более слабого и *заклевывает* его до крови. *Авель* *впадает* в уныние, почти не просит еды и, соответственно, мало ее получает. *Каин* процветает, *Авель* погибает, родители безучастно наблюдают. В конце концов *Каин* изгоняет своего *брата* из гнезда. Или *заклевывает* его до смерти’.

Эмотивная оценка события в примере (2) создается за счет увеличения количества аналогических проекций между библейским прототипом и новой ситуацией: избыточным негативным характеризующим именованьем основного события (*blutig picken*, *tot hacken*), метафорической концептуализацией поведенческих реакций птиц как человеческих взаимоотношений. Так, и птенцы, и взрослые птицы названы исключительно непрямыми номинациями (*Kain*, *Abel*, *Eltern*, *Geschwister*) и наделяются человеческими эмоциями (*in Demutshaltung verfallen* ‘стать безропотным’, *ungerührt zugucken* ‘безучастно наблюдать’).

Тенденция представлять каинизм как насильственное действие прослеживается в текстах о сохранении популяции редких птиц (в примере (3)) насильственный характер явления наблюдается в оценочных номинациях *der Geschwistermord*² ‘убийство брата или сестры’ и *den Schädel einhacken* ‘пробить череп’), ср.:

(3) „Meist beginnt dann das junge Bartgeier-Leben mit einem *Geschwistermord*: Das erste Küken *hackt* dem später schlüpfenden *den Schädel ein*. Diesen ‚Kainismus‘ unterbinden die Züchter, indem sie den Zweitvogel

² Лексема *der Mord* обозначает „vorsätzliche, mit Überlegung ausgeführte Tötung eines Menschen“ ‘преднамеренное, совершаемое с умыслом умерщвление человека’ [DWDS], то есть оценочность заключена в денотативном аспекте значения лексемы. Ср. также: *der Mord* — умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах [Немецко-русский юридический словарь, 2007, с. 304].

rechtzeitig aus dem Nest nehmen und ihn etwa drei Wochen päppeln“ [Zeit Magazin, 1995, № 42]. — ‘Жизнь молодого бородача обычно начинается с *сублицида*: первый птенец *пробивает клювом череп* того, кто вылупился позже. Заводчики предотвращают этот «каинизм», своевременно вынимая вторую птицу из гнезда и выхаживая ее около трех недель’.

Пример из институционального дискурса (4) демонстрирует, что явление каинизма может быть представлено не только безоценочно, но и вне семантического поля ‘убийство, умерщвление’ (ср. понятие фрейминга в когнитивной лингвистике), ср.:

(4) „Die in mehreren Tagen Abstand geschlüpften (meist 2) Jungvögel konkurrieren um das Futter, wobei das älteste Küken das/die Geschwister meist bei den Fütterungen abdrängt und so in der Regel nur ein Jungvogel die ersten Wochen überlebt (Kainismus)“ [Der Steinadler im Porträt]. — ‘Птенцы, которые вылупляются с разницей в несколько дней (обычно два), конкурируют за пищу, причем старший птенец оттесняет своего брата или сестру во время кормления, поэтому, как правило, только один птенец выживает в первые несколько недель (каинизм)’.

Нельзя не согласиться с утверждением, что лингвокреативность зависит от прагматической установки и, в конечном счете, от типа текста или дискурса [Ирисханова, 2009, с. 169]. Именно поэтому креативные преобразования библейских аналогий наиболее полно раскрываются в эпистемологической зоне лингвосемиозиса, при представлении событий, референтная область которых затрагивает человека: его внешность, характер, поведение, деятельность.

Лингвокреативные преобразования библейских аналогий в эпистемологической зоне лингвосемиозиса

С одной стороны, репрезентированные в библейских аналогиях события являются привычными, каждодневными; с другой — именно они нуждаются в моральном осмыслении, требуют разного «расставления акцентов», предполагают амбивалентность оценки. К таким событиям относятся рождение, смерть, вражда, примирение, предательство, страдание и др. При употреблении библейских аналогий частично модифицируется старая (уже имеющаяся в когнитивной базе продуцента и реципиента) когнитивная структура — библейский лингвокультурный сценарий. Среди распространенных преобразований сценария можно выделить смещение лексико-семантического фокуса в номинации основного события и смену фокуса.

Смещение лексико-семантического фокуса, связанное с интерпретацией отдельного события в сценарии, позволяет адаптировать библейское событие к новой референтной ситуации (ср.: [Ирисханова 2014, с. 142]). Смещение фокуса осуществляется на основе семантической смежности событийных номинаций в сопоставляемых по аналогии структурах. Известно, что глагол *убивать*, обозначающий центральное событие сценария КАИН И АВЕЛЬ в Библии, не имеет семы ‘умышленно’. В Библии Лютера 2017 года издания это глагол *totschlagen*, в Эльберфельдской Библии (1855 — Новый завет, 1871 — Ветхий завет) — *erschlagen*. В свободной выборке примеров реализации библейского сценария КАИН И АВЕЛЬ из корпусов DWDS общим объемом 227 контекстов глагол *erschlagen* встречается 127 раз, глагол *totschlagen* — 14. Семный анализ данных лексем указывает на способ умерщвления: „durch einen Schlag töten“ ‘умерщвлять ударом’ [DWDS], но не на характер действия: умышленный/неумышленный, насильственный/ненасильственный. Например, только с этими глагольными предикатами возможно употребление неодушевленного подлежащего (в то время как умышленное и насильственное действие может совершаться только лицом), ср.: „er wurde vom Blitz erschlagen“ ‘он был убит молнией’ [Ibid.]. В оставшихся 86 контекстах использующиеся глаголы имеют семы ‘насиленно/gewaltsam’ (*töten* — 42, *umbringen* — 16); ‘намеренно/absichtlich’ (*ermorden* — 21); ‘преднамеренно, умышленно / vorsätzlich’ (*morden* — 1), ср.: *töten* — ‘jmdn. gewaltsam ums Leben bringen’; *umbringen* — ‘jmdn., sich gewaltsam ums Leben bringen, töten’; *ermorden* — ‘jmdn. absichtlich töten, umbringen’; *morden* — ‘jmds. Leben vernichten, jmdn. vorsätzlich töten’ [Ibid.].

Среди единичных случаев есть «экзотические» примеры — с глаголами *erwürgen* ‘задушить’ [DWDS] (4), [abwertend] *meucheln* [уничиж.] ‘коварно (вероломно, злодейски, из-за угла) убивать’ [Ibid.] (2); ср. пример (5), где отношения между братьями Каином и Авелем выступают прототипом отношений в современной семье:

(5) „Kain *meuchelte* Bruder Abel, Othello seine Frau, und seit nun auch Prince Charles und Lady Di in Trennung leben, droht der Institution Familie der endgültige Untergang wie einst dem britischen Empire“ [Berliner Zeitung, 1995, Sept., 06]. — ‘Каин *злодейски убил* брата Авеля, Отелло свою жену, и с тех пор,

как принц Чарльз и Леди Ди живут порознь, институту семьи грозит окончательная гибель, как когда-то Британской империи’.

Выборка демонстрирует тенденцию представлять в интересах аналогового референта центральное событие библейского лингвокультурного сценария как умышленное насильственное преступление.

Контраст также является частым способом креативного преобразования библейских аналогий в эпистемологической зоне лингвосомиозиса. Контексты контраста и аналогии могут передаваться через сравнительную степень прилагательного [Позняк, 2014, с. 26], ср.:

(6) „Selbst die Leiden Hiobs scheinen *erträglicher* als das, was die Mannschaft den Zuschauern und sich selbst in der ersten Hälfte der Saison zugemutet hat“ [Zeit Magazin, 2010, № 05]. — ‘Страдания самого Иова кажутся *более терпимыми*, чем те, с которыми столкнулись зрители и сама команда в первой половине сезона’.

В контекстах контраста и аналогии на первый план выдвигаются дизаналогические отношения [Fausonnier, Turner, 2002]. Как следует из контекста (6), и для прототипа, и для аналога характерно определенное состояние (*die Leiden* ‘страдания’), но степень его проявления разная (в аналоге она более интенсивная, чем в прототипе).

Контексты контраста и аналогии могут создаваться при помощи реальных и потенциальных контрастивов [Позняк, 2014, с. 27]. В таких библейских дизаналогиях структурно соотносимые отношения в прототипе и в аналоге (частично или полностью) противопоставляются или противоречат друг другу, ср.:

(7) „Der Hiob des Alten Testaments *ringt* noch mit seinem Gott und *verlangt Gerechtigkeit*; Larry *resigniert*, noch ehe er *aufbegehrt*“ [Zeit Magazin, 2010, № 03]. — ‘Ветхозаветный Иов *сопротивляется* своему Богу и *требует справедливости*; Ларри *сдается* прежде, чем возмутиться’.

Частичные контекстно обусловленные контрастивы могут быть представлены конверсивами, эквонимами, родо-видовыми коррелятами, синонимами, ассоциатами [Позняк, 2014, с. 27]. Например, в контексте (8) это ассоциативно связанные лексемы *töten* ‘убивать’ и *zwingen* ‘принуждать’, ср.:

(8) „Anders als David in der Bibel aber wollen sie Goliath *nicht direkt töten*, sondern ihren Staat *zwingen*, endlich den Landfrieden zu sichern“ [Zeit Magazin, 2012, № 07]. — ‘Но, в отличие от Давида в Библии, они *не собирались* непосредственно *убить* Голиафа, но только *принудить* их страну наконец-то гарантировать мир’.

Одним из видов контраста является отрицание в аналоге тех или иных отношений, свойственных прототипу. В контексте (9) отрицается возможность аналогии между субъект-субъектными отношениями в прототипе и в аналоге, ср.:

(9) „Und noch eins: *glaube nicht*, daß ich — eine Art weiblicher Abraham — meinen Sohn einem fremden Wohl opfern will“ (Suttner B. *Martha's Kinder. Deutsche Literatur von Frauen*) [DWDS]. — ‘И еще одно: *я не думаю*, что я — подобно Аврааму в женском облике — готова пожертвовать своим сыном ради чужого благополучия’.

Контраст, таким образом, устанавливает иерархию отношений в прототипе и в аналоге, выдвигает на первый план (на вершину иерархии) черты несходства, противоположности в сопоставляемых структурах [Позняк, 2014, с. 30].

Наконец, назовем еще один вид креативного преобразования библейских аналогий в эпистемологической зоне лингвосомиозиса, а именно псевдоаналогию. В отличие от контраста в псевдоаналогиях констатируется наличие идентичных отношений в прототипе и в аналоге, ср.:

(10) „Die Jugendlichen sollen *sich* bei uns *so wohl fühlen*, wie der biblische Jona, als er im Bauch des Walfischs war“ [Berliner Zeitung, 1996, Jan., 10]. — ‘Подростки должны *чувствовать себя* у нас так же *комфортно*, как библейский Иона, когда он находился во чреве кита’.

Проблема таких структурных аналогий заключается в том, что они утверждают наличие в прототипе отношений, о которых в Библии ничего не сказано (или сказано обратное). Пророк Иона действительно находился «во чреве кита» трое суток, но чувствовал там себя крайне некомфортно (Ион. 2). В контексте (10) речь идет о евангелическом приюте «Иона» в Берлине, который предназначен для подростков, переживших тяжелую жизненную ситуацию. Псевдоаналогии наилучшим образом демонстрируют так называемый «экстратекстовый контекст» контраста и аналогии, который включает в себя «дистанционные, интертекстуальные и литературно-социальные контрасты и аналогии» [Позняк, 2014, с. 33]. Безусловно, употребление любой библейской аналогии связано с широким культурным (библейским, экзегетическим) контекстом. Однако именно псевдоаналогии показывают, что этот контекст шире,

чем может показаться на первый взгляд, и фактически охватывает все возможные обработки библейских историй в выразительном и изобразительном искусстве. Например, в детской литературе взаимоотношения пророка Ионы и кита показаны дружескими: для Ионы они ассоциируются с состоянием мира, покоя и защищенности (ср. книгу «Иона и кит» Эйлин Спинелли).

Заключение

Таким образом, креативное употребление библейских аналогий затрагивает все три зоны лингвосомиозиса: формально-языковую, онтологическую и эпистемологическую. Рассмотренные выше библейские аналогии являются свободными сочетаниями с подвижным, изменяемым в интересах продуцента и реципиента фокусом. Наиболее востребованы данные структуры в области эпистемологии, когда в картине мира говорящих (под влиянием прагматики дискурса) требуется зафиксировать постоянно меняющийся взгляд на привычные события. Концептуальной базой библейских аналогий являются библейские лингвокультурные сценарии. Стабильность когнитивной структуры сценария не препятствует вариативности ее языковой реализации (то есть допускает смещение лексико-семантического фокуса при замене фокусной номинации события на семантически смежную). С другой стороны, сама структура сценария трансформируется в заданных границах в результате отрицания, частичного или полного противопоставления, а также добавления (нового) элемента сценария (то есть смены лексико-семантического фокуса аналогии). В целом библейские аналогии, как частный тип аналогий в языке и речи, задают границы вариативности для самой когнитивной структуры, лежащей в их основе, и для средств ее вербализации.

Список источников

1. Еще про каинизм птиц и млекопитающих // Новости науки. — URL : <http://novostinauki.ru/news/109554/> (дата обращения: 01.12.2023).
2. Ирисханова О. К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. — 2009. — Вып. V. — С. 158–171.
3. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. — М. : Языки славян. культуры, 2014. — 320 с.
4. Карпенко Е. И. Компрессия когнитивных структур и типы аналогии (на материале немецкого языка) // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 5 (56). — С. 102–107.
5. Немецко-русский юридический словарь / под ред. П. И. Гришаева, М. Беньямина. — М. : РУССО, 2007.
6. Позняк Л. П. Три типа контекста контраста и аналогии в художественном тексте // Magister Dixit : науч.-пед. журн. Восточной Сибири. — 2014. — № 2. — С. 25–34.
7. Яблоков М. С. Встречи редких видов птиц в Полистовском заповеднике в 2005 году // Русский орнитологический журнал. — 2012. — Т. 21, вып. 748. — С. 860–870.
8. Berliner Zeitung. — 1995, Sept., 06. — Familienbande ; 1996, Jan., 10. — Sich wohl fühlen wie Jona im Walfisch. — URL : <https://www.berliner-zeitung.de/> (дата обращения: 01.12.2023).
9. Der Steinadler im Porträt // LBV Steinadlerschutz. — URL : <https://www.steinadlerschutz.de/steinadler-im-portrat/> (дата обращения: 01.12.2023).
10. DWDS — Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache. — URL : <https://www.dwds.de/wb/> (дата обращения: 01.12.2023).
11. Fauconnier G., Turner M. The way we think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. — NY : Basic Books, 2002. — 440 p.
12. Gentner D., Markman A. B. Structure Mapping in Analogy and Similarity // American Psychologist. — 1997. — Vol. 52 (1). — Pp. 45–56.
13. Longacre R. E. Interpreting biblical stories // Discourse and literature. New approaches to the analysis of literary genres / ed. Teun van Dijk. — Amsterdam : John Benjamins B. V., 1985. — Pp. 169–186.
14. Zeit Magazin : Die Zeit Ausgabenarchiv. — 1995. — № 42. — Geier über der Jungfrau ; 2007. — № 7. — Der Trick mit Abel ; 2010. — № 03. — Komik ist eine Kampftechnik ; № 5. — Beten für den Klassenerhalt ; 2012. — № 07. — David gegen Goliath ; 2017. — № 35. — Herr Florek fährt nach Brüssel. — URL : <https://www.zeit.de/2024/index> (дата обращения: 01.12.2023).

References

1. More on the cainism of birds and mammals. *Novosti nauki* [News of Science]. Available at: <http://novostinauki.ru/news/109554/> (accessed 01.12.2023). (In Russian).
2. Iriskhanova O. K. On the concept of creativity and its role in the meta-language of linguistic descriptions. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. 2009, vol. V, pp. 158–171. (In Russian).
3. Iriskhanova O. K. *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* [Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2014, 320 p. (In Russian).
4. Karpenko E. I. Compression of cognitive structures and types of analogy (based on the German language). *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. 2023, vol. 5 (56), pp. 102–107. (In Russian).
5. *Nemeczko-russkij juridicheskij slovar'* [German-Russian Law Dictionary]. Ed. P. Grishaev, M. Ben'yamin. Moscow, RUSSO Publ., 2007. (In Russian and German).
6. Poznyak L. P. Three types of contrast and analogy context in a literary text. *Magister Dixit: nauch.-ped. Zhurn. Vostochnoj Sibiri* [Electronic scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia *Magister Dixit*]. 2014, no. 2, pp. 25–34. (In Russian).
7. Yablokov M. S. Encounters of rare bird species in the Polistovsky Reserve in 2005. *Russkij ornitologicheskij zhurnal* [The russian journal of ornithology]. 2005, vol. 21, no. 748, pp. 860–870. (In Russian).
8. *Berliner Zeitung*. 1995, Sept., 06, Familienbande; 1996, Jan., 10, Sich wohl fühlen wie Jona im Walfisch. Available at: <https://www.berliner-zeitung.de/> (accessed 01.12.2023). (In German).
9. Der Steinadler im Porträt. *LBV Steinadlerschutz*. Available at: <https://www.steinadlerschutz.de/steinadler-im-porträt/> (accessed 01.12.2023). (In German).
10. *DWDS — Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de/wb/> (accessed 01.12.2023). (In German).
11. Fauconnier G., Turner M. *The way we think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. NY, Basic Books, 2002, 440 p.
12. Gentner D., Markman A. B. Structure Mapping in Analogy and Similarity. *American Psychologist*. 1997, vol. 52 (1), pp. 45–56.
13. Longacre R. E. *Interpreting biblical stories. Discourse and literature. New approaches to the analysis of literary genres*. Ed. Teun van Dijk. Amsterdam, John Benjamins B. V. 1985, pp. 169–186.
14. *Zeit Magazin: Die Zeit Ausgabenarchiv*. 1995, no. 42, Geier über der Jungfrau; 2007, no. 7, Der Trick mit Abel; 2010, no. 03, Komik ist eine Kampftechnik; no. 5, Beten für den Klassenerhalt; 2012, no. 07, David gegen Goliath; 2017, no. 35, Herr Florek fährt nach Brüssel. Available at: <https://www.zeit.de/2024/index> (accessed 01.12.2023). (In German).

Информация об авторе

Карпенко Елена Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета.

Information about the author

Karpenko, Elena — candidate of philology, associate professor, Department of German Lexicology and Stylistics, German Language Faculty, Moscow State Linguistic University.

*Статья поступила в редакцию 16.01.2024;
одобрена после рецензирования 30.01.2024;
принята к публикации 30.01.2024.*

*Submitted 16.01.2024;
approved after reviewing 30.01.2024;
accepted for publication 30.01.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 32–40.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):32–40.

Научная статья

УДК 81'37

DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.004

Семантика предлога *à* современного французского языка в когнитивном аспекте изучения (пространственный компонент значения)

Анастасия Викторовна Николаенко

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
a.nikolaenko@365.rsu.edu.ru, anvitsa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается семантика французского предлога *à* с пространственным компонентом значения в когнитивном аспекте. В ходе исследования выявляется концептуальное содержание предлога. Выбранная методика исследования, основанная на концептуально-контекстуальном методе, позволила изучить контексты, состоящие из ситуаций, в которых описывается местонахождение объекта₁ в объекте₂, что в дальнейшем позволило определить содержание семантики предлога *à* и сформулировать концепт. Теоретической базой послужили работы ведущих французских лингвистов, в центре внимания которых находится семантика предлога *à*.

Ключевые слова: французский язык, предлог *à*, пространство, концепт, менталитет, когнитивная лингвистика.

Для цитирования: Николаенко А. В. Семантика предлога *à* современного французского языка в когнитивном аспекте изучения (пространственный компонент значения) // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1(68). С. 32–40. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.004.

Original article

Semantics of the preposition *à* of modern french in the cognitive aspect of studying (spatial component of meaning)

Anastasia V. Nikolayenko

Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
a.nikolaenko@365.rsu.edu.ru, anvitsa@yandex.ru

Abstract. The article examines the semantics of the French preposition *à* with a spatial component of meaning in the cognitive aspect. The study reveals the conceptual content of the preposition. The chosen research methodology, based on the conceptual-contextual method, made it possible to study contexts consisting of situations in which the location of an object₁ in an object₂ is described, which subsequently made it possible to determine the content of the semantics of the preposition *à* and formulate the concept. The theoretical basis was the work of leading French linguists, whose focus is on the semantics of the preposition *à*.

Keywords: French language, preposition *à*, space, concept, mentality, cognitive linguistics.

For citation: Nikolayenko A. V. Semantics of the preposition *à* of modern French in the cognitive aspect of studying (spatial component of meaning). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 32–40. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.004.

Введение

Изучение лексической семантики пространственных предлогов французского языка, в том числе и предлога *à*, является предметом анализа многочисленных научных публикаций. На современном этапе изучение семантики предлога *à* находится в центре внимания таких исследователей, как А. В. Николаенко [Николаенко, 2021, 2023], Ф. Виль-Ольмец [Ville-Olmetz, 2001], П. Кадио [Cadiot, 2002, 2002/1], Е. Катц [Katz, 2002], М. Гойенс, Б. Ламируа, Л. Мелис [Goyens, Lamiroy, Melis, 2003], Й. Омма [Номма, 2006], М. Орнаг [Aurnague, 2010], Л. Меканнез [Mekannez, 2017], Б. Фагар, К. Кравчак [Fagard, Krawczak, 2017], Д. Лиман, М. Зильберцтайн [Leeman, Silberztein, 2020] и др.

Значение предлога *à* рассматривалось с позиций разных подходов, например таких как традиционный (структурная лингвистика), геометрический, топологический, функциональный, концептуальный и др. (когнитивная лингвистика). Среди исследователей остается дискуссионным вопрос о том, выполняет ли предлог *à* исключительно роль служебного слова, лишенного лексического значения, осуществляющего синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения, или предлог *à* наделен лексическим содержанием и является семантически наполненными, в том числе указывающим на пространственные отношения.

Обзор существующих подходов к изучению предлога *à* показал, что уточнение его семантики с пространственным компонентом значения, а также описание пространственных отношений, устанавливаемых данным предлогом, возможно именно с позиций когнитивной лингвистики через описание его когнитивной модели и определение его концепта.

Основная часть

Особенности лексического значения пространственного предлога à

Существуют разные точки зрения на значение предлога. Так, ряд зарубежных исследователей, представителей традиционной грамматики, придерживаются мнения о том, что предлоги делятся на лексические (например, *dans, devant, derrière, contre, sur* и др.) и грамматикализованные (например, *à, de, en* и др.). Лингвисты, которые опираются на теорию грамматикализации, считают, что в ее основе лежит представление о предлогах как о промежуточном звене, переходящем из полнозначных классов слов в разряд грамматических единиц, то есть служебных слов, что влечет за собой утрачивание предлогами лексического значения¹ [Vendryès, 1921 ; Gougenheim, 1950 ; Tesnière, 1953 ; Spang-Hansen, 1963 ; Lehmann, 1982/1995 ; Cadiot, 1997]. К таким предлогам, лишенным содержания, относят и предлог *à*, например, в выражениях, где предлог *à* вводит косвенное дополнение: « *apprendre à lire, nuire à sa santé* », « *le recours à la force* », « *fidèle à sa parole* » и т. д. [Stosic, Fagard, 2019, pp. 8–38]. Тем не менее нельзя считать, что предлоги данного типа совершенно лишены какого-либо содержания. Например, Э. де Феличе и Б. Фагар утверждают, что предлог может приобретать значение в контексте [De Felice, 1958 ; Fagard, 2010], а В. Брендаль считает, что функция предлога заключается только в выражении отношения вообще, при этом отношения между объектами или ситуациями не устанавливаются [Brøndal, 1950]. В некоторых случаях для определения значения предлога недостаточно учитывать только контекст. Так, некоторые лингвисты приходят к выводу, что семантически пустыми являются именно те предлоги, которые приобретают свое значение под влиянием контекста. В данном случае речь идет о переходе лексических предлогов в класс грамматикализованных.

В ходе эволюции французского языка в результате перехода падежной системы в предложную, сформировавшись как часть речи, все предлоги, вышедшие из латинского языка и прошедшие через процесс грамматикализации, в том числе и предлог *à*, стали многозначными. Однако пространственное значение считается базовым, что объясняется способностью предлогов выражать в первую очередь пространственные отношения, которые являются наиболее важными для человека в его представлении и знании о мире.

В современном французском языке основными значениями предлога *à* принято считать *движение объекта к какому-то месту и местоположение этого объекта* [Centre National de Ressources Textuelles ... ; Dictionnaire Le Petit Robert ; Trésor de la langue ...]. В лексикографических источниках предлог *à* характеризуется как предлог, лишенный лексической наполненности. Наряду с этим в предлоге *à* выделяют несколько значений, в том числе пространственное. Согласно описаниям, данным во французских толковых словарях, в этом случае предлог *à* обозначает *местонахождение*, например: « *Il vit à Lyon* »; « *Il a mal à la tête* »; « *un séjour à la montagne* » и т. д. [Dictionnaire Le Petit Robert]. В грамматике *Le Bon Usage* говорится о том, что предлог *à* вводит значение *назначения, перспективы, цели, направления* и т. д., и во всех этих случаях указывает на место нахождения как на точку [Grevisse, Goosse, 1993, p. 1498].

В научной литературе семантика пространственного предлога *à*, на наш взгляд, наиболее полно раскрыта в работах К. Ванделуаза [Vandeloise, 1986, 1987, 1988]. Бельгийский исследователь предлагает

¹ Как известно, функционально-синтаксический характер, который несет предлог в современных романских языках, в том числе и французском, был заимствован из падежной системы классической латыни.

описать семантику предлога *à* не только с точки зрения синтаксиса, но и с позиции когнитивной лингвистики, и, в отличие от многих лингвистов, которые отмечают в семантике предлога *à* статическое и динамическое значения, К. Ванделуаз выделяет значение *размещение в пространстве* [Vandeloise, 1987].

В центре нашего внимания также находится значение *статическое нахождение объекта в пространстве*. При описании семантики пространственных предлогов мы определяем данное значение как *местонахождение объекта X в точке Y*, считая его основным и называя Y *понятийной точкой*.

Первыми лингвистами, которые указали на то, что в значении предлога *à* присутствует маркер точечности, были Ж. Гугенейм² и Э. Спанг-Ханссен³. К. Ванделуаз, отметив характер точечности (la ponctualité) объекта, на который указывает предлог *à*, и значение *местонахождение* (la localisation), не указал, однако, на значение *точка*, которое содержится в семантике самого предлога *à* [Vandeloise, 1987]. В отличие от бельгийского исследователя, Е. Кац приблизилась к этому выводу, указывая на значение предлога как на *точечное пространство* (l'espace ponctuel), что дает возможность полагать, что Е. Кац первой ввела этот термин [Katz, 2002].

В своей работе при описании семантики предлога *à* под объектом₂ Е. Кац подразумевает *пространство-точку*, например, être à la piscine, à l'école и т. д. В данных случаях Е. Кац полагает, что предлог *à* соотносит данное точечное пространство с другими аналогичными пространствами. При этом говорящий смотрит на пространство-точку со стороны/снаружи и воспринимает его как целое [Katz, 2002]. Так, в выражении «être à l'université» ('находиться в университете') une université, по мнению Е. Кац, следует воспринимать как одно из пространств наряду с другими, например un café, un cinéma и т. п. Автор также выражает согласие с К. Ванделуазом, полагая, что ситуация, в которой описывается расположение объекта в пространстве с помощью предлога *à*, указывает на физическое расположение объекта («Où est Philippe? — Il est à l'université.» — 'Где Филипп? — Он в университете'), то есть объект находится в физическом пространстве, в здании университета [Там же].

Обратим внимание на проведенное К. Ванделуазом в рамках когнитивного подхода функциональное описание семантики предлога *à*. По мнению бельгийского ученого, в предлоге *à* прежде всего следует выделять значение, связанное с расположением объекта₁ в объекте₂, при условии, что объект₂ является тем местом, где находится объект₁. При этом автор отмечает, что для объекта₂ существуют некоторые ограничения. Во-первых, в качестве объекта₂ может быть использован любой объект в том случае, если в прилежащем пространстве этого объекта₂ может находиться объект₁, например: *le chat est à l'arbre, но: le chat est au pied de l'arbre; *Paul est à la table, но: Paul est à la table rouge; *Pierre est à la voiture, но: Pierre est au volant de la voiture, и т. д. Во-вторых, известным для участников данной коммуникативной ситуации должно быть местоположение объекта₁, то есть лексема, обозначающая объект₂, не может сопровождаться неопределенным артиклем. Поэтому: Alain est au garage, Alain est à Paris, Alain est à la fenêtre, но: *Alain est à un garage, *Alain est à la chaise.

Исследование проблемы изучения структуры отдельного значения предлога показало, что отношение к предлогу как к языковой единице, не содержащей какое-либо значение, менялось от понимания предлога как исключительно служебного слова, выполняющего функционально-синтаксическую роль в предложении (конец XIX — середина XX века), к признанию предлога как самостоятельной языковой единицы с собственным лексическим значением (конец XX — начало XXI века). Представление о предлоге как о языковой единице, имеющей содержание, а точнее, концептуальное содержание, и лежит в основе данного исследования.

Методика исследования пространственного предлога *à*

В ходе исследования при уточнении семантики предлога *à* с пространственным компонентом значения, определении его концептуальных признаков и формулировании концепта был применен концептуально-контекстуальный метод исследования, главной задачей которого является изучение концепта, формируемого предлогом *à*, и выявление пространственного концептуального содержания предлога через речевые контексты.

При выбранном для исследования концептуально-контекстуальном методе при описании пространственной ситуации используется когнитивная модель, которая выражена в концептосхеме

² « À marque que le lieu n'est envisagé que comme un point dans l'espace, sans considération de surface ni de volume... » [Gougenheim, 1959, p. 8].

³ « Tandis que à marque le lieu d'une façon ponctuelle, dans marque l'intériorité » [Spang-Hanssen, 1963, p. 183].

$X — R — Y$, где X — лексема, обозначающая одушевленный/неодушевленный объект₁, наделенный концептуальными признаками, Y — лексема, обозначающая материальный/нематериальный объект₂, наделенный концептуальными признаками и в котором находится X , R — релятор-предлог *à*, устанавливающий пространственные отношения между объектами X и Y .

Изучение семантики предлога *à* и выявление его концептуального содержания включает несколько этапов. На первом этапе была рассмотрена этимология предлога *à*. Далее изучены лексикографические статьи, в которых описывается пространственное значения предлога, приводятся его синонимы и употребление в контексте. Затем методом сплошной выборки были отобраны контексты, состоящие из ситуаций, в которых описывается местонахождение объекта₁ в объекте₂ согласно концептосхеме $X — R (à) — Y$; при этом важно было определить, каковы объекты X , каковы типы пространства Y , между которыми выстраиваются пространственные отношения с помощью предлога *à*, и каковы их свойства. Таким образом, на следующем этапе были выделены лексемы, выступающие в качестве объекта₂-пространства Y , в котором возможно расположение объекта₁ X . Главным условием для выбора той или иной лексемы, обозначающей объект₂, было обозначение им типового пространства. Так, для исследования пространственных предлогов материалом послужили ситуации, в которых описывается расположение объекта₁ в объекте₂, представляющем собой материальный объект.

Особенности концептуального содержания пространственного предлога *à*

Проведенное исследование позволило сформулировать концепт *нахождение объекта X в понятийной точке Y* , выраженный в концептосхеме $X — R (à) — Y$, где X — это лексема-носитель концептуальных признаков одушевленного/неодушевленного объекта₁, Y — лексема-носитель концептуальных признаков объекта₂ как разновидности пространства, в котором находится X , а именно как *понятийной точки*. Таким образом, в основе семантики предлога *à* с пространственным компонентом значения лежит концепт *нахождение объекта X в объекте Y* , в котором мы обозначаем концептуальный признак *понятийная точка*. Данный концептуальный признак выделяется сознанием носителя французского языка как понятие о классе однородных предметов окружающего реального мира и концептуализируется как *точка*, например: « Il n'est pas à la banque, il est au magasin ». В данном случае под термином *нахождение в понятийной точке Y* мы понимаем нахождение объекта X в объекте Y , представляющем в окружающей действительности множество однородных элементов, выделяемое в сознании носителей языка: кафе, школа, банк, магазин, больница и т. п. Например:

(1) « Lorsque le téléphone sonna cet après-midi-là, j'étais seul à la maison. » — 'Я был один дома, когда раздался звонок во второй половине дня'⁴ [Musso, 2018, p. 50].

(2) « Ils ont laissé leurs voitures à la maison pour se rendre au travail à pied, en vélo ou par le transport en commun. » — 'Они оставили свои машины дома, чтобы дойти пешком, покататься на велосипеде или воспользоваться общественным транспортом до работы'.

(3) « Ne me dis pas que je suis la fille qui n'aide pas sa mère à la maison ? » — 'Только не говори мне, что я та дочь, которая не помогает своей матери дома' [Dictionnaire Linguee].

В примерах (1–3) лексема *maison* *f*, обозначающая Y , с предлогом *à* вербализует концептуальный признак *понятийная точка Y* — место нахождения объекта X , где объект X — человек (1) или предмет *автомобиль* (2) находится в понятийной точке *Y-дом*; или X -человек, находясь в данном пространстве Y , совершает какое-либо действие (3).

(4) « Georges, est-il rentré? — Non, il est encore à l'école. » — 'Жорж вернулся? — Нет, он еще в школе'.

(5) « Georges, est déjà à l'université? — Non, il est encore à l'école » est encore à l'école » — 'Жорж уже в университете? — Нет, он еще в школе' (примеры наши. — А. Н.).

(6) « Le règlement intérieur à l'école. » — 'Правила внутреннего распорядка в школе' [Education.ouv.fr].

В (4–6) лексема *école* *f* с предлогом *à* указывает на Y как на *понятийную точку*. Однако в (4) и (5) Y — это *понятийная точка*, нахождение в которой связано с физическим пребыванием объекта X , будь то X -человек, X -ученик, X -учитель, или когда речь идет об уставе, правилах внутреннего

⁴ Здесь и далее перевод наш. — А. Н.

распорядка работы школы и т. д., в связи с чем мы выделяем вариант 1 — *физическое нахождение объекта X в понятийной точке Y* концепта *нахождение объекта X в понятийной точке Y*.

В примерах (4) и (5) пространство Y, обозначаемое лексемой *école* f, представляется в сознании носителя французского языка как место, в котором нахождение объекта X связано с функциональными свойствами Y, что определяет X как объект, нахождение которого в понятийной точке Y связано с его функциональной деятельностью. Так, в примерах (4) и (5) объект X — это ученик, но не учитель, и нахождение X в понятийной точке Y связано с тем, что X учится. Другими словами, « *Georges est à l'école* » = « *Georges y fait ses études* ».

Таким образом, в ходе анализа пространственных конструкций с предлогом *à* был выделен вариант 2 концепта *нахождение объекта X в понятийной точке Y*, а именно — *нахождение объекта X в понятийно-функциональной точке Y*, где Y — это *понятийно-функциональная точка*, а X — это человек, который наделен определенными функциями или знаниями и навыками, позволяющими ему находиться в данной понятийно-функциональной точке Y. Термин *понятийно-функциональная точка* понимается нами не как физическое пространство Y, а как типовое пространство в сознании носителя языка. Здесь понятийная точка Y — это объект, имеющий прототипические свойства, связанные с определенной типовой деятельностью в сознании носителей языка или действием, которое может осуществляться в данном объекте, например, нахождение объекта может быть связано с его профессионально-общественной деятельностью. Примером пространства профессионально-общественного типа деятельности могут быть Y-*école*, Y-*université*, которые связаны с понятием *faire ses études*, при этом в качестве объекта X в данной ситуации выступают только *élève* m (*Il est à l'école*) и *étudiant* m (*Il est à l'université*).

В ходе анализа примеров, где на Y как на понятийную точку указывают лексемы *fenêtre* f, *porte* f, *piano* m и др. в сочетании с предлогом *à*, был выделен вариант 3 — *нахождение объекта X в пространстве понятийно-функциональной точки Y* концепта *нахождение объекта X в понятийной точке Y* с концептосхемой X – R (*à*) – Y; при этом обязательным критерием является наличие определенного артикля перед лексемой, вербализующей Y. Например:

(7) « *Elle apparaît quelques fois par jour à la fenêtre de sa demeure.* » — ‘Несколько раз в день она появляется в окне своего особняка’ [Dictionnaire Reverso Context].

(8) « *Depuis le chœur, nous admirions l'église bondée, avec encore des gens à la porte, malgré le froid.* » — ‘Мы любовались многолюдной церковью, стоя на хорах; несмотря на холод, некоторые еще стояли на входе’.

(9) « *La plupart de ces pièces trouvaient probablement leur origine dans les soirées que Schubert passait avec son cercle d'amis et durant lesquelles, assis au piano, il improvisait.* » — ‘Большинство подобных пьес, скорее всего, создавались в те вечера, которые Шуберт проводил со своим кругом друзей и во время которых, сидя за фортепиано, он импровизировал’ [Dictionnaire Linguae].

В (7–9) лексемы *fenêtre* f, *porte* f, *piano* m, обозначающие Y, в сочетании с предлогом *à* и определенным артиклем вербализуют концептуальный признак *понятийно-функциональная точка Y*; при этом объект X-человек находится в окружающем объект Y или примыкающем к нему пространстве. В данном случае Y не является собственно пространством, а объектом Y, рядом с которым находится объект X: у окна (7), на пороге (8); за фортепиано (9) и т. д. Нахождение объекта X в данном пространстве связано с функциональностью этого предмета Y: если X — *est à la fenêtre*, это значит, что X находится у окна и смотрит в окно, если X — *est à la porte*, то X находится у входа в здание, если X — *est au piano*, значит, что X сидит за фортепиано и играет на инструменте, и т. д. Как правило, нахождение X в подобной ситуации имеет целевое назначение, то есть дает ответ на вопрос: с какой целью объект X находится в данном пространстве? Во всех приведенных примерах мы имеем дело с предметом или объектом, обозначенными Y, и его окружающим пространством, устанавливающим типовую понятийную точку, а не с указанным конкретным предметом Y, например, *une fenêtre*, *un piano* или *une porte* и т. д., даже если этот объект единственный в данной обстановке.

Исследование концептуального содержания предлога *à* с пространственным компонентом значения позволило выявить вариант 4 — *нахождение объекта X в пространстве Y, наделяющем X своими прототипическими свойствами* концепта *нахождение объекта X в понятийной точке Y* с концептосхемой X — R (*à*) — Y, где лексема, вербализующая Y, употребляется без детерминатива. В данном случае отсутствие детерминатива-конкретизатора, в частности артикля, свидетельствует о десубстантивации существительных, обозначающих объекты Y, в связи с чем лексема, обозначающая Y, теряет признаки материального объекта. В результате в данном варианте концепта *нахождение объекта X в понятийной точке Y* описывается ситуация нахождения объекта в состоянии, определяемом прототипическими

свойствами Y , например: *à bord*, *à pied*, *à quai*, *à vélo* и др. На синтаксическом уровне эти конструкции являются обстоятельственными дополнениями образа действия и отражают состояние, в котором оказываются объекты X . В конструкции с таким Y не употребляются детерминативы, и следовательно, Y указывает не на сам денотат, а на его прототипическое свойство или функцию. Например:

(10) « Cette mesure évitera une augmentation inutile du nombre de dispositifs embarqués se trouvant *à bord du véhicule* et réduira la charge administrative imposée aux transporteurs routiers. » — ‘Данная мера позволит избежать неоправданного увеличения количества бортовых устройств на борту транспортного средства и снизить административную нагрузку на автоперевозчиков’ [Dictionnaire Linguee].

Выражение *à bord*, согласно этимологическому словарю [Dictionnaire l’Interaute], пришло из морской терминологии, где ранее un bord (‘борт’) обозначало un bateau (‘корабль’). В современном французском языке слово bord m обозначает борт — ‘тип других видов транспорта’, и во фразе (10) *X à bord du véhicule* описывается ситуация *нахождение объекта X на борту транспортного средства*, то есть *X à bord* обозначает, каким образом, на каком виде транспорта Y передвигается X .

(11) « Cela signifie que les navires *à quai* seraient encouragés à s'alimenter en électricité depuis la terre. » — ‘Это означает, что судам, стоящим в доке, будет предложено получать электроэнергию с суши’ [Dictionnaire Linguee].

(12) « En cas de non-conformités graves, le navire pourra être retenu *à quai*. » — ‘В случае грубых нарушений судно может быть задержано в порту’ [Dictionnaire Reverso Context].

Во французских словарях выражение *à quai* отмечено как морской термин. Например, être *à quai* обозначает ‘быть пришвартованным, встать на якорь у причала, параллельно причалу’ (être *à quai* = accoster, amarrer un bateau parallèle au quai) [Dictionnaire Le Petit Robert]. Таким образом, Y — это не просто нахождение в каком-либо месте, а нахождение в определенном состоянии.

(13) « Des opérateurs envoient et reçoivent les messages que des coursiers livrent ensuite *à pied* ou *à vélo*. » — ‘Операторы отправляют и получают сообщения, которые курьеры затем доставляют пешком или на велосипеде’ [Dictionnaire Linguee].

В примере (13) Y -vélo и Y -pied являются элементами концептосхемы $X — R (\dot{a}) — Y$, где лексемы vélo m и pied m , обозначающие Y , употребляются без детерминатива, в результате чего Y концептуализирует признак *способ передвижения X на Y*, то есть к данной ситуации можно задать вопрос: каким образом курьеры доставляют сообщения? — Пешком, на велосипеде, и т. д.

Несмотря на то, что в данном концептуальном варианте на первый план выходят прототипические свойства Y , а не сам денотат, Y следует считать пространством, так как именно в этом месте, которое называется bord m , pied m , quai m , vélo m и т. д., находится X ; при этом Y наделяет X своими прототипическими свойствами.

Заключение

Таким образом, в ходе анализа семантики предлога *à* с пространственным компонентом значения было установлено, что данный предлог участвует в вербализации концепта *нахождение объекта X в понятийной точке Y*, содержание которого выражается в концептосхеме $X — R (\dot{a}) — Y$. В структуру данной концептосхемы входит X , представленный лексемой, которая является носителем концептуальных признаков одушевленного/неодушевленного объекта, и Y , который представлен лексемой, указывающей на Y как на местонахождение и являющейся носителем концептуальных признаков *понятийная точка*.

Анализ продемонстрировал, что концептуальный признак *понятийная точка* имеет четыре варианта: а) физическая понятийная точка; б) функционально-понятийная точка; в) понятийно-функциональная точка Y , к которой прилегает другое пространство; г) понятийная точка как пространство, определяемое прототипическими свойствами Y .

Перспектива исследования семантики предлога *à* представляется в дальнейшем изучении не только пространственных конструкций, но и временных, в контекстах, в образовании которых участвуют вербализующие пространство Y лексемы различных лексико-семантических классов.

Список источников

1. Николаенко А. В. Некоторые подходы к изучению семантики предлога *à* (французский язык) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. «Филология. Журналистика». — 2021. — Т. 21, вып. 1. — С. 4–8. — URL : <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-4-8> (дата обращения: 05.01.2024).

2. Николаенко А. В. Тенденции употребления французских предлогов *à, en, dans* в пространственно-топонимических конструкциях на примере географических названий французской метрополии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — Вып. 13.
3. Abeillé A., Bonami O., Godard D., Tseng J. The syntax of French *à* and *de*: an HPSG analysis // *Syntax and the semantics of prepositions* / ed. P. Saint-Dizier. — Dordrecht : Kluwer, 2003. — Pp. 133–144.
4. Aurnague M. Places-repère, localisation et routines: lorsque l'analyse du nom place rejoint celle de la préposition *à* // *Corela*: [En ligne]. — 2010, mai, 31. — DOI: 10.4000/corela.919. — URL : <http://journals.openedition.org/corela/919> (дата обращения: 05.01.2024).
5. Brøndal V. Théorie des prépositions. Introduction à une sémantique rationnelle. — Copenhague : Ejnar Munksgaard, 1950.
6. Cadot P. Les prépositions abstraites en français. — P. : Armand Colin/Masson, 1997. — Pp. 68–106.
7. Cadot P. Éléments d'une critique de la notion de préposition spatiale // *Syntaxe et sémantique*. — 2002/1. — № 3. — Pp. 117–129. — DOI: 10.3917/ss.003.0117.
8. Cadot P. Schémas et motifs en sémantique prépositionnelle: vers une description renouvelée des prépositions dites "spatiales" // *Travaux de linguistique*. — 2002. — № 44. — Pp. 9–24. — DOI: 10.3917/tl.044.0009.
9. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. — URL : <http://www.cnrtl.fr/> (дата обращения: 20.11.2023).
10. De Felice E. La preposizione italiana *a* // *Studi di filologia italiana*. — XVI. — Pp. 343–409.
11. Dictionnaire l'Internaute. — URL : <https://www.linternaute.fr/> (дата обращения: 11.12.2023).
12. Dictionnaire Le Petit Robert. — URL : <https://www.lerobert.com/> (дата обращения: 24.12.2023).
13. Dictionnaire Linguee. — URL : <https://www.linguee.fr/> (дата обращения: 10.12.2023).
14. Dictionnaire Reverso Context. — URL : <http://context.reverso.net> (дата обращения: 02.01.2024).
15. Education.gouv.fr. — URL : <https://www.education.gouv.fr/le-reglement-interieur-l-ecole-7751> (дата обращения: 02.01.2024).
16. Fagard B. Espace et grammaticalisation — L'évolution sémantique des prépositions dans les langues romanes // *EUE — Editions Universitaires Européennes*. — 2010. — P. 442.
17. Fagard B., Krawczak K. Les prépositions *à* et *de* et la complémentation verbale // *Langages*. — 2017/2. — № 206. — Pp. 65–84. — DOI: 10.3917/lang.206.0065. — URL : <https://www.cairn.info/revue-langages-2017-2-page-65.htm> (дата обращения: 02.01.2024).
18. Gougenheim G. Valeur fonctionnelle et valeur intrinsèque de la préposition « *en* » en français moderne *Description* // *Journal de psychologie normale et pathologique*. — 1950. — № 8. — Pp. 180–192.
19. Gougenheim G. Y a-t-il des prépositions vides en français ? // *Le français moderne*. — 1959. — № 27. — Pp. 1–25.
20. Goyens M., Lamiroy B., Melis L. Déplacement et repositionnement de la préposition *à* en français. Sous la direction de Michèle Goyens et Walter De Mulder // *Linguisticae Investigationes*. — 2003. — № 25-2. — Pp. 275–310.
21. Grevisse M., Goosse A. *Le bon usage, grammaire française*. — P. ; Louvain-la-Neuve : Duculot, 1993. — 1768 p.
22. Homma Y. Analyse critique et révision de quelques points de vue théoriques sur l'alternance entre *A* et *DANS* en vue d'une problématique de l'enseignement des prépositions françaises en FLE // *Recherches en acquisition et en didactique des langues étrangères et secondes : Actes du Colloque international*. — Sorbonne, 2006. — URL : <http://www.groupepca.org/h/colloque2006/actespdf/homma.pdf> (дата обращения: 19.12.2023).
23. Katz E. Systématique de la triade spatiale *à, en, dans* // *Travaux de linguistique*. — 2002. — Vol. 44, № 1. — Pp. 35–49.
24. Leeman D., Silberstein M. Pourquoi peut-on dire « être au salon » et non « être à la chambre » ? Le curieux comportement des pièces du logis / A. Bertin, Th. Ponchon, O. Soutet (dir.) // *Synchronie et Diachronie: l'enjeu du sens. Mélanges offerts au Pr. Hava Bat-Zeev Shyldkrot, Honoré Champion*. — 2022. — Pp. 293–314.
25. Lehmann C. *Thoughts on grammaticalization*. — München : [u. a.], 1982—1995.
26. Marque-Pucheu C. La couleur des prépositions *à* et *de* // *Langue française*. — 2008/1. — № 157. — Pp. 74–105. — DOI: 10.3917/lf.157.0074. — URL : <https://www.cairn.info/revue-langue-francaise-2008-1-page-74.htm> (дата обращения: 10.12.2023).
27. Mekannez L. La préposition entre structure syntaxique et résolution sémantique: le cas des compléments prépositionnels de verbes construits avec la préposition *à* // *Linguistique*. — Université de Lyon ; Université de Carthage (Tunisie), 2017.
28. Musso G. *La jeune fille et la nuit*. — P. : Calmann-Lévy, 2018. — 244 p.
29. Qualias. — URL : <https://www.qualias.be/location-materiel-medical-aide-mobilite-puericulture-belgique-wallonie-bruxelles/160-table-manger-plateau-lit-fauteuil-location-belgique.html> (дата обращения: 05.01.2024).
30. Spang-Hanssen E. *Les Prépositions incolores du français moderne*. — Copenhague : G.E.C. Gads Forlag, 1963.

31. Stosic D., Fagard B. Les prépositions complexes en français: Pour une méthode d'identification multicritère // *Revue romane*. — 2019. — № 54 (1). — Pp. 8–38. — DOI: <https://doi.org/10.1075/rro.00014.sto>.
32. Tesnière L. Esquisse d'une syntaxe structurale. — P. : Klincksieck, 1953.
33. Trésor de la langue française informatisé. — URL : <http://www.atilf.fr/tlfi> (дата обращения: 05.01.2024).
34. Vendryès J. Le Langage, introduction linguistique à l'histoire. — P. : La renaissance du livre, 1921.
35. Ville-Olmets F. La préposition à et les verbes de transfert de disposition // *Dans Syntaxe et Sémantique*. — 2001/1. — № 2. — Pp. 139–158.

References

1. Nikolayenko A. V. Some approaches to the study of the semantics of the French preposition. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [The Bulletin of Saratov University. Philology. Journalism]. 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 4–8. Available at: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-4-8> (accessed 05.01.2024). (In Russian).
2. Nikolayenko A. V. Trends in the use of French prepositions *à, en, dans* in spatial and toponymic constructions on the example of geographical names of the French metropolis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [The Bulletin of Moscow State Linguistic University Humanities]. 2023, iss. 13. (In Russian).
3. Abeillé A., Bonami O., Godard D., Tseng J. The syntax of French *à* and *de*: an HPSG analysis. *Syntax and the semantics of prepositions*. Ed. P. Saint-Dizier. Dordrecht, Kluwer, 2003, pp. 133–144.
4. Aurnague M. Places-repère, localisation et routines: lorsque l'analyse du nom place rejoint celle de la préposition *à*. *Corela: [En ligne]*. 2010, mai, 31. DOI: 10.4000/corela.919. Available at: <http://journals.openedition.org/corela/919> (accessed 05.01.2024). (In French).
5. Brøndal V. *Théorie des prépositions. Introduction à une sémantique rationnelle*. Copenhague, Ejnar Munksgaard, 1950. (In French).
6. Cadiot P. *Les prépositions abstraites en français*. P., Armand Colin/Masson, 1997, pp. 68–106. (In French).
7. Cadiot P. Éléments d'une critique de la notion de préposition spatiale. *Syntaxe et sémantique*. 2002/1, no. 3, pp. 117–129. DOI: 10.3917/ss.003.0117. (In French).
8. Cadiot P. Schémas et motifs en sémantique prépositionnelle: vers une description renouvelée des prépositions dites "spatiales". *Travaux de linguistique*. 2002, no. 44, pp. 9–24. DOI: 10.3917/tl.044.0009. (In French).
9. *Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales*. Available at: <http://www.cnrtl.fr/> (accessed 20.11.2023). (In French).
10. De Felice E. La preposizione italiana *a*. *Studi di filologia italiana*. XVI, pp. 343–409. (In Italian).
11. *Dictionnaire l'Internaute*. Available at: <https://www.linternaute.fr/> (accessed 11.12.2023).
12. *Dictionnaire Le Petit Robert*. Available at: <https://www.lerobert.com/> (accessed 24.12.2023). (In French).
13. *Dictionnaire Linguee*. Available at: <https://www.linguee.fr/> (accessed 10.12.2023). (In French).
14. *Dictionnaire Verso Context*. Available at: <http://context.reverso.net> (accessed 02.01.2024). (In French).
15. *Education.gouv.fr*. Available at: <https://www.education.gouv.fr/le-reglement-interieur-l-ecole-7751> (accessed 02.01.2024). (In French).
16. Fagard B. Espace et grammaticalisation — L'évolution sémantique des prépositions dans les langues romanes. *EUE — Editions Universitaires Européennes*. 2010, p. 442. (In French).
17. Fagard B., Krawczak K. Les prépositions *à* et *de* et la complémentation verbale. *Langages*. 2017/2, no. 206, pp. 65–84. DOI: 10.3917/lang.206.0065. Available at: <https://www.cairn.info/revue-langages-2017-2-page-65.htm> (accessed 02.01.2024). (In French).
18. Gougenheim G. Valeur fonctionnelle et valeur intrinsèque de la préposition « en » en français moderne Description. *Journal de psychologie normale et pathologique*. 1950, no. 8, pp. 180–192. (In French).
19. Gougenheim G. Y a-t-il des prépositions vides en français ? *Le français moderne*. 1959, no. 27, pp. 1–25. (In French).
20. Goyens M., Lamiroy B., Melis L. Déplacement et repositionnement de la préposition *à* en français. Sous la direction de Michèle Goyens et Walter De Mulder. *Linguistica Investigaciones*. 2003, no. 25-2, pp. 275–310. (In French).
21. Grevisse M., Goosse A. *Le bon usage, grammaire française*. P., Louvain-la-Neuve, Duculot, 1993, 1768 p. (In French).

22. Homma Y. Analyse critique et révision de quelques points de vue théoriques sur l'alternance entre A et DANS en vue d'une problématique de l'enseignement des prépositions françaises en FLE. *Recherches en acquisition et en didactique des langues étrangères et secondes : Actes du Colloque international*. Sorbonne, 2006. Available at: <http://www.grouperca.org/h/colloque2006/actespdf/homma.pdf> (accessed 19.12.2023). (In French).
23. Katz E. Systématique de la triade spaciale à, en, dans. *Travaux de linguistique*. 2002, vol. 44, no. 1, pp. 35–49. (In French).
24. Leeman D., Silberztein M. Pourquoi peut-on dire « être au salon » et non « être à la chambre » ? Le curieux comportement des pièces du logis / A. Bertin, Th. Ponchon, O. Soutet (dir.). *Synchronie et Diachronie: l'enjeu du sens. Mélanges offerts au Pr. Hava Bat-Zeev Shyldkrot, Honoré Champion*. 2022, pp. 293–314. (In French).
25. Lehmann C. *Thoughts on grammaticalization*. München, [u. a.], 1982–1995. (In French).
26. Marque-Pucheu C. La couleur des prépositions à et de. *Langue française*. 2008/1, no. 157, pp. 74–105. DOI: 10.3917/lf.157.0074. Available at: <https://www.cairn.info/revue-langue-francaise-2008-1-page-74.htm> (accessed 10.12.2023). (In French).
27. Mekannez L. La préposition entre structure syntaxique et résolution sémantique: le cas des compléments prépositionnels de verbes construits avec la préposition à. *Linguistique*. Université de Lyon, Université de Carthage (Tunisie), 2017. (In French).
28. Musso G. *La jeune fille et la nuit*. P., Calmann-Lévy, 2018, 244 p. (In French).
29. *Qualias*. Available at: <https://www.qualias.be/location-materiel-medical-aide-mobilite-puericulture-belgique-wallonie-bruxelles/160-table-manger-plateau-lit-fauteuil-location-belgique.html> (accessed 05.01.2024). (In French).
30. Spang-Hanssen E. *Les Prépositions incolores du français moderne*. Copenhague, G.E.C. Gads Forlag, 1963. (In French).
31. Stosic D., Fagard B. Les prépositions complexes en français: Pour une méthode d'identification multicritère. *Revue romane*. 2019, no. 54 (1), pp. 8–38. DOI: <https://doi.org/10.1075/rro.00014.sto>. (In French).
32. Tesnière L. *Esquisse d'une syntaxe structurale*. P., Klincksieck, 1953. (In French).
33. *Trésor de la langue française informatisé*. Available at: <http://www.atilf.fr/tlfi> (accessed 05.01.2024). (In French).
34. Vendryès J. *Le Langage, introduction linguistique à l'histoire*. P., La renaissance du livre, 1921. (In French).
35. Ville-Olmetz F. La préposition à et les verbes de transfert de disposition. *Dans Syntaxe et Sémantique*. 2001/1, no. 2, pp. 139–158. (In French).

Информация об авторе

Николаенко Анастасия Викторовна — старший преподаватель кафедры второго иностранного языка и методики его преподавания института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Nikolayenko, Anastassia — senior lecturer, department of second foreign language and methods of teaching, Institute of foreign languages, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

*Статья поступила в редакцию 14.01.2024;
одобрена после рецензирования 25.01.2024;
принята к публикации 27.01.2024.*

*Submitted 14.01.2024;
approved after reviewing 25.01.2024;
accepted for publication 27.01.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 41–51.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):41–51.

Научная статья
УДК 811.112.2
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.005

Системный анализ немецкоязычного описания освещения наружной рекламы: лингвосенсорика светодизайна

Поликарпов Александр Михайлович

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
polikarpov.ling@yandex.ru

Шепурёва Ольга Александровна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия
ollgaarch@gmail.com

Аннотация. В статье излагаются основные результаты исследования немецкоязычных текстов, заимствованных из специальных интернет-изданий, содержащих описание освещения наружной рекламы и относящихся к дискурсу светодизайна. Цель состоит в описании языковых средств, выражающих различные аспекты зрительного восприятия света в освещении наружной рекламы. Новизна исследования заключается в использовании интегративного подхода при изучении световой лингвосенсорика и осуществлении на основе этого подхода системного анализа при обработке языкового материала. Системный анализ на трех уровнях рассмотрения (лингвосенсорном, когнитивном и прагмалингвистическом) позволяет подробно рассмотреть проблему лингвосенсорного восприятия света в наружном освещении рекламы и изучить визуальный модус восприятия с учетом перцептивного опыта светодизайнеров, специалистов по составлению текстов в сфере светодизайна и потенциальных реципиентов текстов. Предположение о существовании индивидуальной визуальной ориентированности человеческого интеллекта позволяет рассмотреть языковые средства, репрезентирующие светоэффекты, с учетом знаний из сферы светодизайна и зрительного мышления. Рассматривается метафорический потенциал лексики, позволяющей передавать световые эффекты, а также возможности использования синтаксических конструкций и особенностей оформления текста в связи с передачей визуальных образов.

Ключевые слова: световой дизайн, наружная реклама, системный анализ, лингвосенсорика, когнитивная лингвистика, прагмалингвистика, зрительная перцепция, репрезентация концепта «свет».

Для цитирования: Поликарпов А. М., Шепурёва О. А. Системный анализ немецкоязычного описания освещения наружной рекламы: лингвосенсорика светодизайна // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1(68). С. 41–51. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.005.

Original article

The systems analysis of German-language descriptions of outdoor advertising lighting: linguosensorics of lighting design

Aleksandr M. Polikarpov

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia
polikarpov.ling@yandex.ru

Olga A. Shepureva

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russia
ollgaarch@gmail.com

Abstract. The article presents the main results of the study of German-language texts borrowed from special Internet publications containing descriptions of outdoor advertising lighting and relating to the discourse of lighting design. The aim of the article is to describe the linguistic means expressing various aspects of visual perception of light in the lighting of outdoor advertising. The novelty of the study lies in the use of an integrative approach to the study of light linguosensory and the implementation of systemic analysis in the processing of linguistic material on the basis of this approach. Systemic analysis at three levels of consideration (linguosensory, cognitive and pragmalinguistic) makes it possible to examine in detail the problem of linguosensory perception of light in outdoor advertising lighting and to study the visual modus of perception taking into account the perceptual

experience of lighting. The metaphorical potential of the lexicon allowing to transmit light effects is considered, as well as the possibilities of using syntactic constructions and peculiarities of text design in connection with the transmission of visual images.

Keywords: light design, outdoor advertising, system analysis, linguosensorics, cognitive linguistics, pragmalinguistics, visual perception, representation of the concept “light”.

For citation: Polikarpov A. M., Shepureva O. A. System analysis of the German-language description of outdoor advertising lighting: linguosensorics of lighting design. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 41–51. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.005.

Введение

Аспекты системного анализа

Описание освещения наружной рекламы в аспекте светодизайна требует использования новых методов, свидетельствующих об интегративном подходе к изучению световой лингвосенсорике. Одним из таких методов исследования является системный анализ.

Системный анализ (далее — СА) предполагает рассмотрение некоего объекта не только на уровне целого как целостного системного образования, но и на уровне отдельных частей, элементов этого целого. При применении СА ученые занимаются комплексным изучением ситуации, выяснением причин ее появления, а также организацией функционирования системы, позволяющей более комплексно видеть ситуацию.

Методологическая ценность СА состоит в ориентированности на раскрытие целостности объекта как системы взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений и на выявление механизмов, обеспечивающих целостность системы. Следует согласиться с тем, что СА представляет собой исследование сложной проблемной ситуации, снабженное определенной методикой или совокупностью методик, позволяющих расчлнить проблему на более простые подпроблемы, выделить этапы исследования, разбить изучаемый процесс на отдельные подпроцессы и т. п. [Княжева, Пирко, 2013, с. 146]. Особое внимание уделяется выявлению многообразных типов связей, существующих как внутри самого исследуемого объекта, так и в его отношениях с окружающим миром.

Как и любой метод исследования, СА базируется на принципах, вытекающих из особенностей представления исследуемых объектов. Перечислим некоторые принципы СА, выявленные в статье «Основы системного анализа».

Принцип цели ориентирует на первоочередность анализа причин предназначения системы, которое подтверждается при ее функционировании: «Исследователя прежде всего должно интересовать не то, как построена система, а для чего она существует, какая цель стоит перед нею, чем она вызвана и каковы средства ее достижения» [Карпенко, Селезнев, Пелогейко [и др.], 2022, с. 1998].

Принцип двойственности, или *суперсистемности*, позволяет говорить о том, что «исследуемый объект должен рассматриваться и как система, и как подсистема системы более высокого уровня (суперсистемы)» [Карпенко, Селезнев, Пелогейко [и др.], 2022, с. 1998].

Принцип целостности предполагает описание исследуемого объекта как некоего целого.

Принцип сложности предусматривает рассмотрение объекта как сложной совокупности различных элементов в их взаимоотношениях между собой и с окружающей средой.

Принцип всесторонности подразумевает учет всех важных связей в самом объекте исследования и факторов, влияющих на него.

Указанные принципы системного анализа позволяют говорить об интегративном подходе к изучению световой лингвосенсорике.

Главной задачей системного анализа в области лингвистики является рассмотрение ситуации, связанной с неким лингвистическим объектом, путем использования системного подхода.

В нашем случае при исследовании немецкоязычных текстов описания освещения наружной рекламы применение СА позволяет принять адекватное решение относительно метаязыка, помогающего объяснить описание феномена освещения наружной рекламы. Таким метаязыком выбран профессиональный язык лингвосенсорике.

Основная часть

Лингвосенсорика и изучение света

Лингвосенсорика выступает весьма перспективным направлением современных лингвистических исследований. Термин «лингвосенсорика» был предложен российским языковедом В. К. Харченко в 2012 году для обозначения области «лингвистического знания, которая занимается языком перцепции,

вербальной репрезентацией показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния [Харченко, 2012]. В англоязычной литературе используется более широкий термин “Sensory Studies” [Howes, 2022, p. 6].

Формирование лингвосенсорике как научного направления обусловлено современными тенденциями в развитии гуманитарного знания, в частности лингвистики. Одной из ведущих тенденций является общий антропоцентрический сдвиг.

В связи с рассматриваемой темой следует сразу же отметить, что визуальный модус восприятия единодушно признается важнейшим в перцептивном опыте человека. Некоторые ученые говорят даже о существовании так называемого окуляроцентризма [Нагорная, 2017]. Как нам представляется, мы живем в эпоху смены парадигм от окуляроцентризма к мультисенсорности.

Зрение по самой своей природе — продукт света. Это результат получения света, его отражения и, в конечном итоге, поглощения и передачи света нашей зрительной системой. Чтобы оценить эффективность использования света для привлечения людей и управления их опытом, следует понять причины того, почему у людей существует этот тип реакции. На самом базовом уровне речь идет о видении. Человеческая зрительная система очень тонко настроена на передачу света. Можно с уверенностью сказать, что видение — один из самых быстрых способов получить знания об окружающем мире. Именно из-за этой зависимости наш мозг всегда побуждает нас исследовать области, которые имеют больше визуальной информации, то есть освещенные области. Мозг считает, что, чем больше мы видим, тем лучше будет наш жизненный опыт [Белова, 2022].

Возвращаясь к лингвосенсорике светодизайна, можно сказать, что световой дизайн нельзя назвать ни искусством, ни наукой. В большей степени это производная от них отрасль, поскольку профессиональному дизайнеру необходима не только креативная идея (с точки зрения искусства), но и понимание физических свойств света и принципов работы источников света (с научной точки зрения) [Мокрецова, Ефименко, Головкина, 2015, с. 59]. Свет — это гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Подобно тому, как дизайнер заботится о нюансах и тонкостях материала и цвета, светодизайнер также должен обращать внимание на особенности изменения пространства и определенного объекта с помощью света. Свет включается в городское пространство и становится для нас привычной средой, поэтому особенно важно понимать свет как явление. Свет — это тип излучения, воспринимаемого глазом. Понимание света с физической точки зрения позволяет светодизайнерам принимать правильные дизайнерские решения, избегая при этом опасностей и ловушек, связанных с неправильным использованием света. Еще одним понятием, важным для светодизайна, является освещение, за которым закреплено появление света из разных источников, когда человек способен различать окружающее пространство и находящиеся в нем объекты. Освещенность — это выражение количества света, падающего на объект [Новосельцев, 2012, с. 9].

В зависимости от используемых источников света выделяют системы искусственного, естественного и комбинированного освещения. Они различаются не только по источнику света, но и по освещаемой зоне. Недостаток естественного освещения — зависимость потока солнечного света от времени суток, погоды и времен года. Системы освещения подразделяются на декоративные, рекламные, архитектурные и витринные [Лампа Эксперт].

Основная задача наружного рекламного освещения — придание объекту выразительности и привлекательного внешнего вида. Требования для таких систем определяются спецификой объекта и нормативными показателями. Свет может быстро и сильно изменить внешний вид и эмоциональное воздействие спроектированных светодизайнерами пространств.

Наиболее важным для создания эффективного дизайна освещения наружной рекламы является внимание к тому, куда направляется свет. Посредством тщательной планировки размещения света можно максимизировать желаемый эффект светодизайна.

Взаимосвязь между светом и зрительной перцепцией

Целенаправленное применение «специфического света на специфических поверхностях» базируется на четырех важных взаимосвязях между светом и зрительной перцепцией (человеческим восприятием посредством зрения):

- адаптации к яркой или темной обстановке;
- яркости: контрастности между поверхностями и их средой;

- привлечении внимания субъекта освещенными поверхностями и объектами;
- вертикальном видении: тенденции смотреть вокруг нас, а не вверх или вниз.

Понятие адаптации позволяет зафиксировать способность системы человеческого зрения хорошо функционировать под различными уровнями света. Феномен адаптации помогает понять, что пространство, полное поверхностей, получающих различное количество света, всегда будет демонстрировать контрастность, независимо от того, каковы фактические уровни света.

Термин «яркость» используется в светодизайне для описания воспринимаемого освещения поверхностей в повседневной среде. Яркость не является абсолютным свойством поверхности. Человеческая зрительная система адаптируется к любой световой среде. Поэтому яркость связана прежде всего с субъективностью суждения, сделанного человеком в определенной световой среде. Контраст между объектами является тем, что побуждает наше зрение воспринимать яркость. Наши глаза говорят нам, где начинается один объект и заканчивается другой, поскольку объекты отражают свет по-разному.

Самая мощная человеческая реакция на свет — самая простая: это фундаментальное влечение людей к свету и освещенным пространствам. Привлекая внимание наблюдателя к нескольким крупным ярким поверхностям, можно убедить его в том, что определенное пространство является ярким.

Понятие вертикального видения связано своим происхождением со способностью человека самому определять яркость в зависимости от окружающих вертикальных поверхностей. Наши глаза плохо справляются с большим потоком света, который исходит непосредственно от источника света. Восприятие яркости пространства больше связано со светом, отраженным от окружающих поверхностей, чем с яркостью источников света. Поэтому людей инстинктивно привлекают яркие поверхности, области и предметы.

Подчеркнем, что представленные выше четыре тактики зрительного восприятия эффективно работают вместе для формирования основы того, каким образом лучше помещать свет в окружающую среду.

Немецкоязычное описание освещения наружной рекламы в медиатекстах: системный анализ

Исходя из представленных во введении принципов системного анализа, при изучении описания освещения наружной рекламы на материале немецкоязычных медиатекстов будем считать принцип цели реализованным благодаря рассмотрению прагмалингвистического потенциала исследуемого языкового материала, то есть изучению коммуникативного намерения цели автора-составителя текста. При учете принципа цели будем отталкиваться от того, что немецкоязычные медиатексты с описанием освещения реализуются посредством репрезентации трех возможностей: интенции производителя оборудования световой рекламы, с позиций журналиста — наблюдателя реализации «световых проектов» в оформлении наружной рекламы и автора, а также мнения составителей интернет-текстов, включающих отзывы городской общественности о световом оформлении наружной рекламы.

Принцип суперсистемности задействуется в представленном анализе при рассмотрении языкового материала в трех измерениях: лингвосенсорном, лингвокогнитивном и прагмалингвистическом, что позволяет подойти к исследованию описываемого объекта (вербального выражения представленных световых решений) как системы в ракурсе трех подсистем.

Принцип сложности и всесторонности учитываются в анализе при использовании интегративного подхода к рассмотрению исследуемого объекта, предполагающего междисциплинарность проводимого исследования (задействование знаний в области лингвосенсорики и лингвосенсорного восприятия, когнитивистики и теории концептов, лингвостилистики и теории сенсорного образа, лингвопрагматики, физики света и светодизайна и др.).

В качестве языкового материала были использованы 78 немецкоязычных медиатекстов, созданных в Германии, Швейцарии и Австрии, опубликованных на медиасайтах производителей световой наружной рекламы, связанных со световым дизайном, а также муниципальных медиапорталах.

Руководствуясь вышеизложенными принципами системного анализа при исследовании немецкоязычных интернет-текстов по световому дизайну наружной рекламы, при изучении микроконтекстов целесообразно учитывать три ракурса рассмотрения аспектов перцептивного опыта, связанного с освещением наружной рекламы: прагмалингвистический, лингвосенсорный и лингвокогнитивный.

Проанализируем примеры немецкоязычных текстов от производителей светового оборудования наружной рекламы. Данные медиатексты относятся к рекламному дискурсу.

1. „*Leuchtkästen* — kostengünstig und vielseitig. Mit der Herstellung von individuellen *Leuchtkästen* haben wir über 30 Jahre Erfahrung. Wir bieten Ihnen ein breites Spektrum an *Leuchtkästen* in vielen Varianten sowie *Pylone* und *auffallende Ausstecker in höchster Ausführungsqualität*. Individuell für Ihren Werbezweck fertigen wir *Leuchtkästen* in der gewünschten Bauart und Größe. *Ausgeleuchtet werden* unsere *Leuchtkästen* mit hochwertigen *LED-Modulen* oder *Seitenstrahlern*. Durch neueste *energieeffiziente LED-Module* erhalten Sie ein kostengünstiges Produkt, das Ihre Stromkosten enorm reduzieren kann.“ [Leuchtkästen, 2023]. — ‘Световые короба экономически эффективны и универсальны. У нас более 30 лет опыта в сфере производства индивидуальных световых коробов. Мы предлагаем широкий ассортимент лайтбоксов в различных вариациях, а также пилоны и привлекательные панели-кронштейны высочайшего качества исполнения. Мы изготовим световые короба по индивидуальному заказу для ваших рекламных целей в желаемом дизайне и размере. Наши световые короба подсвечиваются высококачественными светодиодными модулями или боковыми прожекторами. Благодаря новейшим энергосберегающим светодиодным модулям вы можете приобрести экономически эффективный продукт, способный значительно сократить ваши расходы на электроэнергию’*.

Лингвосенсорный взгляд с позиций рекламодателя позволяет предположить, что именно цель создания подобных текстов диктует имплицитную передачу зрительных ощущений и зрительной перцепции, скрывающуюся за такими оценочными факторами, как качество и количество «поставляемого» света. Это достигается посредством использования вербальных средств описания самого светового оборудования (форма и размер световых коробов, пилонов), качества, эффективности и энергосберегаемости (светодиодных модулей и прожекторов, лайтбоксов) и т. д. В данном микроконтексте описание освещения наружной рекламы представлено в виде детерминативного композитного образования с определяющим компонентом *Licht* (‘свет’), заимствованным из греческого языка архитектурным термином *Pylone*, существительным *Ausstecker* (‘панель-кронштейн’) с определением, выраженным причастием I. Глагол *ausleuchten*, значение которого свидетельствует о фиксировании светового явления в его максимальной представленности (‘освещать, заливать светом’) [Большой немецко-русский словарь, 2002, с. 173], задействован в виде причастия II в пассивной конструкции в комбинации с подлежащим-термином *Leuchtkästen* (‘световой короб’) и в сочетании с предложным дополнением в виде композита с определяющим компонентом в виде аббревиатуры *LED* (*Light-emitting diode*) (‘светодиод’) [The Oxford English dictionary, 2000, p. 787]. Все это помогает создать комплексное описание примера освещения наружной рекламы. Отметим, что в этом небольшом фрагменте текста от производителей светового рекламного оборудования, состоящем из нескольких предложений, термин „*Leuchtkästen*“ встречается пять раз, что, на наш взгляд, характерно для подобных текстов, представленных на сайтах производителей освещения наружной рекламы.

Текст имеет цель убедить потенциального клиента приобрести товар. Об этом свидетельствуют многочисленные эпитеты: *kostengünstig und vielseitig*, *individuell*, *gewünscht*, *enorm*, *energieeffizient*, *breit*. Лингвокогнитивный вектор осуществления системного анализа как третий его этап делает возможным определение основных репрезентантов концепта света, к которым относятся в данном микроконтексте технические характеристики представляемого светового оборудования, помогающие заинтересовать потенциальных клиентов (эффективность, универсальность и индивидуальность световых коробов, различные вариации лайтбоксов, желаемый дизайн и размер, подсветка высококачественными модулями), экономическая эффективность продукта светодизайна (способность сократить расходы на электроэнергию). Данное наблюдение относится и ко всем другим медиатекстам, созданным по заказу производителей светового оборудования.

2. „*Als freistehende Werbe-Leitsysteme sind Leucht-Pylone in der Leuchtwerbebranche nicht mehr wegzudenken. Wir fertigen Leucht-Pylone in vielen Formen und jeder Größe für unsere Kunden an. Dabei können sie auf Wunsch auch beidseitig beschriftet werden. Wenn Ihre Außenwerbung mit Leucht-Pylonen bauamtliche Genehmigungen erfordert, übernehmen wir die Erstellung der nötigen Unterlagen sowie Behördengänge gerne für Sie.*“ [Leuchtkästen, 2023]. — ‘Являясь отдельно располагаемыми рекламными конструкциями, световые пилоны стали незаменимыми в индустрии световой рекламы. Мы производим для наших клиентов пилоны различных форм и размеров с подсветкой. При желании на них можно нанести надписи с обеих сторон. Если для размещения вашей наружной рекламы с помощью световых пилонов требуются разрешения соответствующих инстанций, мы будем рады подготовить для вас необходимые документы и решить вопросы с органами власти’.

* Здесь и далее перевод наш. — А. П., О. Ш.

В рассматриваемом микроконтексте освещение наружной рекламы представлено термином „Leucht-Pylone“ — сложным существительным, которое так же, как и в вышеприведенном примере, встречается несколько раз. Текст ориентирован на реципиента (потенциального покупателя), ярко выражены индивидуальный подход (*gerne für Sie, für unsere Kunden, auf Wunsch*) и стремление убедить клиента в правильности выбора (*Nicht mehr wegzudenken*).

3. „*Neon-Kontur* verleiht Ihrer Geschäfts-oder Unternehmensfassade Aufmerksamkeit und retroklassischen Charme. *Die dekorative Neon-Lichtlinien* können innerhalb oder außerhalb von Gebäuden eingesetzt werden. *Neon-Kontur* gibt es in verschiedenen Farben und Stärken. Zudem lässt sich *Neon-Kontur* direkt an die Fassade oder auf einem Aluminiumgehäuse montieren, sodass die Elektroden im Metallgehäuse geschützt und die Hochspannungskabel unsichtbar verlegt sind.“ [Rückleuchter, 2023]. — ‘Неоновый контур привлечет внимание к фасаду вашего коммерческого или корпоративного здания и придаст ему очарование классики. Декоративные неоновые световые линии можно использовать как внутри, так и снаружи здания. Неоновый контур доступен в различном цвете и разных размерах. Кроме того, неоновый контур может быть установлен непосредственно на фасаде или на алюминиевом корпусе так, чтобы электроды были защищены металлическим корпусом, а высоковольтные кабели проложены незаметно’.

В приведенном микроконтексте описание световой рекламы представлено детерминативным композитом Neon-Kontur, частотность употребления которого в небольшом фрагменте текста равна четырем. В одном из предложений слово Kontur заменено на синоним, являющийся сложным существительным с определяющим компонентом Licht- (*Lichtlinien*) (‘световые линии’). Для усиления воздействия на выбор потенциального клиента, привлечения его внимания к рекламному освещению в тексте использована антропоморфная метафора, основу которой образует глагол *verleihen* (‘придавать’), по своей семантике предполагающий наличие субъекта. С целью создания ощущения у клиента некой избранности, элитности в случае выбора именно этого вида световой наружной рекламы авторы текста употребляют словосочетание *retroklassischen Charme*.

4. „*Rückleuchter*. Dezent und edel, kleine bis mittelgroße Werbeanlagen im Innen und Außenbereich. Wahlweise flache, einteilige Ausführung aus gefrästem Vollmaterial mit verschiedenen individuellen, edlen Beschichtungen bis zu Blattvergoldung oder zweiteilig, mit eindrucksvollem ‚Tiefgang‘ als Vollrelief aus pulverbeschichtetem Aluminium oder Edelstahl, im historischen Altstadtbereich und Denkmalschutz sehr gefragt, universell und vielfältig einsetzbar.“ [Rückleuchter, 2023]. — ‘Фоновая подсветка. Незаметные и благородные, малые и средние рекламные установки внутри и снаружи помещений. Как плоские, так и фрезерованные цельные конструкции из плотного материала с различным индивидуальным благородным покрытием вплоть до сусального золота, или двухкомпонентные, с впечатляющей «глубиной» в виде полного рельефа из алюминия, с порошковым покрытием или покрытием из нержавеющей стали, очень востребованы в исторических районах старых городов и на зданиях — памятниках архитектуры, универсальны и многофункционально применимы’.

Здесь характеристика освещения наружной рекламы передается посредством сложного существительного с определяемым компонентом *leucht-*. Это непосредственно сам термин „Rückleuchte“ (фоновая подсветка), то есть рассматриваемое описание минимально. Но очень детально, подробно описана сама рекламная вывеска, для которой создается фоновое освещение, и детали ее изготовления. Кроме того, даются нюансированные детали, характеристики (*Edel, dezent, individuell*).

5. „*Outdoor-Monitore und Werbedisplays. Digital Signage*. Für die gezielte Kundenansprache mit aufregenden, bewegten Bildern im Outdoor-Einsatz haben wir *Monitor-Lösungen und digitale Stelen* entwickelt, die auch unter schwierigsten Licht- und Temperaturverhältnissen störungsfrei funktionieren. Sollten Sie in unserem *Digital-Signage-Sortiment* einmal nicht das passende *Digital-Display* finden, bitte sprechen Sie uns an — individuelle Lösungen sind unsere Stärke!“ [Digital Signage, 2023]. — ‘Наружные мониторы и рекламные дисплеи. Цифровые вывески. Для привлечения внимания клиентов к захватывающим, движущимся изображениям на открытом воздухе мы разработали решения для мониторов и цифровых стелл, которые безотказно работают даже в самых сложных световых и температурных условиях. Если вы не можете найти подходящий цифровой дисплей в нашем ассортименте цифровых вывесок, пожалуйста, свяжитесь с нами. Индивидуальные решения — наша сильная сторона!’

В анализируемом примере описание освещения наружной рекламы содержит англоязычные заимствования, разные по степени ассимиляции в немецком языке, что связано, по всей видимости, с заимствованием самих технологий: *Outdoor-Monitore, Werbedisplays, Digital Signage* (система распределенных информационных дисплеев), *Digital-Display* [Digital Signage, 2023]. Авторы предлагаемого вида

наружной рекламы опираются на взаимосвязь света и зрительного восприятия, ср.: „Für die gezielte Kundenansprache mit aufregenden, bewegten Bildern“. Ярко выражен индивидуальный подход к потенциальному клиенту: „individuelle Lösungen sind unsere Stärke“.

Рассмотрим примеры текстов, передающих перцептивный опыт журналистов — авторов интернет-текстов с описанием освещения наружной рекламы. Взгляд журналистов отличается от взгляда производителя рекламного оборудования на светодизайн: он более нюансированный, чувствуется стремление автора рекламного текста заинтересовать читателя оригинальностью решения, эстетикой.

1. „*Lichtwerbung Centrum Galerie Dresden. Nach vorn und seitlich leuchtende, zweiteilige Vollreliefbuchstaben aus Acrylglas, die auf einem flachen Aluminium-Boden aufgesteckt und seitlich verschraubt werden. Die Ausleuchtung erfolgt mittels LED-Modultechnik.*“ [Hanisch, 2016]. — ‘Световая реклама торгового центра *Centrum Galerie* в Дрездене. Подсвеченные спереди и сбоку двухкомпонентные полнорельефные буквы из акрилового стекла, установленные на плоском алюминиевом основании и привинченные сбоку. Подсветка осуществляется с помощью светодиодных модулей’.

Журналист-фрилансер, пишущий тексты для профессиональных изданий по светодизайну, употребляет развернутые описания, сложные предложения, избегает повторов. Описание яркое, позволяет легко представить рекламное освещение и даже дополнительно визуализировать его. Детерминативное композитное образование *Vollreliefbuchstaben* употреблено вкупе с определением *zweiteilig*, выраженным прилагательным, и причастием I от глагола с семантикой света *leuchten*, еще более детально конкретизируемым наречиями *seitlich* и *vorn* в сочетании с предлогом *nach*. Существительное световой семантики *Ausleuchtung* (‘освещение’) со сложным существительным, содержащим определяющий компонент в виде аббревиатуры *LED*, дополняет описание освещения наружной рекламы.

Обратимся далее еще к одному примеру представления световой наружной рекламы с позиций журналиста, осведомленного в вопросах светодизайна.

2. „*Zudem befinden sich die zentralen Markenbotschaften ‚WHO ARE YOU‘ und ‚MORE THAN A GYM‘ in Unternehmensfarben auf der Fassade, die als Folienplot aus selbstklebender Hochleistungsfolie angefertigt wurden. Über LEDs erstrahlen die FIT/ONE Logos bei Nacht an allen Seiten des Gebäudes und sind aus jeder Richtung gut zu erkennen.*“ [gutenbergberger setzt Markeninszenierung für FIT/ONE um, 2023]. — ‘Кроме того, центральные вывески с брендом “WHO ARE YOU” и “MORE THAN A GYM” выполнены в корпоративных цветах на самоклеящейся пленке, размещенной на фасаде. Благодаря светодиодам логотипы FIT/ONE светятся ночью на всех сторонах здания и хорошо видны с любого ракурса’.

Данный микроконтекст представляет описание освещения наружной рекламы сети фитнес-салонов, выполненное журналистом для профессионального издания по светодизайну. Глагол *erstrahlen* (‘сиять’), выступающий в роли сказуемого, метафоризируется. Текст характеризуется продуманностью, эстетичностью, желанием интересно описать световое решение конкретного рекламного предложения.

3. „*„Differenzierte Beleuchtungslösungen betonen den Charakter von Gebäuden oder ihrer Eingangsbereiche und ergänzen sich so zu einer einzigartigen Lichtdramaturgie im Stadtraum. Seit dem Siegeszug der Leuchtreklame zu Beginn des 20. Jahrhunderts gehören Lichtwerbeelemente und Beleuchtungseffekte zum nächtlichen Erscheinungsbild einer Metropole. Neben der klassischen, plakativen Lichtwerbung spielt die Inszenierung von Fassaden und Gebäudehüllen zunehmend eine Rolle. Zeichenhafte Architektur soll im abendlichen Stadtraum die Aufmerksamkeit der — von vielfältigen Eindrücken bestürmten — Passanten auf Läden und kommerzielle Angebote lenken oder von weither Besucher anziehen. Dafür bieten sich zwei Möglichkeiten: Einerseits kann Architektur durch eine transparente Hülle von innen heraus leuchten — ein bei Schaufenstern und fassadennahen Innenräumen wichtiger Aspekt. Andererseits lassen sich massive oder opake Fassaden mit Außenraumleuchten abwechslungsreich in Szene setzen — von der zurückhaltenden Betonung der Architektur bis hin zur dynamischen, bunt-effektvollen Event-Beleuchtung.*“ [Lichtwissen, 2023]. — ‘Дифференцированные световые решения подчеркивают характер зданий или их парадной части, дополняя друг друга, создают уникальную световую драматургию в городском пространстве. С момента триумфа световой рекламы в начале XX века световые рекламные элементы и световые эффекты стали частью ночного облика мегаполиса. Помимо классической, яркой световой рекламы все более важную роль играет оформление фасадов и облицовки зданий. В вечернем городском пространстве архитектура с ее ярко выраженным характером призвана привлечь внимание прохожих, переполненных многочисленными впечатлениями, к магазинам и коммерческим предложениям, или привлечь внимание посетителей издалека. Это можно сделать двумя способами. С одной стороны, архитектура может светиться изнутри через прозрачную оболочку, что является важным аспектом для витрин и интерьеров, расположенных

близко к фасаду. С другой стороны, массивные или непрозрачные фасады могут быть оформлены разным способом с помощью наружных светильников — от сдержанного подчеркивания архитектуры до динамичного, красочного освещения постановок’.

Лингвосенсорный аспект системного анализа позволяет обратить внимание на взаимосвязь физики света и светодизайнерских решений и коммуникативных стратегий автора текста. В приведенном микроконтексте описываемый вид световой рекламы построен на таких принципах взаимодействия света и зрительного восприятия, как фототропизм, яркость, вертикальность. Автор рассматривает световую рекламу как драматургию, постановку и использует многочисленные антропоморфные метафоры: *eine Rolle spielen, den Charakter betonen, sich zu einer Lichtdramaturgie ergänzen, sich in Szene setzen*. Лингвокогнитивный вектор системного анализа способствует нахождению в медиатекстах рассматриваемого типа репрезентантов концептов света и светодизайна. Таковыми являются слова разных частей речи: субстантивные (*Beleuchtung, Beleuchtungseffekte, Licht, Leuchtreklemme*), глагольные (*leuchten, erstrahlen*), адъективные (*leuchende*).

Рассмотрим далее микроконтексты, отражающие перцептивный опыт составителей интернет-текстов, включающих отзывы городской общественности об оформлении наружной рекламы. Коммуникативное намерение составителей подобных медиатекстов состоит в привлечении внимания жителей немецкоязычных городов к оформлению световой наружной рекламы путем вербального описания световых решений в городском пространстве.

1. *„Sie strahlen hell und flimmernd, sind mitunter mehrere Quadratmeter groß und stehen dutzendfach in der Stadt am Straßenrand: Hamburg ist von digitalen Werbeflächen überschwemmt. So sieht es zumindest eine Gruppe von Aktivist:innen, die sich dieser Flut nun entgegenstellen will.“* [Die Tageszeitung, 2022, Apr., 26]. — ‘Они сияют ярким и мерцающим светом, иногда размером в несколько квадратных метров, десятками стоят на обочинах городских дорог: Гамбург наводнен цифровыми рекламными площадями. По крайней мере, так считает группа активистов, которая явно хочет противостоять этому потоку’.

В данном микроконтексте отражено восприятие световой наружной рекламы жителями Гамбурга (Германия) — инициаторами и активистами движения по упорядочению наружной рекламы в городе. Лингвосенсорный вектор системного анализа позволяет в данном и многих других случаях говорить о прямом, эксплицитном выражении результатов зрительно-сенсорного опыта авторов-составителей текстов и заинтересованных лиц, являющихся субъектами светового воздействия. Интенсивность световой семантики глагола *strahlen* (‘излучать’) усиливается прилагательным *hell* (‘светлый’) в значении ‘ярко’ и причастием I от глагола *flimmern* (‘сверкать, мерцать, мигать’) [Большой немецко-русский словарь, 2002, с. 483], что вкуче производит весьма раздражающий эффект. Метафорически употреблены глаголы *strahlen, stehen*, а также *überschwemmen* (‘наводнять’), но уже в пассивной конструкции, эффект усиливается использованием слова *Flut* (‘наводнение’), относящегося к семантической группе «наводнение».

2. *„Digitale Werbemedien im öffentlichen Raum — wie hier das U-Bahn-Fernsehen — stehen in der Diskussion.“* [Die Tageszeitung, 2021, Jun., 12]. — ‘Цифровые рекламные носители в общественных местах — такие как телевидение в метро — являются предметом обсуждений’.

Автор статьи, являющийся одновременно и редактором газеты, передает восприятие жителями города световой рекламы в общественном месте. Вместо привычного для профессионалов слова *Monitor* или *Display* в данном случае употреблено слово *das U-Bahn-Fernsehen* (‘телевидение в метро’).

3. *„Die sogenannten ‚Megalights‘, digitale Werbebanner, deren beleuchtete Fläche doppelt so groß ist wie eine Tischtennisplatte, verbrauchen durchschnittlich 46.428 Kilowattstunden pro Jahr. Plakatwerbung auf Papier sei ähnlich verschwenderisch: Beleuchtete und bewegte Werbeträger beanspruchten nicht nur viel Strom, sondern auch Tonnen an Papier.“* [Die Tageszeitung, 2021, Jun., 03]. — ‘Так называемые мегалайты — цифровые рекламные баннеры, освещенная поверхность которых вдвое больше стола для настольного тенниса, — потребляют в среднем 46 428 киловатт-часов в год. Плакатная реклама на бумаге также затратна: подсвеченные и движущиеся рекламные носители потребляют не только много электроэнергии, но и тонны бумаги’.

В статье журналист транслирует размышления жителей города о затрачиваемых на рекламу финансовых ресурсах. Вместо термина *Mega-Light Plakate* или *Mega-Light Poster, Mega-Light Board* и т. д. в тексте используется разговорный вариант *Mega-Lights*. Лингвокогнитивный аспект осуществления системного анализа в отношении медиатекстов, отнесенных на прагмалингвистических основаниях к третьей группе, позволяет сделать вывод о том, что репрезентантами концепта «свет» являются лексические единицы с морфемами *-licht-, -leucht-, strahl-*, а также англоязычная лексема *light*.

Заключение

При исследовании аспектов зрительного восприятия света в освещении наружной рекламы эффективным представляется использование системного анализа, позволяющего разделить проблему зрительного восприятия световой рекламы на подпроблемы. Вначале рассматривается визуальный модус восприятия с учетом перцептивного опыта светодизайнеров, специалистов по составлению текстов в сфере светодизайна и потенциальных реципиентов текста. Языковые средства, выражающие световые эффекты, описываются с учетом знаний из области светодизайна и мыслительных процессов специалистов-профессионалов, специфики дискурса светодизайна и особенностей восприятия информации, связанной с ментальными процессами, а также в совокупности с предположением об индивидуальной визуальной ориентированности человеческого интеллекта.

Одно и то же световое явление воспринимается по-разному производителем светового оборудования наружной рекламы, журналистом — автором интернет-текстов с описанием освещения наружной рекламы, составителем интернет-текстов, включающих отзывы городской общественности об оформлении наружной рекламы. Максимальное использование терминов, их повторяемость в рамках небольшого по объему текста характерно для текстов, составленных производителями светового оборудования наружной рекламы. Более развернутые описания, многообразие используемых языковых средств отличает тексты журналистов, специализирующихся на написании статей по светодизайну для специализированных интернет-изданий. Образность и метафоричность присущи текстам по описанию освещения наружной рекламы, созданных составителями интернет-текстов, включающих отзывы городской общественности об оформлении наружной рекламы. Важно понять, что при системном анализе исследование ситуации или явления должно проводиться вначале от целого к его частям, а затем от частей к целому.

Список источников

1. Белова Е. М. Автостопом по мозгу. — М. : Бомбора, 2022. — 352 с.
2. Большой немецко-русский словарь = Das grosse Deutsch-Russische Wörterbuch : в 3 т. / под рук. О. И. Москальской ; [авт.-сост. Е. И. Лепинг [и др.]]. — 8-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 2002. — Т. 1 : А — К. — 2002. — 760 с. Т. 2 : L — Z. — 2002. — 680 с.
3. Карпенко П. П., Селезнев А. В., Пелогейко А. В. [и др.]. Основы системного анализа // Столыпинский вестник. — 2022. — № 4. — С. 1992–2003. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-sistemnogo-analiza> (дата обращения: 20.11.2023).
4. Княжева Е. А. О некоторых возможностях использования методов системного анализа в целях оценки качества перевода // Вестник ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2015. — № 3. — С. 113–119. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-vozmozhnostyah-ispolzovaniya-metodov-sistemnogo-analiza-v-tselyah-otsenki-kachestva-perevoda> (дата обращения: 18.11.2022).
5. Княжева Е. А., Пирко Е. А. Оценка качества перевода в русле методологии системного анализа // Вестник ВГУ. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2013. — № 1. — С. 145–151. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-perevoda-v-rusle-metodologii-sistemnogo-analiza> (дата обращения: 17.11.2023).
6. Лампа Эксперт : сайт компании. — URL : <https://lampalexpert.ru/osveschenie/vidy> (дата обращения: 20.07.2023).
7. Мельников Г. П. Системный подход в лингвистике // Системные исследования : ежегодник 1972. — М. : Наука, 1973. — С. 183–204. — URL : <http://www.philologos.narod.ru/melnikov/systmet.htm> (дата обращения: 17.11.2023).
8. Мокрецова Л. О., Ефименко С. М., Головкина В. Б. Реализация компетентностного подхода в процессе подготовки магистров по направлению «Дизайн света пространственной среды» // Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. — 2015. — № 6 (15). — С. 59–67.
9. Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований. — М. : ИНИОН РАН, 2017. — 86 с.
10. Новосельцев П. П. Измерительные системы технического цветоведения // Мир измерений. — 2012. — № 10. — С. 3–10.
11. Словарь терминов наружной рекламы // Реклама Медиа : сайт компании. — URL : <https://reklamamedia.ru/slovar-terminov-naruzhnoy-reklamy> (дата обращения: 20.07.2023).

12. Харченко В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. — М. : Либроком, 2012. — 216 с.
13. Die Tageszeitung. — 2021. — Jun., 03. — Stadt ohne Werbung ; Jun., 12. — Ein Recht auf Nicht-Information ; 2022. — Apr., 26. — Reklame raus. — URL : <https://taz.de/> (дата обращения: 20.07.2023).
14. Digital Signage // st-vitrinen. — URL : <https://www.st-vitrinen.de/produkte/digital-signage/outdoor-monitore/> (дата обращения : 20.07.2023).
15. Digital Signage // Polymedia . — URL : <https://www.polymedia.ru/sistemnaya-integratsiya/digital-signage/> (дата обращения: 20.07.2023).
16. guttenberger setzt Markeninszenierung für FIT/ONE um // guttenberger+partner GmbH : сайт компании. — URL : <https://www.guttenberger-partner.com/presse-medien/pressebereich/fit-one/> (дата обращения: 20.07.2023).
17. Hanisch M. Tobias Krüger Geschäftsführender Gesellschafter der nmd — Licht am Bau GmbH // Licht. — 2016. — Jun., 16. — URL : <https://lichtnet.de/news/2016/06/10/tobias-krueger-geschaeftsfuehrender-gesellschafter-der-nmd-licht-am-bau-gmbh/> (дата обращения: 20.07.2023).
18. Howes D. The Sensory Studies Manifesto: Tracking the Sensorial Revolution in the Arts and Human Sciences. — Toronto : University of Toronto Press, 2022. — 282 p.
19. Leuchtkästen // Altay Werbung GmbH. — URL : <https://altay-werbung.de/leuchtkaesten/> (дата обращения: 20.07.2023).
20. Licht für Parkplatz, Fassade und Eingang // Licht.wissen. — 06. — S. 10. — URL : https://www.licht.de/fileadmin/Publikationen_Downloads/Lichtwissen06_Shopbeleuchtung.pdf (дата обращения: 20.07.2023).
21. Rückleuchter // Dresden Design. — URL : <https://dresden-design.de/leistungen/leuchtbuchstaben/rueckleuchter> (дата обращения: 20.07.2023).
22. The Oxford English dictionary : in 20 vol. / Prep. by J. A. Simpson, E. S. C. Weiner. — 2^d ed. — Oxford : Clarendon Press, 2000. — Vol. 8 : Interval — Looie. — VIII, 1141 p.

References

1. Belova E. M. *Avtostopom po mozgu* [Hitchhiking through the brain]. Moscow, Bombora Publ., 2022, 352 p. (In Russian).
2. *Bolshoi nemetsko-russky slovar = Das grosse Deutch-Russische Wörterbuch: v 3 t.* [Big German-Russian Dictionary: in 3 vols.]. Under O. I. Moskalskaya; [author-comp. E. I. Leping [et al.]. 8th ed. Moscow, Russian language Publ., 2002, vol. 1: A — K, 2002, 760 p.; vol. 2: L — Z, 2002, 680 p. (In Russian).
3. Karpenko P. P., Seleznev A. V., Pelogeiko A. V. [et al.]. Fundamentals of system analysis. *Stolypinskiy vestnik* [Stolypin Bulletin]. 2022, no. 4, pp. 1992–2003. Available at : <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-sistemnogo-analiza> (accessed 20.11.2023). (In Russian).
4. Knyazheva E. A. About some possibilities of using the methods of system analysis in order to assess the quality of translation. *Vestnik VSU. Ser. "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Bulletin of Voronezh State University. Ser. "Linguistics and Intercultural Communication"]. 2015, no. 3, pp. 113–119. (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-vozmozhnostyah-ispolzovaniya-metodov-sistemnogo-analiza-v-tselyah-otsenki-kachestva-perevoda> (accessed 18.11.2022). (In Russian).
5. Knyazheva E. A., Pirko E. A. Evaluation of translation quality in the context of the methodology of system analysis. *Vestnik VSU. Ser. "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Bulletin of Voronezh State University. Ser. "Linguistics and intercultural communication"]. 2013, no. 1, pp. 145–151. (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-perevoda-v-rusle-metodologii-sistemnogo-analiza> (accessed 17.11.2023). (In Russian).
6. *Lampa Ekspert: sayt kompanii* [Lamp Expert: company website]. Available at: <https://lampaexpert.ru/osveschenie/vidy> (accessed 20.07.2023). (In Russian).
7. Melnikov G. P. System approach in linguistics. *Sistemnye issledovaniya: yezhegodnik 1972* [System Studies: yearbook 1972]. Moscow, Nauka Publ., 1973. pp. 183–204. Available at : <http://www.philologos.narod.ru/melnikov/systmet.htm> (accessed 17.11.2023). (In Russian).
8. Mokretsova L. O., Efimenko S. M., Golovkina V. B. Realisation of the competence approach in the process of Master's degree training in the field of "Spatial environment light design". *Nauka 21 veka: voprosy, gipotezy, otvety* [Science of the 21 century: questions, hypotheses, answers]. 2015, no. 6 (15), pp. 59–67. (In Russian).
9. Nagornaya A. V. *Lingvosensorika kak perspektivnoye napravleniye sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy* [Linguosensorics as a promising direction of modern linguistic research]. Moscow, INION RAN Publ., 2017, 86 p. (In Russian).

10. Novoseltsev P. P. Measuring systems of technical colour science. *Mir izmereny* [Measurement World]. 2012, no. 10, pp. 3–10. (In Russian).
11. Dictionary of outdoor advertising terms. *Reklama Media: sayt kompanii* [Reklama Media: company website]. Available at: <https://reklama-media.ru/slovar-terminov-naruzhnoy-reklamy> (accessed 20.07.2023). (In Russian).
12. Kharchenko V. K. *Lingvosensorika: fundamentalnye i prikladnye aspekty* [Linguosensorics: Fundamental and applied aspects]. Moscow, Librocom Publ., 2012, 216 p. (In Russian).
13. *Die Tageszeitung*. 2021, Jun., 03, Stadt ohne Werbung; Jun., 12, Ein Recht auf Nicht-Information; 2022, Apr., 26, Reklame raus. Available at: <https://taz.de/> (accessed 20.07.2023). (In German).
14. Digital Signage. *Polymedia*. Available at: <https://www.polymedia.ru/sistemnaya-integratsiya/digital-signage/> (accessed 20.07.2023). (In German).
15. Digital Signage. *st-vitrinen*. Available at: <https://www.st-vitrinen.de/produkte/digital-signage/outdoor-monitore/> (accessed 20.07.2023). (In German).
16. guttenberger setzt Markeninszenierung für FIT/ONE um. *guttenberger+partner GmbH*. Available at: <https://www.guttenberger-partner.com/presse-medien/pressebereich/fit-one/> (accessed 20.07.2023). (In German).
17. Hanisch M. Tobias Krüger Geschäftsführender Gesellschafter der nmd — Licht am Bau GmbH. *Licht*. 2016, Jun., 16. Available at: <https://lichtnet.de/news/2016/06/10/tobias-krueger-geschaeftsfuehrender-gesellschafter-der-nmd-licht-am-bau-gmbh/> (accessed 20.07.2023). (In German).
18. Howes D. *The Sensory Studies Manifesto: Tracking the Sensorial Revolution in the Arts and Human Sciences*. Toronto, University of Toronto Press, 2022, 282 p.
19. Leuchtkästen. *Altay Werbung GmbH*. Available at: <https://altay-werbung.de/leuchtkaesten/> (accessed 20.07.2023). (In German).
20. Licht für Parkplatz, Fassade und Eingang. *Licht.wissen*. 06, S. 10. Available at: https://www.licht.de/fileadmin/Publikationen_Downloads/Lichtwissen06_Shopbeleuchtung.pdf (accessed 20.07.2023). (In German).
21. Rückleuchter. *Dresden Design*. Available at: <https://dresden-design.de/leistungen/leuchtbuchstaben/rueckleuchter> (accessed 20.07.2023). (In German).
22. *The Oxford English dictionary: in 20 vols*. Prep. by J. A. Simpson, E. S. C. Weiner. 2^d ed. Oxford, Clarendon Press, 2000, vol. 8: Interval — Looie, VIII, 1141 p.

Информация об авторах

Поликарпов Александр Михайлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

Шепурёва Ольга Александровна — аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

Information about the authors

Polikarpov, Aleksandr — doctor of philological sciences, professor, head of the Department of Translation and Applied Linguistics, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.

Shepureva, Olga — postgraduate student, Department of Translation and Applied Linguistics, Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2024;
одобрена после рецензирования 15.02.2024;
принята к публикации 15.02.2024.*

*Submitted 11.01.2024;
approved after receiving 15.02.2024;
accepted for publication 15.02.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 52–57.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):52–57.

Научная статья
УДК 81'373
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.006

Фразеологическая система русского и китайского языков в парадигме количественных характеристик

Сюэ Бохао

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия
xuebohao1997@yandex.ru

Аннотация. В данном исследовании предлагается сравнительно-сопоставительный анализ русских и китайских фразеологических единиц, выражающих неопределенное количество. Квазимеры цифрового кода русской и китайской фразеологии, обозначающие неопределенно большое и неопределенно малое количество, имеют уникальные характеристики (часто выражающиеся через этнореалии) и в то же время репрезентируют во многом сходные ценностные ориентиры. Китайская фразеология количественного характера показывает уникальные и универсальные качественные характеристики упорядоченных представлений о мире и человеке, обнаруживает включенность китайской лингвокультуры в общечеловеческую ценностную парадигму. Неопределенное количество в русской фразеологии не только характеризует непосредственно цифровой код русского народа, но и позволяет говорить о качественных характеристиках ценностной парадигмы, а также иллюстрирует отдельные стереотипы мировосприятия.

Ключевые слова: китайские и русские фразеологические единицы с компонентами, выражающими количество, квазимеры, национальные ценности.

Для цитирования: Сюэ Бохао. Фразеологическая система русского и китайского языков в парадигме количественных характеристик // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1(68). С. 52–57. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.006.

Original article

Phraseological system of Russian and Chinese languages in the paradigm of quantitative characteristics

Xue Bohao

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
xuebohao1997@yandex.ru

Abstract. This study offers a comparative analysis of Russian and Chinese phraseological units expressing an indefinite quantity. Quasi-dimensions of the digital code of Russian and Chinese phraseology, denoting an indefinitely large and an indefinitely small quantity, have unique characteristics (often expressed through ethnorealities), and at the same time represent largely similar value guidelines. Chinese phraseology of a quantitative nature shows unique and universal qualitative characteristics of ordered ideas about the world and man, and reveals the inclusion of Chinese linguistic culture in the universal value paradigm. An indefinite quantity in Russian phraseology not only directly characterizes the digital code of the Russian people, but also allows us to talk about the qualitative characteristics of the value paradigm, and also illustrate certain stereotypes of worldview.

Keywords: Chinese and Russian phraseological units with components expressing quantity, quasi-measures, national values.

For citation: Xue Bohao. Phraseological system of Russian and Chinese languages in the paradigm of quantitative characteristics. *Inostrannye yazyki v vyshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 52–57. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.006.

Введение

Фразеологический фонд языка включает в себе ядро национальной ценностной парадигмы, отражая морально-нравственные доминанты самосознания народа. Одновременно разные типы устойчивых единиц (поговорки, пословицы, приметы, загадки, идиомы) демонстрируют вовлеченность нации в общемировое культурно-историческое пространство, репрезентируя общечеловеческие универсальные ценностные ориентиры [Ломакина, 2021]. Например, известная русская фразеологическая единица (ФЕ) *один как перст* имеет фразеологические синонимы практически во всех европейских языках, а также в китайском.

Количественные характеристики в системе языка важны не только как показатель числовых параметров, но и как отражение цифрового кода цивилизаций. Ю. С. Степанов в работе «Константы: словарь русской культуры» указывает, что цифры, числа являются «сгустком культуры» в сознании человека [Степанов, 1997]. Цифровой код уникален для различных лингвокультур. Символика числа неодинакова у различных народов и этнических групп [Бредис, Ломакина, Борисова, Лазарева 2022]. Г. В. Токарев в «Кратком словаре русских лингвокультурных единиц», используя предложенную В. Н. Телия идею «промежуточной лингвокультурной системы» и применяя термины «квазиэталон», «квазисимвол» и «квазимера», относит к системе квазимер цифровую символику нации. Он полагает, что «единицы, избранные культурой, формируют особую, лингвокультурную систему». Квазимера (обыденная мера), по утверждению Г. В. Токарева, — «лингвокультурная единица, отражающая ненаучные представления об измерении действительности. Обыденная мера наиболее ярко демонстрирует разницу между наивной и научной картиной мира. Окружающую действительность научно человек измеряет в метрах, литрах, килограммах, часах и др. Древние единицы измерения были более прагматичными, чем современные: они позволяли человеку мерить тем, чем он располагал всегда: пядь, локоть, сажень и др. Обыденные меры в науке называют квазимерами. Квазимеры — знаки, указывающие на наивные эталоны меры различных явлений действительности» [Токарев, 2020, с. 8].

Национальный цифровой код, по Г. В. Токареву, можно считать «обыденной мерой» (квазимерой). Рассмотрим наиболее значительные квазимеры цифрового кода русской и китайской фразеологии.

Основная часть

Методика и основание исследования

Основными методами исследования в данной работе стали: сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, метод концептуального анализа, метод анализа квазимер, предложенный Г. В. Токаревым.

Для анализа фразеологических систем русского и китайского языков с количественным значением (определенное количество) из авторской картотеки были отобраны: ФЕ русского языка (включено около 200 единиц); ФЕ китайского языка (включено свыше 150 единиц).

Этнокультурные различия и специфика русской «количественной» фразеологии рассматриваются в исследованиях Н. Ф. Алефиренко, В. Н. Телия, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, Д. О. Добровольского, В. А. Масловой и др. Фразеологическая система и русского, и китайского языков включает большое количество ФЕ с компонентами-нумеративами, а также с компонентами, обозначающими неопределенно большое или неопределенно малое количество. Неопределенно большое и неопределенно малое количество во фразеологических единицах может означать либо «абсолютно все», либо «абсолютно ничего»: *одного поля ягода, наврять с три короба, много-много, ни много ни мало, до последней капли, на всю катушку*. Приведем также примеры ФЕ китайского языка: 指不胜屈 ‘пальцев не хватит загнуть’ — на пальцах не пересчитать; неисчислимо множество; очень много; 形形色色 ‘много форм, много цветов’ — разнообразный, многообразный; различные по форме; 人浮于事 ‘людей больше, чем дел’ — много свободных рабочих рук; раздутые штаты [Готлиб, Му Хуаин].

Особый интерес в плане характеристики ФЕ со значением неопределенно большого и неопределенно малого количества (а также со значением «абсолютно все» и «абсолютно ничего») представляют единицы, обозначающие богатство / его отсутствие или количество денег.

В русской фразеологии несколько десятков подобных ФЕ. Отметим, что, помимо обозначения количества, данные фразеологизмы выражают качественные характеристики и имеют определенную стилистическую окраску. Сравним ФЕ, выражающие интенсивный признак отсутствия чего-либо (чаще денег, имущества): *абсолютная пустота, ни копейки, ни шиша, полный голяк, ни хрена, ни хрёна ни морковки, по нулям, ни черта, хоть шаром покати, ни гроша за душой, дырка от бублика, ни лысого беса, ни копыла ни дровины, дым да копоть* и пр. Обратимся к некоторым ФЕ подробнее.

В «Сталинской команде» Л. М. Кагановича находим такой пример употребления в речи фразеологизма *ни шиша*: «За что, за каким таким богатством вы тут готовы съесть друг друга, за дырявый карман, в котором *ни шиша нет?*» [Каганович, 1991].

В «Кратком словаре русских лингвокультурных единиц» Г. В. Токарева приводится показательный пример употребления ФЕ *дым да копоть*:

«ДЫМ ДА КОПОТЬ

Ничего нет. Неодобр. Уничиж.

Да что за тобой есть-то? *Дым да копоть!* Ему нужна невеста богатая, а не голь какая, прости господи! (И. Горбунов “Самодур”)» [Токарев, 2020, с. 117].

ФЕ *ни кола ни двора* употребляется в речи для обозначения крайней бедности. Исторически лексема *двор* имела значение «крестьянская усадьба, дом с хозяйственными постройками», лексическая единица *кол* обозначала количество пахотной земли «в две сажени величиной», при этом сажень — мера длины, равная 2 м 13 см. То есть в диахронии рассматриваемый фразеологизм обозначал конкретное количество отсутствующего имущества. Речь шла об отсутствии даже самого маленького надела пахотной земли и отсутствии дома, что было в крестьянском быту равно гибели от бедности.

«НИ КОПЫЛА НИ ДРОВИНЫ

1. Совсем ничего.

2. Копыл — короткий брус в полозьях саней, служащий опорой для кузова.

Бывало, проспится к обеду да урядником по деревне и идет, а лень-то раньше его родилась, уж до чего на печи долежал, что и на боках-то пролежни, а тараканов-то, поди, всех пересчитал, чисто счетовод, а у дому *ни копыла ни дровины* (В. Белов “Колоколёна” НКРЯ)» [Токарев, 2020, с. 121].

Приведенные ФЕ выражают абсолютное отсутствие какого-либо количества (финансов, имущества, денег), что в любом обществе воспринимается как отрицательная характеристика качества жизни человека. По этой причине данные фразеологизмы можно считать своеобразной количественной универсальной интерпретацией стереотипа человеческого представления о жизни.

Количественные характеристики в китайской фразеологии, связанные с малым количеством денег, репрезентируют неопределенно малое количество, что связывается с бедностью. Бедность хотя и не осуждается, но добродетелью не признается. Сравним: 现形容贫穷 ‘он беден’; 穷得像只老鼠 ‘беден, как мышь’; 赤贫: 穷得一无所有 ‘крайняя бедность: настолько бедна, что у нее ничего не осталось’; 家徒四壁 ‘в доме только четыре стены’ (аналоги: хоть шаром покати; полная нищета; гол как сокол; крайняя бедность; беден как церковная мышь); 囊空如洗 ‘в кармане пусто, как вымыто’ (аналоги: ни гроша в кармане; ни гроша за душой) [Готлиб, Му Хуаин].

Неопределенно большое количество в русской и китайской фразеологических системах зачастую связано с денежной квазимерой (обозначением большого количества денег, богатством). И в русской, и в китайской фразеологии большое количество денег не связывается напрямую со счастливой жизнью, однако богатство, значительное количество денег, имущества оказывается желательным; к достатку необходимо стремиться, поскольку он дает почет и уважение в обществе.

Приведем ряд примеров ФЕ со значением неопределенно большого количества: *до фига, до черта, до дури, ужас сколько, девать некуда, по горло, хоть пруд пруди, хоть косою коси, под завязку, сколько угодно, хоть отбавляй, не баран начихал, денег как грязи* и пр. Фразеологизмы выражают экспрессию и отношение говорящих к неопределенно большому количеству (имущества, денег), чаще ироническое, с оттенком пренебрежения.

Рассмотрим пример из «Краткого словаря русских лингвокультурных единиц» Г. В. Токарева:

«НЕ БАРАН НАЧИХАЛ

Очень много чего-либо. *Ирон.*

Хоть нынче и хорошо дело идет, восемь рук — это тебе *не баран начихал...* (В. Липатов “Деревенский детектив” НКРЯ)» [Токарев, 2020, с. 120].

Приведем пример употребления ФЕ *денег как грязи*: «Твои интервью и фотографии печатают ведущие газеты мира. *Денег — как грязи.* Ну, говори, чего тебе еще от меня надо?» [Дежнев, 2009].

В китайской фразеологии количество денег воспринимается как положительная характеристика качества жизни человека; при этом количественная репрезентация наличия/отсутствия денег дает возможность метафорически описать пороки и добродетели человека в китайской лингвокультуре.

Отметим, что в известном «Китайско-русском фразеологическом словаре» О. М. Готлиба и Му Хуаина зафиксировано свыше трех десятков ФЕ с определенно-количественной и неопределенно-количественной семантикой, связанной с деньгами. В словаре содержатся вполне нейтральные, даже с положительной стилистической окраской фразеологизмы о человеке, имеющем большое количество денег: 钱过北斗 ‘денег больше, чем звезд в Большой Медведице’; 余钱剩米 ‘иметь лишние деньги и рис’ (иметь много лишних денег). Русские соотносительные фразеологизмы — *денег как (что) фантиков, денег как грязи* (очень много).

В данных примерах следует обратить внимание на этнические особенности восприятия большого количества денег. В китайском языке это соотносится с большим количеством риса (возможностью купить много еды: в китайской культуре рис воспринимается как основа жизни, как в русской лингвокультуре хлеб); в русском языке идет сравнение с количеством фантиков (обертки) от конфет. Таким

образом, в китайской и русской фразеологии имеет большое значение коннотация этнических семантических приращений к значению ФЕ, важных для конкретной лингвокультурологической системы.

Приведем еще один пример этномаркированного образа в китайском фразеологизме о большом количестве денег: 一堆金玉 — ‘груда золота и нефрита’ (‘горы золота, яшма на яшме’) [Готлиб, Му Хуаин].

Ряд примеров ФЕ о большом количестве денег в русской и китайской фразеологии, которые имеют соотносительную стилистическую коннотацию и образную структуру: 疯狂的钱 ‘бешеные деньги’ (очень много денег); 不算钱 ‘не считать денег’ (тратить много денег, не считая); 比比皆是 ‘хоть пруд пруди, изобиловать’ [Готлиб, Му Хуаин].

Следует отметить, что большое количество денег ни в китайской, ни в русской фразеологии не ассоциируется со счастьем. Скорее, наоборот — в китайской фразеологии есть ФЕ (имплицитно выражающие неопределенно большое количество), в которых утверждается, что богатство приносит несчастье: 象齿焚身 ‘слона губят его бивни’ — богатство приносит несчастье; гибнуть из-за своей ценности [Готлиб, Му Хуаин].

В то же время и китайская, и русская фразеология фиксируют ФЕ, в которых осуждается неумение распоряжаться большими деньгами, неумение их тратить, что указывает на отрицательное отношение к необоснованному расточительству: 用钱如水 ‘деньги утекают сквозь пальцы’. Количественное значение в приведенном фразеологизме присутствует имплицитно.

Заключение

Квазимеры цифрового кода русской и китайской фразеологии, обозначающие неопределенно большое и неопределенно малое количество, имеют уникальные характеристики (часто выражающиеся через этнореалии) и в то же время репрезентируют во многом сходные ценностные ориентиры.

В целом следует обратить внимание на то, что ФЕ с количественными компонентами в русской фразеологии (неопределенное количество) демонстрируют некоторые уникальные семантические характеристики (о чем свидетельствуют компоненты, называющие этнореалии русской жизни) и вместе с тем соотносятся с универсальными общечеловеческими ценностями других этносов. Неопределенное количество в русской фразеологии не только характеризует непосредственно цифровой код русского народа, но и позволяет говорить о качественных характеристиках ценностной парадигмы, а также иллюстрирует отдельные стереотипы мировосприятия.

В китайской фразеологической системе ФЕ с количественным значением и количественными компонентами *много/мало* неопределенного количества играют важную роль, поскольку в них репрезентируется китайская картина мира и находят отражение этнокультурные особенности осмысления ценностной парадигмы народа. Неопределенное количество может быть выражено имплицитно и эксплицитно.

Во фразеосемантической группе «неопределенное количество» китайской фразеологии содержится значительное количество этномаркированных лингвокультурологических концептов. Во многих ФЕ обнаруживаются коннотации семантических приращений, демонстрирующих уникальность китайской национальной картины мира. Вместе с тем следует указать, что китайская фразеология количественного характера показывает универсальные качественные характеристики упорядоченных представлений о мире и человеке, обнаруживает включенность китайской лингвокультуры в общечеловеческую ценностную парадигму.

Список источников

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. — М. : Флинта, 2010. — 224 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка / [авт.-сост. И. С. Брилева [и др.]] ; отв. ред. В. Н. Телия. — М. : АСТ-Пресс, 2009. — 781 с.
3. Бредис М. А., Ломакина О. В., Борисова А. С., Лазарева О. В. Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. — 2022. — № 4. — С. 276–293. — DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
4. Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь : ок. 3 500 выражений. — 2-е изд., стер. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. — URL : <https://gotlib.ru/dict/> (дата обращения: 24.12.2023).
5. Дежнев Н. Принцип неопределенности. — 2009. — URL : <https://mir-knig.club/page-78-5655-nikolai-dezhnev-princip-neopredelennosti.html> (дата обращения: 15.12.2023).

6. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. — 1997. — № 6. — С. 37–48.
7. Каганович Л. М. Памятные записки. — 1991. — URL : <https://denliteraturi.ru/article/1815> (дата обращения: 14.12.2023).
8. Ломакина О. В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 3 (46). — С. 172–175.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. — М. : Академия, 2001. — 208 с.
10. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно маркированной семантикой в системе русской речи // Фразеология в контексте культуры. — М. : Языки рус. культуры, 1999. — С. 63–68.
11. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. — М. : Рус. яз., 1990. — 222 с.
12. Степанов Ю. С. Константы : слов. рус. культуры : опыт исслед. — М. : Языки рус. культуры, 1997. — 824 с.
13. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М. : Языки рус. культуры, 1996. — 284 с.
14. Токарев Г. В. Краткий словарь русских лингвокультурных единиц. — Тула : ТППО, 2020. — 273 с.
15. Токарев Г. В. Лингвокультурный символяр: квазисимволы. — Тула : ТППО, 2021 — 113 с.
16. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеолог. ед. — 3-е изд., испр. — М. : АСТ : Астрель, 2008.
17. Фразеологический словарь русского языка : [свыше 4 000 слов. ст.] / сост. Л. А. Войнова [и др.] ; под ред. А. И. Молоткова. — 5-е изд., стер. — СПб. : Вариант, 1994. — 543 с.
18. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : более 35 000 фразеолог. ед. : [в 2 т.] / сост. А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под ред. А. Н. Тихонова. — М. : Флинта : Наука, 2004.

References

1. Alefirenko N. F. *Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka: uchebnoe posobie* [Linguoculturology. The value-semantic space of language: a textbook]. Moscow, Flinta Publ., 2010, 224 p. (In Russian).
2. *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Large phraseological dictionary of the Russian language]. I. S. Brileva [et al.], ed. V. N. Telija. Moscow, AST-Press Publ., 2009, 781 p. (In Russian).
3. Bredis M. A., Lomakina O. V., Borisova A. S., Lazareva O. V. Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (against the background of a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *Novye issledovaniya Tuvy* [New studies of Tuva]. 2022, no. 4, pp. 276–293. (In Russian).
4. Gotlib O. M., Mu Huain. *Kitajsko-russkij frazeologicheskij slovar', ok. 3 500 vyrazhenij* [Chinese-Russian phraseological dictionary', ca. 3,500 expressions]. 2nd ed., ster. Irkutsk, Izd-vo IGU Publ., 2019. Available at: <https://gotlib.ru/dict/> (accessed 24.12.2023). (In Russian).
5. Dezhnev N. *Princip neopredelennosti* [The principle of uncertainty]. 2009. Available at: <https://mir-knig.club/page-78-5655-nikolai-dezhnev-princip-neopredelennosti.html> (accessed 15.12.2023). (In Russian).
6. Dobvol'skij D. O. National and cultural specificity in phraseology. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics]. 1997, no. 6, pp. 37–48. (In Russian).
7. Kaganovich L. M. *Pamjatnye zapiski* [Memoirs]. 1991. Available at: <https://denliteraturi.ru/article/1815> (accessed 14.12.2023). (In Russian).
8. Lomakina O. V. Conceptualization of universal human values in proverbs (based on the Russian, Uzbek and Tajik languages). *Kognitivnye issledovaniya jazyka* [Cognitive language research]. 2021, no. 3 (46), pp. 172–175. (In Russian).
9. Maslova V. A. *Lingvokul'turologija: ucheb. posobie* [Linguoculturology: Study guide]. Moscow, Academia Publ., 2001, 208 p. (In Russian).
10. Melerovich A. M., Mokienco V. M. Formation and functioning of phraseological units with culturally marked semantics in the Russian speech system. *Frazeologija v kontekste kul'tury* [Languages Russian culture]. Moscow, Jazyki rus. kul'tury Publ., 1999, pp. 63–68. (In Russian).
11. *Russkie frazeologizmy: lingvostranovedcheskij slovar'* [Russian phraseological units. Linguistic and regional dictionary]. Ed. by E. M. Vereshhagina, V. G. Kostomarov. Moscow, Rus. jaz. Publ., 1990, 222 p. (In Russian).
12. Stepanov Ju. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury: opyt issledovaniya* [Constants: words]. Moscow, Jazyki rus. kul'tury Publ., 1997, 824 p. (In Russian).

13. Telija V. N. *Russkaja frazeologija: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turolicheskiy aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and Linguocultural aspects]. Moscow, Jazyki rus. kul'tury Publ., 1996, 284 p. (In Russian).
14. Tokarev G. V. *Kratkij slovar' russkih lingvokul'turnyh edinic* [A short dictionary of Russian linguistic and cultural units]. Tula, TPPO Publ., 2020, 273 p. (In Russian).
15. Tokarev G. V. *Lingvokul'turnyj simbolarij: kvazisimvoly* [Linguistic and cultural symbolary: quasi-symbols]. Tula, TPPO Publ., 2021, 113 p. (In Russian).
16. Fedorov A. I. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka: ok. 13 000 frazeologicheskikh edinic* [Phraseological dictionary of the Russian literary language : approx. 13,000 phraseological units]. 3rd ed., correct. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2008. (In Russian).
17. *Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka: [svyshe 4 000 slovar. st.]* Phraseological dictionary of the Russian language: [over 4,000 words. art.]. Comp. L. A. Vojnova [et al.], ed. by A. I. Molotkov. 5th ed., ster. St. Petersburg, Variant Publ., 1994, 543 p. (In Russian).
18. *Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: bolee 35 000 frazeol. edinic: [v 2 t.]* [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language: more than 35,000 phraseological units: in 2 vols.]. Comp. A. V. Korol'kova, A. G. Lomov, A. N. Tihonov, ed. by A. N. Tihonov. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2004. (In Russian).

Информация об авторе

Сюзь Бохао — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Information about the author

Sue Bohao — postgraduate student, foreign languages department, philological faculty, Peoples' Friendship University of Russia, RUDN.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2024;
одобрена после рецензирования 01.02.2024;
принята к публикации 01.02.2024.*

*Submitted 15.01.2024;
approved after receiving 01.02.2024;
accepted for publication 01.02.2024.*

РАЗДЕЛ II

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 58–64.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):58–64.

Научная статья
УДК 81-26
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.007

Социальная норма конференционного перевода на русский язык в современных условиях

Ольга Валерьевна Евтушенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
o.evtushenko@linguanet.ru

Аннотация. Статья посвящена оценке адекватности перевода в ситуации расхождения переводческого узуса и норм переводящего языка. Отмечается, что с принятием поправок к закону «О государственном языке Российской Федерации» изменилась социальная норма перевода в сторону нулевой терпимости к маркерам чуждости. Таковыми отмечены грамматические, фразеологические, семантические кальки. Новизна исследования обеспечивается выявлением и описанием наиболее частотных видов расхождения переводческого узуса и норм русского литературного языка, при котором следование узусу вступает в противоречие с законом. Материалом исследования послужили устные и письменные тексты перевода в ООН. Для достижения целей исследования применялись описательный метод, методы сопоставительного, семантического и корпусного анализа, социолингвистический опрос. Сделан вывод о выполнимости требований социальной нормы в описанных случаях и предложены способы решения этой задачи.

Ключевые слова: социальная норма перевода, перевод в международных организациях, калька, персонификация, производный предлог, фразеологизм-конструкция, метонимия.

Для цитирования: Евтушенко О. В. Социальная норма конференционного перевода на русский язык в современных условиях // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1(68). С. 58–64. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.007.

Original article

Social norm of conference interpretation and translation into Russian in modern conditions

Olga V. Evtushenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
o.evtushenko@linguanet.ru

Abstract. The article is devoted to assessing the adequacy of translation in a situation of discrepancy between translation usage and the norms of the translating language. The author notes that after the adoption of amendments to the law *On the State Language of the Russian Federation* the social norm of translation changed towards zero tolerance for markers of foreignness. They manifest at the usage of grammatical, phraseological and semantic calques. The scientific novelty of the research consists in the identification and description of the most common types of discrepancies between translation usage and the norms of the Russian literary language, in which following the usage comes into conflicts with the law. The study material was simultaneous interpretation recordings and the UN verbatim reports in Russian. The main research methods were comparative, semantic and corpus analysis, descriptive method, sociolinguistic survey. The author concludes that the requirements of the social norm are feasible in the described cases.

Keywords: social norm of translation, interpretation and translation in international organizations, calque, personification, derivative preposition, constructional phrasemes, metonymy.

For citation: Evtushenko O. V. Social norm of conference interpretation and translation into Russian in modern conditions. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 58–64. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.007.

© Евтушенко О. В., 2024

Введение

Оценочная шкала, с которой общество подходит к переводу, то есть социальная норма перевода [Швейцер, 1988, с. 19], формируется конкретными национально-историческими условиями [Княжева, 2018, с. 45]. Российское общество — условный коллективный потребитель перевода на русский язык — вступило в особый этап, который можно охарактеризовать как переход от активного сближения с языками глобального мира к пуризму. Новые условия потребуют коррекции переводческих стратегий в сторону минимальной терпимости к маркерам языковой чуждости в переводном тексте. Высшая школа должна быть готова удовлетворить новый социальный запрос.

Рассмотрим сложившуюся ситуацию детальнее, оттолкнувшись от понимания адекватности перевода. Адекватность определяется В. Н. Комиссаровым не только как эквивалентность переводного текста исходному, его соответствие жанрово-стилистическим стандартам, конвенциональной норме, но и как качественное языковое оформление, в том числе соблюдение нормы или узуса переводящего языка [Комиссаров, 2017, с. 148]. На протяжении последних 30 лет наблюдалось сближение английского и других международных языков, включая русский, что воспринималось обществом как дань глобализации. Большинство переводческих решений воплощали искреннее желание обогатить русский язык новыми понятиями и возможностями. Однако по прошествии лет стало ясно, что система русского языка проявляет ригидность к англоязычным калькам. В результате в русском языке накопилось немало узуальных, воспроизводимых переводческим сообществом единиц, которые в своей семантике, сочетаемости, грамматических формах сохраняют следы английского языка, и эти компоненты мешают им встроиться в систему русского языка, а следовательно, они обречены оставаться за пределами нормы. Все эти годы переводчики оказывались перед необходимостью выбирать, чему следовать: узусу или норме. Проиллюстрируем эти ножницы примерами.

В результате сближения языков на площадках международных организаций, в интернете, в СМИ, на научных форумах расширилось употребление кальки с английского *welcome*. Из официальной коммуникации она была перенесена в повседневное общение, уже безотносительно к переводу. В доказательство можно привести объявление перед началом спектакля в Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского: *Просим отключить мобильные телефоны и приветствуем ваше понимание*. Однако 40 из 50 опрошенных нами носителей русского языка отрицательно оценили такой новояз, и это не могут не учитывать составители нормативных словарей. Сочетания *приветствовать итоги*, *приветствовать план* узуальны в переводах, но не нормативны.

Перенос некоторых активных грамматических явлений из английского языка в русский запустил внутрисистемные изменения. В качестве примера можно привести образование формы множественного числа у отвлеченных имен существительных. До недавнего времени развитие множественного числа у единиц данной группы было сопряжено с появлением нового лексического значения, в частности слово *бизнес*, понимавшееся в единственном числе как «самостоятельная предпринимательская деятельность; занятие, приносящее постоянный доход, прибыль», во множественном числе приобрело значение «о коммерческом предприятии», причем сфера его распространения была ограничена общением финансистов [Большой толковый словарь ... , 2004]. Сейчас вслед за английским языком отвлеченные существительные стали использоваться во множественном числе для передачи смыслов «разновидности», «повторяемость» и прочих [Ляшевская, 2004], например: *активности*, *озабоченности*, *коммуникации* (в значении «многократный обмен мнениями и информацией»). Несмотря на то, что кодификаторы не рекомендуют использовать подобные грамматические кальки [Активности], в Национальном корпусе русского языка [Национальный корпус русского языка] случаи их употребления насчитываются десятками. Показательно, что представители переводческого сообщества в беседах с автором статьи не раз критически отзывались об этих новшествах. Можно прогнозировать, что, если переводчики будут понимать адекватность так, как ее понимает К. Норд, то есть будут следовать принципам профессиональной этики, в том числе и по отношению к переводящему языку [Nord, 2006], они должны будут избегать использования этих форм.

Как бы то ни было, в последние годы объем подобных чужеродных вкраплений достиг психологического максимума, что привело к корректировке государственной языковой политики в отношении интегративных процессов. В феврале 2023 года были внесены изменения в федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», расширяющие сферы его действия без исключения из них переводных текстов и определяющие механизмы применения. Законом не допускается «употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка» [О внесении изменений ...]. Это означает, что не только отдельные слова, но и грамматические

кальки, передающие те смыслы, для выражения которых имеются необходимые средства русского языка, оказываются вне закона. Такая же участь уготована и новшествам, выходящим за пределы системы русского языка, даже если они ведут к уточнению смысла и кажутся полезными, как в случае с *активностями, озабоченностями, коммуникациями* и подобными. Законом определено, что юридическим инструментом установления соответствия того или иного слова или выражения правовым нормам станут специально подготовленные к 2025 году словари и справочники. Однако мы не уверены, что в них получат отражение те специфические отклонения от нормы, которые возникают в процессе перевода. Цель нашей статьи — заполнить эту лагуну. Мы выявили и систематизировали наиболее распространенные виды грамматических, фразеологических и семантических калек, возникающих при переводе на русский язык с языков международных организаций, и подобрали типичные способы устранения «маркеров чуждости», то есть достижения такого качества перевода, при котором он будет восприниматься как оригинал.

Основная часть

Материал и методы исследования

Материалом нашего исследования послужили устные и письменные тексты перевода на русский язык, выполненные в ООН персоналом службы перевода, фрилансерами и студентами-стажерами за период с 2019 по 2023 год. Записи синхронного перевода и общедоступные документы были взяты нами с сайта ООН [Глава ООН рассказал о приоритетах ...]. Кроме того, были использованы материалы редакционной правки переводов, предоставленные нам Русской секцией Службы стенографических отчетов ООН, а также личные записи автора, сделанные в кабине синхронного перевода во время стажировки в ООН студентов Московского государственного лингвистического университета. Для достижения целей исследования использовались описательный метод, методы сопоставительного, семантического и корпусного анализа, социолингвистический опрос.

Обсуждение результатов

1. Маркеры чуждости в структуре предложения

При переводе на русский язык текстов, обеспечивающих деятельность ООН, нередко воспроизводится чуждая русскому языку синтаксическая структура с подлежащим (агентом), в роли которого выступает неодушевленное имя существительное, и сказуемым, в состав которого входит акциональный глагол, в результате чего возникает не оправданная коммуникативным заданием персонификация, например: *Малые спутники могут предоставить возможность космическим державам наращивать свой потенциал*. Такого рода буквализм приводит к недопустимому в юридическом и дипломатическом дискурсах комическому эффекту. Преодолевается эта девиация путем изменения падежной формы первого слова, а следовательно, и семантических ролей в структуре предложения: *Благодаря малым спутникам космические державы смогут (или получают возможность) наращивать свой потенциал*. Для синхронного перевода важно, что удлинение фразы за счет производного предлога (*благодаря*) может быть компенсировано отказом от расщепленной конструкции — *смогут* вместо *получают возможность*. Важно также, что порядок слов останется близким к исходному. Трудным для синхрониста будет лишь выбор падежа для первого слова. Однако, если переводчик приучен ждать сказуемого, он сможет распознать риск персонификации.

При подготовке переводчиков в высшей школе целесообразно предложить на занятиях сравнить две версии перевода (например, *Последний доклад возлагает ответственность за применение химического оружия на ИГИЛ* и *В последнем докладе ответственность за применение химического оружия возлагается на ИГИЛ*) и выбрать из них ту, которая больше похожа на оригинал. Наш опыт показывает, что непреднамеренная персонификация распознается безошибочно, а значит, может быть отнесена к ярким проявлениям чуждости.

Следует уточнить, что в роли агенса в русском языке может выступать неодушевленное существительное, если оно имеет узуальное метонимическое значение «организация вместо членов этой организации», например, *Суд постановил...* [Авдевина, Девяткина, 2019]; *Редакция ответила...* Если метонимический сдвиг не зафиксирован в словаре, использование слова в роли агенса будет калькой: *Офис спецпосланника ООН налаживает контакты со сторонами конфликта*.

Другим ярким маркером чуждости можно считать сказуемое *иметь*. Переводчики знают, что оно не характерно для русского языка, и стараются замаскировать его, употребляя более высокие по стилю синонимы: *Бразилия обладает крупнейшим в мире населением африканского происхождения*.

Такой прием делает маркер чуждости неярким, но не избавляет перевод от него полностью. Для того чтобы приблизить перевод к оригиналу, нужно изменить структуру предложения, заменив именительный падеж первого слова косвенным падежом. При такой трансформации изменится и сказуемое: *В Бразилии проживает наибольшее в мире число лиц африканского происхождения*. Правда, здесь нужно специально оговорить, что к фразеологическим оборотам, в состав которых входит *иметь* или его производные, никакие трансформации и замены не применяются. В предложении *Внимание Совбеза не произвело результатов на местах* нарушена норма, поскольку переводчик заменил компонент в сказуемом, выраженным устойчивым словосочетанием *не возымело результата*, что недопустимо.

2. Чужое в структуре словосочетания

Перевод сразу же узнается потребителем по неуместному использованию ряда производных предлогов: *в свете, в сфере, в контексте, на фоне* и других, обеспечивающих оформление связей между признаковыми и (или) абстрактными словами. По мере развития абстрактного мышления разнообразие таких скреп растет и возможности их употребления расширяются, в том числе за счет калькирования из других языков.

Предлог *в свете* известен русскому языку уже более столетия, однако он употребляется не так широко, как его английский эквивалент *in the light of*, поскольку для выражения значения «с точки зрения чего-л., в соответствии с чем-л.» [Большой толковый словарь ... , 2004] чаще используется исконный предлог *с учетом* или другие контекстуальные аналоги, в частности *по причине*. Так, высказывание *Мы намерены продолжать свою работу в свете научного и технического прогресса* воспринимается как неузвальное — носитель языка выбрал бы другие средства связи: ... *с учетом научного и технического прогресса*.

Предлог *в сфере* тоже употребляется слишком широко — перед качественными характеристиками, обозначениями процессов или групп объектов, которые не воспринимаются носителями русского языка как сфера или область, например: *Нельзя допустить окончательной деградации ситуации в сфере стратегической стабильности*. Здесь лучше использовать предлог *в плане*. В другом контексте — *Нам необходимы договоренности в сфере регистрации информации* — следовало бы употребить предлог *по поводу*. Не спасает ситуацию и замена предлога с заимствованной производящей основой *сфера* синонимом с исконной основой — *в области*: *Мы добились прогресса при выполнении деятельности в области малых спутников*. Здесь предложное словосочетание лучше заменить причастным оборотом: *Мы добились прогресса в осуществлении деятельности, связанной с малыми спутниками*. Наконец, нельзя забывать о том, что имя, застывшее в форме производного предлога, продолжает просвечивать и может вступать в сочетание не с каждым глаголом. Так, перевод *Наш фонд активно участвовал в сфере космической деятельности* нельзя назвать адекватным, поскольку сочетание *участвовать в сфере* не соответствует ни норме, ни узусу. Здесь следовало бы перевести *Наш фонд активно финансировал космическую деятельность*. Как мы видим, предлог *в сфере* является универсальной скрепой, облегчающей работу переводчиков, особенно синхронистов, но в целом ряде контекстов он ярко маркирован как инородный. Несмотря на то что нельзя посоветовать не только единого средства, но и единого способа его замены (другим предлогом, причастным оборотом), адекватный перевод требует отказа от узувальных решений и следования норме.

Сказанное относится и к предлогам *в контексте* и *на фоне*. Не каждое присоединяемое ими слово несет в себе смысловой компонент «событийный фон». Так, *инвестиции* в высказываниях на русском языке не дефокусируются и не превращаются в фоновый процесс, а потому предложение *Это особенно важно для развивающихся экономик в контексте инвестиций* воспринимается как калька. Для передачи заложенных в нем пропозициональных отношений предназначен исконный предлог *с учетом*. К сожалению, обучающимся переводу нельзя порекомендовать универсальный способ ухода от предлогов *в контексте* и *на фоне*. Если мы обратимся к предложению *Нужна информация о том, как все это будет учитываться на фоне потребностей стран*, то его придется трансформировать, чтобы обеспечить связность без использования предлога *на фоне*: *Нужна информация о том, как в этой ситуации будут учитываться потребности стран*. Отказ от заимствованного предлога может быть продиктован не семантическими, а правовыми причинами. Так, в адекватном в смысловом отношении переводе *Необходимо осуждение проявлений расизма и ксенофобии в контексте борьбы с инфекцией* замена предлога объясняется наличием исконно русского аналога *в условиях*, а значит, невозможностью использования заимствованной единицы по закону «О государственном языке Российской Федерации».

3. Признаки инаковости в употреблении слов и устойчивых словосочетаний

Перевод семантических универсалий труден тем, что при всей примитивности и общности для разных народов соответствующего смысла он получает разное лексическое оформление на поверхностном языковом уровне. Так, выделяемый А. Вежбицкой семантический примитив *be (somewhere)*

[Wierzbicka, 2021, с. 326], независимо от его воплощения в английском высказывании, синхронисты в условиях нехватки времени облачают в русский глагол *находиться*, например: *Этот запрет находится в новом законе; Эти договоры находятся на сайте Управления*. Однако такое упрощение воспринимается носителями языка как нарушение лексической сочетаемости: каждый из этих случаев требует глагола с более специализированным значением: *содержатся в законе, размещены на сайте*.

Общеизвестно, что в английском языке метонимия развита сильнее, чем в русском. Следствие этого мы разбирали выше, когда речь шла о персонификации. На уровне слова отсутствие соответствующих метонимических значений проявляется в ощущении неполноты высказывания или нарушении грамматической сочетаемости: *Проведены обсуждения по космическому движению* (нормативно *Проведено обсуждение вопросов космического движения*). В русском языке значение имени существительного *обсуждение* тождественно значению мотивирующего глагола *обсудить* [Большой толковый словарь ... , 2004], оно не имеет самостоятельного значения «жанр коллективного рассмотрения вопроса». В случае с семантическими кальками можно ожидать, что они рано или поздно приживутся и обогатят русский язык, в частности позволят различать *дискуссию* и *обсуждение* как формы коммуникации с большей и меньшей степенью расхождения точек зрения. Однако предугадать успешный исход невозможно: за много лет существования в русском языке семантические кальки *вызов, приверженность, устойчивый* в значении «неистощительный» так и не избавились от маркированности по признаку чуждости.

Еще один вид кальки — использование фразеологизма-конструкции [Dobrovol'skiĭ, 2011, p. 114] вместо узуального наречия образа действия. Речь идет о воспроизводимых моделях с переменными, вербализуемыми в зависимости от контекста — Adj + *образом*, *в* + Adj + *духе* и подобных, например: *Мы продолжим сотрудничать устойчивым образом* вместо *Мы продолжим тесно сотрудничать*, или *Необходимо использовать космос в устойчивом духе* вместо *Необходимо неистощительно использовать космос*. Никакой стилистической или жанровой необходимости в замене наречий фразеологизмами-конструкциями нет, это всего лишь калька с английского языка. Если оценивать качество перевода с такими вкраплениями с точки зрения «возможных последствий» для принимающего языка «в долгосрочной перспективе» [Княжева, 2018, с. 62], то следует признать, что более короткие и разнообразные по своей внутренней форме русские наречия рискуют со временем оказаться вытесненными непрозрачными в смысловом отношении, автоматически воспроизводимыми оборотами, и это приведет к стандартизации и упрощению русского языка. Такой перевод не отвечает не только принципам адекватности, но и букве закона.

Заключение

В условиях отказа от интеграционной языковой стратегии и усиления юридической защиты русского языка от неоправданных заимствований меняется и социальная норма перевода. Снижается терпимость получателей к калькам, имеющим русский аналог. В новых условиях особое внимание должно быть уделено способам преодоления асимметрии языков, в особенности тем их видам, которые вошли в практику перевода как компромиссные, то есть экономящие усилия переводчиков, но не соответствующие системе и (или) норме русского языка.

Мы выделили наиболее частотные виды несовпадения переводческой практики и нормы переводящего языка на синтаксическом, морфологическом, лексико-фразеологическом и семантическом уровнях. На грамматическом уровне к ним относятся персонификация, употребление связки *иметь*, неуместное использование заимствованных производных предлогов, образование множественного числа отвлеченных имен существительных для передачи грамматикализованных смыслов «разновидности», «повторяемость» и подобных. На лексико-фразеологическом уровне это отказ от однословных наименований (наречий образа действия) в пользу фразеологизмов-конструкций. На семантическом уровне это расширение сочетаемости слов за счет семантического калькирования. Для всех этих языковых форм предложены нормативные соответствия.

Опрос начинающих и опытных переводчиков, а также не связанных с этой профессией носителей русского языка показал, что бывают яркие и неяркие признаки чуждости. Это позволяет говорить о градуированности социальной нормы.

Практика применения закона «О государственном языке Российской Федерации» неизбежно выявит недостаточность нормативных словарей и справочников, составленных на основе анализа оригинальных текстов, и потребует специальных справочников для оценки соответствия переводов этому закону. Впрочем, добиваться качественного языкового оформления переводов лучше не запретами и штрафами, а повышением уровня образования и профессионального мастерства.

Список источников

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» : федер. закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ. — URL : <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028> (дата обращения: 29.10.2023).
2. Авдевина О. Ю., Девяткина В. В. Персонализация и деперсонализация в юридической речи // Русистика и компаративистика : сб. науч. тр. по филол. / гл. ред. С. А. Васильев. — М. : Книгодел, — 2019. — Вып. XIII. — С. 228–244. — DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.14.
3. Активности // Грамота. — URL : <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer/?s=активности> (дата обращения: 01.11.2023).
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2004. — 1534 с. — URL : <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=бизнес> (дата обращения: 05.11.2023).
5. Глава ООН рассказал о приоритетах работы всемирной организации в 2024 году // ООН. — URL : <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 28.10.2023).
6. Княжева Е. А. Оценка качества перевода: история, теория, практика. — М. : Флинта, 2018. — 248 с.
7. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — 3-е изд., стер. — М. : Р.Валент, 2017. — 408 с.
8. Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. — М. : Языки славян. культур, 2004. — 400 с.
9. Национальный корпус русского языка. — URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.11.2023).
10. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М. : Наука, 1988. — 280 с.
11. Dobrovol'skij D. Phraseologie und Konstruktionsgrammatik // Konstruktionsgrammatik III: Aktuelle Fragen und Lösungsansätze / A. Lasch, A. Ziem (Hrsg.). — Tübingen : Stauffenburg, 2011. — S. 111–130.
12. Nord C. Loyalty and Fidelity in Specialized Translation // *Arigos e comunicações: Confluências* — Revista de Tradição Científica e Técnica. — 2006. — № 4. — Pp. 29–41.
13. Wierzbicka A. “Semantic Primitives”, fifty years later // *Russian Journal of Linguistics*. — 2021. — Т. 25, № 2. — Pp. 317–342. — DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342>.

References

1. *O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 28.02.2023 № 52-FZ* [On amendments to the Federal Law “On the State Language of the Russian Federation” : feder. Law No. 52-FZ dated 02.28.2023]. Available at: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028> (accessed 29.10.2023). (In Russian).
2. Avdevnina O. Yu., Devyatkina V. V. Personalization and depersonalization in legal discourse. *Rusistika i komparativistika* [Russian Philology and Comparative Studies]. Vasil'ev S. A. (ed.). Moscow, Knigodel Publ., 2019, iss. 13, pp. 228–244. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.14. (In Russian).
3. Activities. *Gramota* [Gramota]. Available at: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer/?s=активности> (accessed 01.11.2023). (In Russian).
4. Unabridged explanatory Russian Dictionary. Chief ed. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 2004, 1534 p. Available at: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=бизнес> (accessed 05.11.2023). (In Russian).
5. The Head of UNO speaks about the priorities of the World Organization activities in 2024. *ООН* [The United Nations]. Available at: <https://www.un.org/ru/> (accessed 28.10.2023). (In Russian).
6. Knyazheva E. A. *Ocenka kachestva perevoda: istoriya, teoriya, praktika* [Translation quality assessment: history, theory, practice]. Moscow, Flinta Publ., 2018, 248 p. (In Russian).
7. Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Contemporary translation studies]. Moscow, R. Valent Publ., 2017, 408 p. (In Russian).
8. Lyashevskaya O. N. *Semantika russkogo chisla* [Semantics of the Russian numbers]. Moscow, The Languages of Slavonic Culture Publ., 2004, 400 p. (In Russian).
9. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The national corpus of the Russian language]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 01.11.2023). (In Russian).
10. Shvejcer A. D. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Theory of Translation: Status, Problems, Aspects]. Moscow, Science Publ., 1988, 280 p. (In Russian).
11. Dobrovol'skij D. Phraseology and Construction Grammar. *Construction Grammar III: Current Questions and Solutions*. A. Lasch, A. Ziem, (ed.). Tübingen, Stauffenburg, 2011, S. 111–130. (In German).
12. Nord C. Loyalty and Fidelity in Specialized Translation. *Arigos e comunicações: Confluências* — *Revista de Tradição Científica e Técnica*. 2006, no. 4, pp. 29–41.
13. Wierzbicka A. “Semantic Primitives”, fifty years later. *Russian Journal of Linguistics*. 2021, vol. 25, no. 2, pp. 317–342. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-317-342>.

Информация об авторе

Евтушенко Ольга Валерьевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и теории словесности переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета; почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Information about the author

Evtushenko, Olga — doctor of philology, associate professor, professor of Russian language department, Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University; honorary education worker of the Russian Federation.

*Статья поступила в редакцию 15.12.2023;
одобрена после рецензирования 25.12.2023;
принята к публикации 27.12.2023.*

*Submitted 15.12.2023;
approved after receiving 25.12.2023;
accepted for publication 27.12.2023.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 64–71.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):64–71.

Научная статья
УДК 82-31, 81-25
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.008

**Идейно-художественные особенности короткого рассказа
как фактор вариативности перевода
имплицированной информации**

Сергей Владимирович Лобанов

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
s.lobanov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. При переводе жанровой прозы, например детективного рассказа или рассказа с элементами детектива, крайне важно отнестись со всем возможным вниманием к «улика», ведущим к пониманию скрытой, подтекстовой информации — деталям экспозиции, взаимоотношениям героев, описанию конфликта. Перевод в этом случае должен обладать качествами не только художественной, но и информационной эквивалентности. В статье рассматриваются варианты перевода скрытой информации в рассказе Эдгара По *The Cask of Amontillado*, а именно вопрос о третьем, невидимом герое одной из сюжетных линий повествования. Идея, нравственный вывод рассказа зависят от признания или непризнания самого факта существования этого персонажа. Актуальность исследования обусловлена тем, что споры о природе этого героя ведутся в американском литературоведении уже десятки лет, а единое мнение отсутствует. В статье предпринимается попытка логизировать разные мнения, выразить свое и обосновать его. Проблема рассматривается посредством анализа различных переводов на разные языки. Такой подход применительно к этой конкретной задаче ранее не предпринимался и носит характер научной новизны. Выбранная тема также представляется удачной для демонстрации положительного ответа на вечный переводческий вопрос: «Нужно ли заново переводить уже переведенные тексты?».

Ключевые слова: перевод, Эдгар По, «Бочонок амонтильядо», американская литература, литературоведение, содержательно-подтекстовая информация, сильная позиция, описательное придаточное предложение, местоимение, второе лицо.

Для цитирования: Лобанов С. В. Идейно-художественные особенности короткого рассказа как фактор вариативности перевода имплицированной информации // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1(68). С. 64–71. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.008.

Original article

Conceptual imagery in a short story as a factor to translating implicit information

Sergey V. Lobanov

Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
s.lobanov@365.rsu.edu.ru

Abstract. The short story *The Cask of Amontillado* by Edgar Allan Poe is argued to have more characters than the cast who are mentioned by name or anonymously on its pages. One referred to as “you” in the introductory lines of the narrative has been the center of literary critique for the past decades with little hope for a unanimous verdict concerning the nature of this fictitious entity. Its social standing and presumed occupation are important, though. On these depends, according to some scholars, the moral lesson to be drawn by the reader. This article looks into multilanguage translations of the story in search of the different approaches to handling the problem. The ten various renditions seem to hover over three incompatible concepts: those of a priest, of the reader and of the general public acquainted with Montresor, the nemesis. Although the issue of the “hidden character” has been extensively mooted, this article is presumed by its author to be an original attempt at unveiling an inventory of linguistic means to recreate in other tongues what was shaped in fiction by Poe.

Keywords: translation, Edgar Poe, *The Cask of Amontillado*, American literature, literary criticism, implicit information, non-defining clauses, pronouns, second person narrative, linguistic stylistics.

For citation: Lobanov S. V. Conceptual imagery in a short story as a factor to translating implicit information. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 64–71. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.008.

Обоснование проблемы, или «Тайна собеседника Черной маски»

Один из самых запоминающихся персонажей, созданных классиком жанра детектива и мистики, — коварный мститель Монтезор из короткого (2 350 слов), но насыщенного темами и аллюзиями провокативного рассказа Эдгара По *The Cask of Amontillado*. Опубликованный в ноябре 1846 года в журнале *Godey's Lady's Book*, рассказ инспирирован событиями, получившими название *War of the Literati* — серией скандальных и колких взаимных выпадов Эдгара По, Томаса Инглиша и еще нескольких литераторов и поэтов. Упомянутая литературная баталия получила печатное оформление в виде статей, выходящих в североамериканской периодике большей частью в 1846 году; к ней же можно отнести достаточно крупные повести Инглиша, напечатанные как до, так и после *The Cask of Amontillado*. Суть скандала очень хорошо исследована в американском литературоведении [Dedmond, 1954] и не является предметом этой статьи, поэтому ограничимся лишь упоминанием *War of the Literati* как необходимого контекста, без которого теряется происхождение и суть главной темы рассказа — темы мести. В жизни Эдгар По отомстил своему обидчику, Инглишу, взыскав с его издателя финансовую компенсацию. Однако был причинен и моральный вред, который автор «Бочонка амонтильядо» компенсировал созданием идеального мстителя — Монтезора, уничтожившего своего противника Фортунато на страницах рассказа.

Внешний облик Монтезора создан лишь парой неброских деталей — маской черного шелка и старинным типажным плащом, который визуализован в рассказе орфографически редким варваризмом “*roquelaine*”. Эти детали экспозиции, с одной стороны, органично вписываются в атмосферу карнавала (намек на шумное веселье публики, следящей на журнальных страницах за «войной литераторов»), во время которого происходят события рассказа; с другой — контрастно скрывают, уводят на задний план облик героя, такого малозаметного на фоне общих празднеств, и пестро наряженного Фортунато, противника и жертвы.

Еще менее приметным, будто также скрытым вуалью или маской, выглядит третий герой произведения. Он, а точнее, диапазон переводческих эквивалентов, по-разному трансформирующих суть таинственного героя, и является предметом рассмотрения этого исследования. В отличие от антагонистов, третий герой остается безмянным и не принимает участия в развитии основного сюжета. Однако разгадка его социального статуса помогает точнее понять замысел автора и увидеть детали второго, рамочного сюжета рассказа.

В *The Cask of Amontillado* [Poe, 1993, pp. 202–207] рассказчик с первых же строк указывает на адресность повествования: “You, who so well know the nature of my soul, will not suppose, however, that

I gave utterance to a threat.” В обращенности речи на английском языке нет ни намека на то, кем мог бы быть адресат. Современные как нынешнему читателю, так и автору “you” и “who” лишены признаков числа, да и понять социальный статус адресата невозможно: без контекста это может быть и панибратское «ты», и вежливо-уважительное «Вы», и нейтрально-отстраненное «вы», и обращение к большой группе людей во втором лице. Немалое количество источников (интересный библиографический обзор сделан в комментариях к статье [Rust, 2001]) указывают на то, что, вероятно, рассказ построен как своеобразная исповедь грешника перед смертью. В этом случае логично предположить, что автор обращается к некоему духовнику. Косвенно об этом может свидетельствовать “know the nature of my soul” — словоупотребление “soul” в качестве референта, номенклатурного понятия религиозной и, в частности, католической тематики. Католические отсылки носят в *The Cask of Amontillado* системный характер, поэтому не следует пренебрегать значимостью и тематической отнесенностью “soul”.

Каково бы ни было понимание персоналии незримого «третьего» героя рассказа, оно носит, скорее, литературоведческий характер. Переводчик вполне может не заметить эту на первый взгляд малозначимую проблему, или, заметив, завуалировать ее, ведь основа предложения “you... know” достаточно точно передается при помощи буквального «вы... знаете». Однако в рассказе есть и другие лингвистические единицы, которые предположительно указывают на духовный сан этого персонажа. Проблемой, создаваемой нейтральной и вполне эквивалентной формой «вы... знаете» становится определительное придаточное предложение “..., who so well know the nature of my soul, ...”. Это описательное определительное, на что указывают запятые, оно уникализировало объект, к которому относится. Это не ограничительное придаточное, поэтому речь здесь идет не обо «всех людях, которым почему-то известна природа души» героя, а лишь о том или о тех, кто посвящен в тонкости его переживаний, и эта информация (“who so well know”) служит лишь дополнительным описанием адресата речи. Суть описательного придаточного — введение ремы, новой информации; это то уникальное, что сообщается о присутствующем в рассказе, но не участвующем в событиях адресате “you”, это личные свойства объекта речи. Иными словами, осознание синтаксической структуры предложения как определительного придаточного предложения описательного типа ограничивает круг возможных адресатов.

Дополнительным аргументом в пользу уникальности адресата выглядит еще один момент, которым в данном случае не следует пренебрегать, и это — детализация фразы. Герой произведения, Монтрезор, обращается к собеседнику не “You, who know the nature of my soul”, и даже не “You, who well know” а именно с уточнением: “You, who *so* well know...”. Такая словесная нагрузка на придаточное, весь смысл которого — служить эпитетом адресату сообщения, лишает всю фразу легкости и ритмичности. Именно из-за этого эпитета все предложение выбивается из ткани первого абзаца, тема которого — месть, а прагматическая установка сообщения — парадоксальные инструкции потенциальному мстителю. С какой целью По нарушил композицию первого абзаца рассказа? Вероятно, писателю важно было привлечь читательское внимание именно к этому усилительному элементу “so” в описании “so well know”; вероятно, это “so” призвано более точно указать на сингулярность собеседника.

Почему этот вопрос вообще представляет интерес для исследователя? Признавая наличие духовника в качестве героя произведения, читатель может заключить, что Монтрезор кается в содеянном или хотя бы явно признает, что совершил грех, а не воздал грешнику по справедливости. Если персонаж священника «размыт» в переводе еще более, чем в тексте на английском языке, или вместо священника обращению “you” приписываются иные черты и создается иная личность, то акт покаяния в рассказе отсутствует, а значит, Монтрезор продолжает наслаждаться местью и упиваться безнаказанностью.

Необходимо отметить, что консенсуса относительно личности незримого персонажа, обозначенного местоимением “you”, в современном литературоведении нет [DiSanza, 2014]. Поскольку четкая инструкция, как поступить с этим “you”, у русскоязычного переводчика отсутствует, было бы интересно посмотреть, как с подобной проблемой справились разные интерпретаторы. Определенный интерес представляет также рассмотрение перевода на те языки, где присутствует вариативность второго лица «ты — вы — Вы». Такое сопоставление, конечно, не может дать однозначного толкования. Невозможно и нелогично судить об авторском замысле на основании количества определенных интерпретаций — замысел предшествовал интерпретации. Однако перед нами — интересный случай для дескриптивистского подхода к переводу, спорный случай, имеющий разные решения. Поэтому в качестве первой задачи попробуем логизировать данные нам автором «улики» и понять, на каком основании в литературоведении обсуждается духовный сан незримого героя. В качестве второй задачи рассмотрим, насколько адекватно в разных переводах представлен этот персонаж.

**«Бочонок изнутри»,
или Как отобразить невидимое в переводе**

Переводы произведений Эдгара По на французский язык Шарлем Бодлером считаются не только лучшими на этом языке, но и выполненными весьма скрупулезно [Culler, 1990]: « Vous cependant, qui connaissez bien la nature de mon âme, vous ne supposerez pas que j'aie articulé une seule menace » [Baudelaire] («И однако же, вы, кто знает так хорошо суть моей души, не можете предполагать, чтобы я был способен произнести хоть единую угрозу»). В европейской франкоязычной традиции «vous» употребляется как при нарочито вежливом, так и при дружеском общении. Вежливое «Вы» в этом контексте указывает на обращение к одному человеку, что не противоречит гипотезе о адресате-священнике. Обращает внимание сохранившееся в переводе Бодлера «âme», что свидетельствует о признании переводчиком слова «душа» в качестве тематического маркера. В качестве промежуточного вывода заключим, что французский текст позволяет сохранить интригу оригинала, поэтому как с точки зрения тех, кто видит в рассказе покаяние Монтрезора, так и с точки зрения тех, кто этого покаяния не признает, перевод вполне адекватен.

А propos, в переводе Бодлера упомянутый выше предмет одежды Монтрезора, плащ “roquelaire”, не фигурирует и заменен на «manteaux»: «Je mis un masque de soie noire, et, m'enveloppant soigneusement d'un manteau, je me laissai traîner par lui jusqu'à mon palais» [Baudelaire]. Вероятно, Бодлер вполне справедливо счел, что испорченное французское слово “roquelaure” будет смотреться неуместно во французском тексте и не поможет создать тот стилистический характерологический эффект, на который, вероятно, рассчитывал По. Такой же трансформации подверглось это слово и в большинстве других переводов, став «плащом», «плащом», „płaszczem”, „Mantel“. Из рассмотренных переводов у Бальмонта, среди немногих, оставлен латинизированный варваризм, исправленный, правда, на “roquelaure”.

В немецком переводе, авторство которого приписывается Гизеле Этцель, использована форма множественного числа, как при обращении к коллективу: „Ihr werdet doch nicht annehmen — ihr, die ihr so gut das Wesen meiner Seele kennt —, daß ich eine Drohung laut werden ließ“ [Poe, 1982]. Вероятно, переводчик осознал «you/вы» как форму обращения к читателям. Однако если „ihr“ — обращение к читателю, то непонятно, почему читатель должен хорошо знать «суть души» Монтрезора, главного героя. Будь Монтрезор серийным персонажем, не первый раз встречающимся в произведениях По, такая адресация выглядела бы логично. Но перед нами — литературный герой, выполнивший лишь одну-единственную задачу в библиографии Эдгара По: продемонстрировать отношение своего создателя к Томасу Инглишу. Ни на каких иных персонажей во множественном числе, которые могли бы быть адресатами речи главного героя, в рассказе отсылок нет.

В переводе Гедды Ойленберг на немецкий язык обнаруживается форма вежливого обращения во втором лице: „Sie kennen mich und werden mir deshalb glauben, daß ich auch nicht eine einzige Drohung gegen ihn ausstieß“ [Poe. Grausige und humoristische]. Обращаем внимание на то, что в переводе снижена эксплицитность долгосрочных межличностных отношений между доверителем «исповеди» и адресатом: в переводе отсутствует свойство адресата “who so well know (my soul)”. С одной стороны, „Sie kennen mich“ подразумевает некое предварительное знакомство, возможно, даже глубокое, если сопоставить с русским «Вы меня знаете», что идиоматически подразумевает «Вы меня хорошо знаете»; с другой стороны, это «знание» собеседника имплицировано, скрыто. Очевидно, что в переводе Ойленберг утрачена религиозная коннотация, в оригинале создаваемая упоминанием “the nature of my soul”, или „das Wesen meiner Seele“ из перевода Этцель.

Важно подчеркнуть, что эти замечания относятся не к художественному качеству перевода, но лишь помогают осознать: в одном из переводов отсутствует лексика, за которой стоят референты создаваемой автором художественной реальности. Это значит, что читатель перевода, получая легко воспринимаемый и достаточно изящный текст („Sie kennen mich“), лишен возможности увидеть героя произведения.

Предположительно, в переводе на русский язык проще сохранить аутентичность англоязычного текста по сравнению с немецким: формальной разницы, как в немецком между „ihr“ и „Sie“ и соответствующими им „kennt“ и „kennen“, нет. Как уже упоминалось во введении, при достаточно буквальном переводе “you ... know...” получается вполне адекватное всем грамматическим числам и социальным стратам «вы... знаете». Приниженную дружескую форму «ты» в качестве адекватного варианта рассматривать не будем — для ее употребления, в отличие от более вежливой «вы», требуются основания,

какие-либо маркеры в тексте, иначе она просто «режет глаз». Однако чем нейтральнее форма местоимения, тем более общей становится обращенность речи, тем менее уникальным и личностно значимым для Монтрезора становится персонаж, скрытый под местоимением “you”.

Такой же эффект наблюдается в тексте перевода Виктора Шовкуна на украинский. Здесь не эксплицируется число второго лица, читатель не получает никакой дополнительной информации о собеседнике или собеседниках Монтрезора: «Проте ви добре знаєте мою вдачу і навряд чи подумаете, що я висловив погрозу вголос» [По, пер. В. Шовкуна] («Однако вы хорошо знаете мой нрав и вряд ли подумаете, что я выразил угрозу вслух»). Не способствует пониманию и лексическое окружение: сочетание “nature of my soul” становится тематически удачным, но лишенным возможной религиозной коннотации «нравом». Внимание читателя переносится на психологический портрет, на мстительный характер субъекта речи, и отводится от адресата. Сказуемое «знаете» также может указывать на оба числа и не помогает распознать, какого мнения придерживается переводчик относительно личности адресата.

Читатель польского перевода Болеслава Лесьмяна не заподозрит, что Монтрезор тайно исповедуется священнику: в тексте использована конструкция с придаточным, указывающим на множественное число адресата при помощи союза „którzy”: „Wy wszakże, którzy dobrze znacie mój charakter, nie pomyślcie chyba, że się zdradziłem choćby jedną pogroźką” [Poe, 1913] («Но вы, хорошо знающие мой характер, не подумаете, что я выдал себя хотя бы одной угрозой»). При таком варианте намерение переводчика эксплицируется, собеседниками Монтрезора становятся читатели или некий неназываемый коллектив в рамочном сюжете рассказа.

В многочисленных переводах на русский указывается разное число второго лица. Также концепция переводчиков относительно «скрытого героя» рассказа выражается в подборе формы сказуемого и союза придаточного предложения. Необходимо пояснить, что тексты трех журнальных переводов, приведенных ниже, находятся в открытом доступе, существуют в виде «электронного самиздата», и их подлинность ограничена ссылками на них в сетевой научной литературе.

Попытку обратить внимание на тайного героя рассказа можно наблюдать в переводе на русский язык 1881 года: «Вы, который хорошо знаете мой характер, не предположите, будто я произнес хоть одну, малейшую угрозу» [По, 1881]. Сложно судить об удачности синтаксической формы, опубликованной почти полтора столетия назад, однако «вы, который... знаете» указывает на единственность числа и вежливость обращения. Стоит заметить, однако, что коннотация слова “soul” смещается в сторону психологизма, в качестве эквивалента переводчик предлагает слово «характер». Перевод, вероятно, был опубликован анонимно, на что ссылается и другой источник [Hart, 1941].

Другая безымянная публикация следующего, 1882 года содержит указание на «свойства души», но вуалирует число адресатов сообщения: «Вы, однако, уже настолько знакомы со свойствами моей души, что, конечно, ни на минуту не заподозрите, чтобы я решился высказать угрозу на словах» [По, 1882]. Формально такой перевод ближе к оригиналу, а переводчик не стремится выразить свою позицию по поводу скрытого героя.

В публикации 1895 года (также без указания автора) адресат деперсонифицирован, второе лицо становится третьим: «Но все, знакомые с моим душевным складом, поймут, что я не позволил себе вымолвить ни одной угрозы» [По, 1895]. Экспозиция трагизма и покаяния, которую многие исследователи видят как замысел автора, растворяется в обезличенном «все... поймут». Переводчик удалил идею обращенности речи, добавив некую риторическую аргументацию, отсылку к неограниченной группе лиц, знакомых с Монтрезором. Таким образом, вместо предполагаемого имплицированного указания на собеседника текст фокусирует внимание читателя на душевных свойствах главного героя.

В следующем переводе сохраняется факт обращенности речи, однако множественность числа сказуемого подразумевает некий круг лиц, которым Монтрезор рассказывает события: «Однако вы, знакомые с качествами моей души, не предположите, конечно, что я стал грозить» [Бальмонт, 2010].

Наблюдения за неоднократным использованием множественного числа в русских переводах приводят к размышлениям: перформатив во множественном числе («вы, знакомые... не предположите») противоречит авторскому замыслу «идеального отмщения», рецепт которого По сформулировал в первом же абзаце рассказа. Во-первых, о мести не должны знать третьи лица: “I must... punish with impunity.” Во-вторых, месть должна произойти неминуемо, поэтому торопиться нельзя: “At length I would be avenged.” В-третьих, жертва тоже должна узнать о мести, иначе месть не состоится: “It is equally unredressed when the avenger fails to make himself felt as such to him who has done the wrong,” но знание это должно прийти в последний момент, чтобы исключить любую возможность для обидчика уклониться от расплаты — “to preclude the idea of risk.” Вмешательство любых третьих лиц помешает

воздаянию: “A wrong is unredressed when retribution overtakes its redresser,” причем срок давности мести не уточняется. Вероятно, третьи лица никогда не должны узнать о воздаянии. Таким образом, адресат повествования — надежное лицо, которое не разгласит сведения о преступлении. Поэтому представляется логичным согласиться с теми, кто считает: наиболее вероятная причина доверия этому лицу — тайна христианской исповеди, которая охранялась во все времена, в том числе государством. Правда, Монтрезор исповедуетея пятьдесят лет спустя после преступления: “For the half of a century no mortal has disturbed them (the bones).” Вероятно, мститель не очень доверяет даже тайне исповеди. О сроке давности преступления читатель узнает из предпоследнего предложения рассказа. Второе предложение с конца и второе предложение от начала рассказа образуют некоторую рамочную конструкцию, поэтическую структуру, дополнительный указатель на начало и завершение адресации текста. Эта синтаксическая пара фактически образует второй, «рамочный» сюжет в рассказе: полвека спустя после преступления Монтрезор сознается, вспоминая детали убийства. Эти два предложения относятся к тому, что в стилистике текста принято называть «сильной позицией». Формальная «рамка», указанная По, наталкивает читателя на осознание этой позиции. Характер адресации указывает на исповедника, духовника Монтрезора. Финал рассказа (“In pace requiescat!”) и факт исповеди предполагают, что человеческий суд мстителю уже не страшен. Форма и содержание лингвистических единиц, находящихся в сильной позиции, должны помочь сохранить концептуальный замысел автора, поэтому при переводе все соответствующие языковые средства следует направить на достижение этой задачи.

В качестве замечания «на полях» представляется интересным обратить внимание и на забавный переводческий казус в тексте Константина Бальмонта. По какой-то причине еще одна ключевая фраза рассказа приобрела неверную интерпретацию: “My heart grew sick — on account of the dampness of the catacombs” [Poe, 1993, p. 207]. Исследователи творчества По обычно опираются именно на это признание Монтрезора (“my heart grew sick”) как на доказательство его душевных мучений — в этих словах видят осознание вины и желание покаяться: “Some readers have taken this last sentence as evidence that the narrator, Montresor, is actually confessing his crime (possibly to a priest) half a century later” [Hirsch, 1998]. В переводе главной мысли («сердце у меня сжалось») читается желание раскаяться и боль, с которой Монтрезор осуществляет месть, и в этой части русский текст представляется удачным. Однако в интерпретацию экспозиции закралась ошибка: «Сердце у меня сжалось — в катакомбах было так душно», хотя в оригинале речь идет о сырости (“dampness”). Не представляется возможным установить, была ли это ошибка великого поэта-переводчика либо странная прихоть редактора текста, но разночтение с текстом оригинала очевидно. Существует несколько редакций рассказа на английском. В альтернативной версии эта фраза выглядит следующим образом: “My heart grew sick; it was the dampness of the catacombs that made it so” [Poe, 2008]. Однако и в этом варианте в подземелье не «душно», а «сыро».

Если говорить о четко принятом переводческом решении, при котором явно прослеживается желание помочь читателю увидеть скрытую информацию, то такое решение можно наблюдать в переводе Ольги Холмской, выдержавшем множество переизданий. В нем использована вежливая форма единственного числа, которая соответствует идее обращенности речи Монтрезора к исповеднику: «Вы, так хорошо знающий природу моей души, не думаете, конечно, что я вслух произнес угрозу» [По, 1976]. Религиозно-ориентированный маркер («душа») также сохранен и подсказывает читателю, с кем общается герой рассказа. Формулировка «вы... знающий» не оставляет сомнения в исключительности адресата. Все усилительные элементы («так хорошо (знающий)»), соответствующие источнику (“who so well know”), соблюдены и присутствуют. Если воспользоваться широко известной парадигмой типов информации И. Р. Гальперина, то в переводе Холмской вербализуется содержательно-подтекстовая информация, которая возникает на основе содержательно-фактуальной информации текста оригинала, но не без помощи ассоциативной интерпретации в ходе перевода, в связи с воспринятым коннотативным значением языковых единиц и в рамках крайне широкого контекста. Рамки такого контекста начинаются в конкретном предложении рассказа и простираются, если говорить о «Бочонке амонтильядо», как минимум до *War of the Literati*. Всего же в десяти рассмотренных переводах прослеживается три возможных интерпретации личности героя, к которому обращается Монтрезор: предполагаемый священник, абстрактный читатель или группа людей, знакомых с Монтрезором.

Список источников

1. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений : в 7 т. — М. : Кн. клуб Книгозек, 2010. — Т. 7 : Избранные переводы: Эдгар По. Рассказы и стихотворения. — 768 с.

2. По Э. А. Барильце амонтильядо / пер. В. Шовкуна. — URL : https://sharlib.com/view_486651 (дата обращения: 10.12.2023).
3. По Э. А. Бочка амонтильядо // Русское богатство : ежемес. журн. — 1881, май. — URL : <https://www.rulit.me/books/bochka-amontilyado-read-323833-1.html?ysclid=lq45n1b0ne481941686> (дата обращения: 10.12.2023).
4. По Э. А. Бочка амонтиллиадо // Пчелка. Литературный, политический и юмористический журнал с карикатурами. — 1882. — № 24. — С. 272.
5. По Э. А. Бочка амонтильядо // Ежемесячное приложение к журналу «Живописное обозрение». Избранные сочинения Эдгара Поэ с биографическим очерком и портретом автора. — 1895. — № 7. — С. 178–185.
6. По Э. Стихотворения. Проза. — М. : Худож. лит., 1976. — 880 с.
7. Baudelaire Ch. La barrique d'Amontillado. — URL : <https://archive.org/details/EdgarAllanPoe-LaBarriqueDamontillado> (дата обращения: 10.12.2023).
8. Culler J. “Baudlaire and Poe” Zeitschrift Für Französische Sprache Und Literatur. — 1990. — Vol. 100. — Pp. 61–73. — URL : <http://www.jstor.org/stable/40617398> (дата обращения: 09.12.2023).
9. Dedmond F. B. “The Cask of Amontillado” And the War of the Literati // Modern Language Quarterly. — 1954. — № 15 (2), June, 01. — Pp. 137–146. — URL : <https://doi.org/10.1215/00267929-15-2-137> (дата обращения: 09.12.2023).
10. DiSanza R. “On Memory, Forgetting, and Complicity in ‘The Cask of Amontillado’” // The Edgar Allan Poe Review. — 2014. — Vol. 15, no. 2. — Pp. 194–204. — URL : <https://doi.org/10.5325/edgallpoerev.15.2.0194> (дата обращения: 09.12.2023).
11. Hart R. H. “Poe in Foreign Lands and Tongues” : typescript draft. — 1941, Jan. — URL : <https://www.eapoe.org/papers/psblctr/pl19411.htm#russia> (дата обращения: 09.12.2023).
12. Hirsch D. H. “Poe as Moralist: ‘The Cask of Amontillado’ and the Transvaluation of Values”. — Baltimore : The Edgar Allan Poe Society of Baltimore, 1998. — URL : <https://www.eapoe.org/papers/psblctr/pl19951.htm> (дата обращения: 09.12.2023).
13. Poe E. A. Grausige und humoristische Erzählungen. — URL : <https://www.haus-freiheit.de/poegrausige/fassamontillado.pdf> (дата обращения: 09.12.2023).
14. Poe E. A. Opowieści nadzwyczajne. — 1913. — Т. 1 : Warszawa : S. Orgelbranda Synowie. — 212 s. — URL : <https://polona.pl/item-view/7f6baaa8-6681-45ee-9608-842ed5eb0cf4?page=6> (дата обращения: 10.12.2023).
15. Poe E. A. Verbrechergeschichten / Gisela Etzel (Übersetzer). — Ullstein, 1982. — 189 p. — URL : <https://www.projekt-gutenberg.org/poe/amontill/chap01.html> (дата обращения: 10.12.2023).
16. Poe E. A. Tales of Mystery and Imagination. Wordsworth Classics. — 1993. — 286 p.
17. Poe E. A. The Masque of the Red Death: And Other Stories. — United Kingdom : Penguin Books Limited, 2008.
18. Rust R. D. “‘Punish with Impunity’: Poe, Thomas Dunn English, and ‘The Cask of Amontillado’” // The Edgar Allan Poe Review. — 2001. — Vol. 2, no. 2. — Pp. 33–52. — URL : <http://www.jstor.org/stable/41508404> (дата обращения: 09.12.2023).

References

1. Balmont K. D. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.]. Moscow, Knizhny Club Knigovek Publ., 2010, vol. 7: Selected translations: Edgar Poe. Tales and Poems, 768 p. (In Russian).
2. Poe E. A. *Baril'tse amontil'yado* [Bariltse Amontillado]. Transl. by V. Shovkun. Available at: https://sharlib.com/view_486651 (accessed 10.12.2023). (In Russian).
3. Poe E. A. The Cask of Amontillado. *Russkoye bogatstvo: yezhemes. zhurn.* [Russian Wealth. Monthly]. 1881, May. Available at: <https://www.rulit.me/books/bochka-amontilyado-read-323833-1.html?ysclid=lq45n1b0ne481941686> (accessed 10.12.2023). (In Russian).
4. Poe E. A. The Cask of Amontillado. *Pchelka. Literaturnyy, politicheskiy i yumoristicheskiy zhurnal s karikaturami* [Pchelka. Literary, political and humorous magazine with caricatures]. 1882, no. 24, p. 272. (In Russian).
5. Poe E. A. The Cask of Amontillado. *Yezhemesyachnoye prilozheniye k zhurnalu Zhivopisnoye obozreniye. Izbrannyye sochineniya Edgara Poe s biograficheskim ocherkom i portretom avtora* [Monthly supplement to “Zhivopisnoye obozreniye” magazine. Selected works by Edgar Poe with a biography and the author’s portrait]. 1895, no. 7, pp. 178–185. (In Russian).
6. Poe E. *Stikhotvoreniya. Proza* [Poems. Prose]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ. House, 1976, 880 p. (In Russian).

7. Baudelaire Ch. *La barrique d'Amontillado*. Available at: <https://archive.org/details/EdgarAllanPoe-LaBarriqueDamontillado> (accessed 10.12.2023).
8. Culler J. "Baudlaire and Poe" *Zeitschrift Für Französische Sprache Und Literatur*. 1990, vol. 100, pp. 61–73. Available at: <http://www.jstor.org/stable/40617398> (accessed 09.12.2023).
9. Dedmond F. B. "The Cask of Amontillado" And the War of the Literati. *Modern Language Quarterly*. 1954, no. 15 (2), June, 01, pp. 137–146. Available at: <https://doi.org/10.1215/00267929-15-2-137> (accessed 09.12.2023).
10. DiSanza R. "On Memory, Forgetting, and Complicity in 'The Cask of Amontillado.'" *The Edgar Allan Poe Review*. 2014, vol. 15, no. 2, pp. 194–204. Available at: <https://doi.org/10.5325/edgallpoerev.15.2.0194> (accessed 09.12.2023).
11. Hart R. H. "Poe in Foreign Lands and Tongues," typescript draft. 1941, Jan. Available at: <https://www.eapoe.org/papers/psblctr/pl19411.htm#russia> (accessed 09.12.2023).
12. Hirsch D. H. "Poe as Moralist: 'The Cask of Amontillado' and the Transvaluation of Values". Baltimore, The Edgar Allan Poe Society of Baltimore, 1998. Available at: <https://www.eapoe.org/papers/psblctr/pl19951.htm> (accessed 09.12.2023).
13. Poe E. A. *Grausige und humoristische Erzählungen*. Available at: <https://www.haus-freiheit.de/poegrausige/fassamontillado.pdf> (accessed 09.12.2023).
14. Poe E. A. *Opowieści nadzwyczajne*. 1913, T. 1: Warszawa: S. Orgelbranda Synowie, 212 s. Available at: <https://polona.pl/item-view/7f6baaa8-6681-45ee-9608-842ed5eb0cf4?page=6> (accessed 10.12.2023).
15. Poe E. A. *Verbrechergeschichten*. Gisela Etzel (Übersetzer). Ullstein, 1982, 189 p. Available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/poe/amontill/chap01.html> (accessed 10.12.2023).
16. Poe E. A. *Tales of Mystery and Imagination*. Wordsworth Classics. 1993, 286 p.
17. Poe E. A. *The Masque of the Red Death: And Other Stories*. United Kingdom, Penguin Books Limited, 2008.
18. Rust R. D. "'Punish with Impunity': Poe, Thomas Dunn English, and 'The Cask of Amontillado.'" *The Edgar Allan Poe Review*. 2001, vol. 2, no. 2, pp. 33–52. Available at: <http://www.jstor.org/stable/41508404> (accessed 09.12.2023).

Информация об авторе

Лобанов Сергей Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Lobanov, Sergey — candidate of philology, associate professor, chair of Foreign Languages, Institute of History, Philosophy and Political Sciences, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

*Статья поступила в редакцию 15.12.2023;
одобрена после рецензирования 15.01.2024;
принята к публикации 16.01.2024.*

*Submitted 15.12.2023;
approved after receiving 15.01.2024;
accepted for publication 16.01.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 72–81.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):72–81.

Научная статья
УДК 821.111-31=161.1.09:81'255.2(045)
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.009

Особенности передачи элементов религиозного дискурса в переводах романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык

Диана Игоревна Медведева

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
diami@mail.ru

Аннотация. Цель нашего исследования — сопоставление способов передачи элементов религиозного дискурса в переводах романа «Джейн Эйр», выполненных В. О. Станевич и И. Г. Гуровой. Подобное сопоставление предпринимается впервые. Работа вносит определенный вклад в исследования повторного перевода художественной прозы, а также в изучение перевода элементов религиозного дискурса с английского языка на русский. Стратегии переводчиц определялись историческим периодом, в который работала каждая из них, и существовавшими тогда переводческими традициями. Станевич, воссоздав основные сюжетные вехи и художественные особенности романа, прибегает к сокращениям и купюрам по двум причинам: из-за советской цензуры и одновременно для того, чтобы сделать роман более понятным для массового читателя. Ее стратегия — доместикация текста перевода, приближение его к читателю, ориентация на принимающую культуру. Гурова выполняет полный перевод элементов религиозного дискурса и вместе с тем добавляет религиозные мотивы, отсутствующие в оригинале, а также архаизирует текст, насыщая его славянизмами. Гурова придерживается стратегии форенизации текста перевода и ориентации на передающую культуру.

Ключевые слова: художественный перевод, роман «Джейн Эйр», перевод В. О. Станевич, перевод И. Г. Гуровой, сопоставительный анализ, религиозный дискурс, прецедентные феномены.

Для цитирования: Медведева Д. И. Особенности передачи элементов религиозного дискурса в переводах романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык // *Иностранные языки в высшей школе*. 2024. № 1(68). С. 72–81. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.009.

Original article

Peculiarities of transferring elements of religious discourse in Russian translations of Ch. Brontë's *Jane Eyre*

Diana I. Medvedeva

Udmurt State University, Izhevsk, Russia
diami@mail.ru

Abstract. The paper is aimed at comparing the ways of translating the elements of the religious discourse in Russian translations of Ch. Brontë's novel *Jane Eyre* made by V. Stanevich and I. Gurova. This research is a contribution to studies of retranslated texts of classical English literature, and of translating the elements of the religious discourse from English into Russian. The translators' strategies are determined by the time each of them lived and worked in, as well as by translation conventions which dominated at that time. V. Stanevich re-creates basic ideas, storylines and the tone of the book, but she shortens several text fragments related to religious topics and omits some biblical names and allusions. In our view, this is done equal parts because of the Soviet censure and aiming to make the text closer to and more intelligible for an average Russian reader. V. Stanevich's strategy is domestication of the text, making it conform to the culture of the language being translated to. I. Gurova, being free from antireligious censure, translates the elements of religious discourse in the novel fully and completely; besides, she adds some religious motifs that are not present in the original, and makes the text more archaic by using obsolete and elevated words from Church Slavic. In general, I. Gurova's strategy is foreignization of the text used to preserve the specificity of the source language culture.

Keywords: literary translation, *Jane Eyre*, V. Stanevich's translation, I. Gurova's translation, comparative analysis, religious discourse, precedent phenomena.

For citation: Medvedeva D. I. Peculiarities of transferring elements of religious discourse in Russian translations of Ch. Brontë's *Jane Eyre*. *Inostrannye yazyki v vyshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 72–81. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.009.

© Медведева Д. И., 2024

Введение

Роман Шарлотты Бронте *Jane Eyre* (впервые вышел из печати в 1847 году) до настоящего времени вызывает большой интерес читателей, литературоведов, переводчиков и исследователей перевода. Автор романа, как и его главная героиня Джейн Эйр, была дочерью священника, религия играла в ее жизни огромную роль, поэтому роман проникнут религиозным пафосом.

В 1849 году, всего через два года после выхода в свет оригинального произведения, русскоязычный читатель познакомился с романом в переводе И. И. Введенского («Дженни Эйр»). Согласно исследованию Е. И. Самородницкой, философско-религиозная проблематика в этом переводе уходит на второй план или вовсе нивелируется. Пропуски фрагментов текста, содержащих религиозные мотивы, могут быть обусловлены как внелитературными факторами (запрет на упоминание западного христианства), так и формирующейся литературной парадигмой «прогрессивного» реалистического романа, для которого религиозные вопросы не релевантны [Самородницкая, 2022].

Материалом нашего исследования являются три базовых текста: роман Ш. Бронте *Jane Eyre* и его переводы, выполненные В. О. Станевич и И. Г. Гуровой. Предмет исследования — особенности передачи элементов религиозного дискурса в этих переводах как наиболее релевантных для современного русскоязычного читателя. Основные методы — сравнительно-сопоставительный и описательный, а также метод лексикографического анализа. В работе представлен обширный перечень примеров с комментариями, которые могут быть использованы в рамках учебных курсов по переводу. Анализ переводов романа «Джейн Эйр» на русский язык посвящены работы Ю. В. Дьяченко, Е. И. Бойчук и Е. А. Трофимовой, Е. И. Самородницкой. Имеется работа А. А. Нененко, В. В. Панина и Ю. В. Рындиной о передаче прецедентных феноменов в переводах романа, в числе которых рассмотрены и некоторые феномены из сферы религии, однако передача элементов религиозного дискурса в «Джейн Эйр» ранее не являлась предметом специального анализа.

Парадоксально, что роман «Джейн Эйр» в переводе Станевич, опубликованный в атеистическом государстве СССР (1950 год), намного более «религиозен», чем в переводе Введенского. Вероятно, пафос честного, добросовестного труда, противостояния миру аристократов и борьбы женщин за равноправие «примирили» советскую цензуру с еще одним пафосом книги — религиозным. Однако, как пишет А. Л. Борисенко, Станевич не только выпускала отрывки с наибольшим религиозным пафосом, но и все время смягчала накал религиозной экзальтации [Борисенко]. Перевод Гуровой появился именно потому, что религиозный аспект романа в предыдущих переводах не был воспроизведен полностью. Он вышел в свет во время перестройки (1990 год), когда все запреты на публикации религиозного характера были сняты, и это наиболее полный из всех имеющихся русских переводов «Джейн Эйр».

Вслед за Е. В. Бобыревой мы понимаем религиозный дискурс как сложный коммуникативно-культурный феномен, основанный на системе определенных ценностей, который реализуется в виде определенных жанров и выражается посредством определенных языковых и речевых средств [Бобырева, 2007, с. 1]. В исследуемом романе представлены следующие элементы религиозного дискурса: прецедентные имена, слова-реалии, фрагменты текстов из Священного Писания, аллюзии на библейские события.

Элементы религиозного дискурса в романе используются двояко. Они могут быть предметом речи и употребляться в прямом значении, чтобы говорить о вере, о христианских ценностях и убеждениях, а могут служить средством придания экспрессивности в составе тропов и фигур речи, сравнений, метафор и др. Оба способа свидетельствуют о том, что христианство — весьма значимая часть английской культуры первой половины XIX века, а употребление элементов религиозного дискурса для украшения речи является показателем не только и не столько религиозности и веры, сколько образованности персонажей.

Перечислим основные характеристики сюжета, указывающие на важную религиозную составляющую романа. Джейн Эйр — литературная героиня, которая руководствуется христианскими принципами и находится в живом общении с Богом. Джейн обладает сильной волей, но сознательно и добровольно отдает себя под руководство божественного Провидения. В критические, переломные моменты жизни она обращается к Богу, прося поддержать ее и направить по верному пути. Проведя восемь лет в школе-пансионе для сирот, восемнадцатилетняя Джейн молится о переменах в жизни, и Провидение приводит ее в Торнфилд, дом мистера Рочестера. Узнав правду о жене своего возлюбленного, Джейн взывает к высшей силе: «Что мне делать?», и получает ответ — от внутреннего голоса и Провидения (здесь они неразделимы) — «Немедленно покинь Торнфилд». Полумертвая от голода и усталости после

трехдневных скитаний, она обращается к Богу, готовая смиренно принять Его волю, — и ее спасает Сент-Джон Риверс, который, как выясняется позже, оказывается ее кузеном. Наконец, получив от Сент-Джона предложение брака без любви, она снова молит Бога указать ей путь и получает знак свыше, после чего воссоединяется с мистером Рочестером. Отметим, что после каждого случая Божьей помощи Джейн не забывает возносить к Богу благодарственные молитвы. В конце романа благодарность Богу вложена в уста главного героя — Рочестера, решившего вести отныне более чистую жизнь, чем раньше. Все эти ключевые сюжетные вехи воссозданы в переводе Станевич и, разумеется, в переводе Гуровой.

В ходе нашего исследования рассмотрены следующие аспекты:

1) способы «смягчения религиозной экзальтации» в переводе Станевич: а) опущение и сокращение контекстов религиозного содержания; б) генерализация;

2) способы усиления религиозного пафоса в переводе Гуровой: а) добавление аллюзий на священные тексты христианства там, где их нет, либо дополнительных к уже имеющимся в оригинале; б) при переводе многозначных слов выбор значений, относящихся к религиозному дискурсу; в) архаизация и повышение регистра речи путем использования славянизмов.

Основная часть

Опущение и генерализация vs полный перевод

Стратегия смягчения религиозной экзальтации реализуется в переводе Станевич несколькими способами, один из которых — сокращение отрывков религиозного содержания. Приведем высказывание Элен, подруги Джейн (1):

(1) “Read the New Testament, and observe what Christ says and how He acts; *make His word your rule, and His conduct your example*” (p. 88). — «Почитай новый Завет и обрати внимание на то, что говорит Христос и как он поступает» (Станевич, с. 70). — «Читай Новый Завет, вдумывайся в слова Христа и Его деяния, *сделай Его слова законом для себя, а Его поступки — примером*» (Гурова, с. 74)¹.

Отметим, что наиболее значительному сокращению подверглись пространственные монологи Элен Бернс в главе 6 и Сент-Джона Риверса в главе 32, а также финальный монолог героини-рассказчицы в главе 38.

Ряд элементов религиозного дискурса в переводе Станевич опускается. Чаще всего это аллюзии, прецедентные имена и тексты, которые служат не предметом речи, но средством художественной выразительности, то есть выполняют вспомогательную роль. В примере (2) опущено словосочетание *this tent of Achan*, содержащее аллюзию на малоизвестный ветхозаветный сюжет (Нав. 7:1–26) и означающее то же, что *this accursed place*:

(2) “... nor do I mean to torment you with the hideous associations and recollections of Thornfield Hall — *this accursed place — this tent of Achan — this insolent vault, offering the ghastliness of living death to the light of the open sky — this harrow stone hall, with one real fiend, worse than a legion of such as we imagine*” (p. 427). — «... и отнюдь не собираюсь мучить тебя гнусными воспоминаниями, связанными с Торнфильд-холлом, в котором живое воплощение смерти вопиет к ясному небу, — этой тесной каменной преисподней, где властвует один только реальный дьявол, худший, чем легион воображаемых» (Станевич, с. 378). — «... я не намерен терзать тебя соприкосновениями с Тернфилд-Холлом, с жуткими воспоминаниями об этом проклятом месте, *этом шатре Ахана*, этом спесивом склепе, хвастающем перед простором небес жутью живых мертвецов, об этом каменном аде, единственный подлинный демон которого много хуже легиона воображаемых!» (Гурова, с. 349).

В примере (3) Рочестер предостерегает Джейн от излишнего, как он считает, любопытства, сравнивая ее с прародительницей Евой, любопытство которой привело к первородному греху. Данная метафора опущена Станевич и воспроизведена Гуровой:

(3) “You are welcome to all my confidence that is worth having, Jane; but for God’s sake, don’t desire a useless burden! Don’t long for poison — *don’t turn out a downright Eve on my hands!*” (p. 373). — «Нет, вы не лишитесь моего доверия, Джейн. Но ради бога, не стремитесь брать на себя ненужное бремя, не тянитесь к яду» (Станевич, с. 329). — «Я отдаю тебе все мое доверие, Джейн, которое того заслуживает, но, ради Бога, не ищи ненужной ноши! Не возжелай яда, *не превратись в моих объятиях в новую Еву*» (Гурова, с. 305).

¹ Тексты оригинала цит. по: [Bronte, 2003], в качестве примеров сначала представлен перевод В. О. Станевич [Бронте, 2020], затем — перевод И. Г. Гуровой [Бронте, 2019] с указанием фамилии и страниц.

Следующий контекст (4), где Джейн слышит приказ Сент-Джона поехать с ним в Индию в качестве его жены и помощницы миссионера, содержит аллюзию на книгу Деяний апостолов (Деян. 16:6–10). Станевич опускает прямую речь и упоминание македонянина (некоего горожанина, который позвал апостола Павла проповедовать в Македонии), Гурова переводит фрагмент полностью и, кроме того, эксплицирует имя Павла, о котором в оригинале не говорится напрямую.

(4) “The glen and sky spun round: the hills heaved! It was as if I had heard a summon from heaven — *as if a visionary messenger, like him of Macedonia, had enounced: ‘Come over and help us!’* But I was no apostle — I could not behold the herald — I could not receive the call” (p. 570). — «Земля и небо закружились передо мной, горы заколебались. Казалось, я услышала призыв небес. Но я не была апостолом, вестник был мне незрим, и я не могла последовать призыву» (Станевич, с. 509). — «Ущелье и небо завертелись вокруг меня, холмы закачались. Я словно услышала призыв с небес: *точно вестник в видении, точно муж Македонянин воззвал к апостолу Павлу: “Приди и помоги нам!”* Но я ведь не апостол, я не могла узреть вестника, я не могла слышать зова» (Гурова, с. 463).

При переводе контекстов, где метафорически используются слова со значением «загробный мир, обитель праведников» *Eden, Elysium* (5–6), Станевич применяет генерализацию, Гурова точно воспроизводит оригинал.

(5) “I have a rosy sky and a green flowery *Eden* in my brain, but without, I am perfectly aware, lies at my feet a rough tract to travel, and around me gather black tempests to encounter” (p. 445). — «В моей фантазии я вижу алеющее небо и цветущий *рай*, но я прекрасно знаю, что мне нужно идти суровым путем и что мне грозят черные бури» (Станевич, с. 395). — «В моих мыслях я храню розовое небо и зеленеющий полный цветов *Эдем*, но я хорошо знаю, что на самом деле передо мной тянется ухабистая дорога, а вокруг собираются черные тучи, и впереди меня ждет одна гроза» (Гурова, с. 363).

(6) “... I with my concealed and racking regrets for my broken idol and lost *Elysium*” (p. 500). — «... я, с моей затаенной мучительной тоской о разбитом кумире и потерянном *рае*» (Станевич, с. 446). — «... я, жертва скрытых надрывающих душу сожалений о моем разбитом кумире и потерянном *Элизиуме*» (Гурова, с. 408).

В оригинале подчеркивается различие между истинным, христианским раем и Элизиумом (так в древнегреческой мифологии называется часть загробного мира, обитель душ блаженных), языческим, ненастоящим, иллюзорным раем. Под потерянным Элизиумом подразумеваются надежды Джейн на счастливую жизнь в браке с Рочестером, в то время как он был женат. Поскольку книга имеет христианскую направленность, упомянутое различие в ней значимо, но, так как данная реалья более знакома представителям западной культуры, чем русской, для полного понимания контекста читателю необходимо обратиться к примечаниям в конце книги либо к дополнительным источникам.

Ирония в религиозном дискурсе романа

Использование элементов религиозного дискурса в иронических контекстах — это частный случай использования религиозных мотивов и аллюзий как средств выразительности речи в романе. Исследователь английского менталитета К. Фокс отмечает, что «ирония — постоянный, заданный, стандартный элемент повседневного общения» англичан, и говорит о «вездесущности» иронии [Фокс, 2013, с. 84–85]. Так, в примере (7), рассказывая о суровых, полных лишений буднях в пансионе, Джейн упоминает утомительные библейские чтения и с горькой иронией называет их «спектаклем», а падение со скамьи смертельно усталых девочек — «интерлюдией», в которой они «играли роль» Евтиха — юноши, насмерть разбившегося при падении из окна третьего этажа и воскрешенного апостолом Павлом (Деян. 20:9). Гурова точно воспроизводит аллюзию и добавляет пояснение «во время проповеди апостола Павла», заменив, однако, метафору спектакля и интерлюдии фразой «вносили некоторое разнообразие», отчего в ее переводе ироничность выражена слабее. Станевич по цензурным соображениям опускает библейское сравнение и вместе с тем полностью исключает иронию.

(7) “A frequent *interlude* of these performances was the enactment of the part of Eutyclus by some half-dozen of little girls, who, overpowered with sleep, would fall down, if *not out of the third loft*, yet off the fourth form, and be taken up half dead” (p. 92). — «Сон настолько овладевал младшими девочками, что они валились со своих скамеек и их поднимали полумертвыми от усталости» (Станевич, с. 72). — «Часто младшие девочки *вносили некоторое разнообразие, уподобляясь Евтиху, который упал из окна во время проповеди апостола Павла*, — они засыпали и падали, правда, не с “*третьего этажа*”, но с четвертой скамьи, и их поднимали полумертвыми от утомления» (Гурова, с. 78).

При переводе иронического контекста в примере (8) со словом *phylactery* — филактерия (одна из двух кожаных коробочек, которую иудеи подвязывают во время утренней молитвы на лбу и на левой руке; содержит пергаментные листки с текстом молитв и изречений из Торы, в переносном смысле — нечто, указывающее на благочестие, набожность человека) Станевич опускает данную реалию, но передает иронию словом «украсила» в смысле, противоположном прямому значению. Гурова дает описательный, разъясняющий перевод лексемы *phylactery*:

(8) “Next morning, Miss Scatcherd wrote in conspicuous characters on a piece of pasteboard the word ‘Slatern’, and *bound it like a phylactery* round Helen’s large, mild, intelligent and benign-looking forehead” (p. 111). — «На другой день мисс Скэтчерд написала крупными буквами на куске картона слово “неряха” и *украсила* этой надписью широкий, умный и спокойный лоб девочки» (Станевич, с. 89). — «Утром мисс Скэтчерд крупными буквами написала на полоске картона: “неряха” и *словно повязку со словами Завета наложила* ее на высокий, нежный, умный, добрый лоб Хелен» (Гурова, с. 93).

Нами были также выявлены контексты, где Станевич точно воспроизводит оригинал, а Гурова привносит иронически окрашенный религиозный мотив, отсутствующий в оригинале. Так, в переводе (9), чтобы показать отношение Джейн к лицемерным речам мистера Брокльхерста, попечителя пансиона, Гурова добавляет реалию *иеремиада*, которой не было у Бронте, и объясняет ее в примечаниях: горькая жалоба, сетование (от библейского рассказа о плаче пророка Иеремии по поводу разрушения Иерусалима) [Бронте, 2019, с. 522].

(9) “Mr Brocklehurst resumed” (p. 100). — «Мистер Брокльхерст продолжал» (Станевич, с. 80). — «Затем мистер Брокльхерст возобновил свою *иеремиаду*» (Гурова, с. 84).

Переводя слова героини-рассказчицы (10) о периоде, когда питание в пансионе стало лучше, Станевич следует за оригиналом (*dined sumptuously* — досл. ‘роскошно обедали’), а Гурова вводит ироническую отсылку к одному из смертных грехов, каковым считается у христиан чревоугодие:

(10) “... she [housekeeper] would give us a large piece of cold pie, or a thick slice of bread and cheese, and this we carried away with us to the wood, where we each chose the spot we liked best, and *dined sumptuously*” (pp. 115—116). — «...нам давали по большому куску холодного пирога или ломоть хлеба с сыром, и мы уходили в лес, где у каждой было излюбленное местечко, и там *с удовольствием съедали принесенное*» (Станевич, с. 94). — «...новая экономка давала нам по большому куску холодного мясного пирога или толстый бутерброд с сыром. Мы забирали их с собой в лес и в облюбованных уголках *предавались чревоугодию*» (Гурова, с. 96).

Употребление религиозных аллюзий в ироническом ключе положительной, глубоко верующей героиней, по-видимому, норма для английской лингвокультуры времен Бронте. Для русской же лингвокультуры это скорее не характерно. Перевод Станевич, преуменьшающий данную особенность, оказывается «приближающим» произведение к носителям русской культуры, а перевод Гуровой, где эта особенность передана даже в большей степени, чем в оригинале, — «отдаляющим».

Усиление религиозного пафоса в переводе И. Г. Гуровой

Как уже отмечалось нами, не до конца переведенный религиозный аспект романа «Джейн Эйр» — это то, что, в сущности, вызвало к жизни перевод Гуровой. Воссоздание во всей полноте религиозных мотивов, очевидно, было главной задачей переводчицы, поэтому неудивительно, что для ее текста характерна тенденция к усилению религиозного пафоса.

Один из способов такого усиления — выбор того значения многозначного слова, которое относится к религиозному дискурсу. Выбирая значение слова *unction* ‘1) мазь, елей, средство успокоения (бальзам) 2) набожность, благодать, рел. рвение’ [Большой англо-русский словарь, 1979], в примере (13) Гурова повышает регистр речи:

(11) “... there is not another being in the world that has the same pure love for me as yourself — *for I lay that pleasant unction to my soul, Jane, a belief in your affection*” (p. 375). — «Нет на свете ни одного существа, которое бы любило меня такой чистой любовью, как ты, *ибо я, как бальзам, приложил к моей душе, Джейн, эту веру в твою любовь*» (Станевич, с. 331). — «Никто в мире не питает ко мне такой чистой любви, как ты, — *ведь, Джейн, веря в твое чувство ко мне, я умащиваю душу благодатью*» (Гурова, с. 306).

Понятие греха как одно из ключевых понятий религиозного дискурса встречается в переводе «Джейн Эйр» Гуровой чаще, чем в оригинале, где многозначность английских лексем дает возможность двойного толкования. Различие оттенков смысла в переводах (12) определяется многозначностью глагола *to err* ‘1) ошибаться, заблуждаться, 2) грешить’ [Большой англо-русский словарь, 1979]. Станевич, пере-

ведя данный глагол контекстуальным соответствием, подчеркивает внимание героя к чувствам героини, а Гурова — апелляцию героя к религиозным нормам (являются ли те или иные действия грехом).

(12) "... but first, look at me, and tell me that you are at ease, and not fearing that I *err* in detaining you, or that you *err* in staying" (p. 312). — «Но сначала посмотрите на меня и скажите, что вы *чувствуете себя легко* и вас *нисколько не беспокоит*, что я задерживаю вас здесь» (Станевич, с. 272). — «Но прежде посмотрите на меня и скажите, что чувствуете себя свободно и не опасаетесь, что *я грешу*, задерживая вас здесь, а *вы грешите*, оставаясь со мной» (Гурова, с. 255).

В примере (13) переводчицы выбирают разные контекстуальные соответствия прилагательного *wicked* '1) злой 2) нехороший, плохой 4) нечестивый' [Большой англо-русский словарь, 1979]. В данном контексте мы видим реакцию Рочестера на решение Джейн уйти от него, когда она узнала, что он женат. У Станевич он реагирует, исходя из своего субъективного понимания о правильности поступков, а у Гуровой снова апеллирует к понятию греха, хотя в системе ценностей Джейн его предложение жить с ним в качестве любовницы как раз и является греховным.

(13) "Oh, Jane, this is bitter! This — this is *wicked*. It *would not be wicked* to love me" (p. 449). — «О Джейн, это больно! Это... это *неправильно*; *правильно было бы* любить меня» (Станевич, с. 399). — «Джейн, это жестоко! Это... это *грешно*. Любить меня *не было бы грехом*» (Гурова, с. 366).

В отдельных случаях Гурова добавляет в свой перевод слова религиозного дискурса, которых не было в оригинале (ср. пример (9) с «иеремиадой»). Это незначительные детали, как перевод *little room* словом «келья» в 12-й главе или молитвенник вместо приходо-расходной книги в примере (14), но они служат общей цели — насыщению текста романа как можно большим количеством христианских мотивов. В данном примере идет речь об Элизе, кухне Джейн, черствой, педантичной и строго соблюдающей формальные требования религии:

(14) "One day, however, as she put away her *account-book* and unfolded embroidery, she suddenly took her up thus" (p. 337). — «Но однажды, когда она захлопнула свою *приходо-расходную книгу* и принялась за вышивание, она вдруг обратилась к Джорджиане со следующей тирадой» (Станевич, с. 295). — «Однако настал день, когда, отложив *молитвенник* и взяв рукоделие, она внезапно прочла сестре следующую нотацию» (Гурова, с. 275).

Еще один способ достижения этой же цели — увеличение экспрессивности слова по сравнению с оригиналом. Так, в примере (15) Сент-Джон Риверс говорит, что нужно призывать к служению Богу людей, сильных и способных к такому служению, то есть буквально «сказать послание Небес им в уши». В оригинале и двух переводах данная мысль выражена так:

(15) "... to *speak* Heaven's message into their ear" (p. 570). — «...*открывать* им волю небес» (Станевич, с. 509). — «...*прокричать* весть Небес им в уши» (Гурова, с. 462).

Далее рассмотрим характер неточностей, допущенных переводчицами при передаче элементов религиозного дискурса. В примере (16) Бронте сравнивает будущее Джейн после крушения всех ее надежд с обликом мира после всемирного потопы. Станевич воспроизводит данное сравнение. Гурова, желая дать в переводе еще одну, дополнительную аллюзию на библейские тексты, смешивает два сюжета: цитата «земля была безвидна и пуста, и дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2) относится к повествованию о сотворении мира, а не о всемирном потопе.

(16) "No one thought was to be given either to the past or the future. The first was a page so heavenly sweet... The last was an *awful blank*: something like *the world when the deluge was gone by*" (p. 456). — «Ни одной мысли не следовало допускать ни о прошлом, ни о будущем. Прошлое — это была страница такого небесного блаженства... Будущее же было *совершенно пусто*. Оно было как *мир после потопы*» (Станевич, с. 405). — «Ни единой мысли ни о прошлом, ни о будущем. Первое было страницей такой небесной радости... Последняя же страница была *пустой и безвидной, точно мир, когда схлынул потоп*» (Гурова, с. 372).

В примере (17) интерес представляет перевод метафор *tillage of the soil* 'возделывание почвы' и *the first pioneers of the Gospel*, букв. 'первые пионеры/первопроходцы проповеди Евангелия', в речи Сент-Джона Риверса о миссионерстве. Станевич передает смысл оригинала. В переводе Гуровой смешиваются две метафоры: основанная на тексте оригинала «подготовить, вспахать почву для принятия семян христианской веры» (Мф. 13:1–9) и добавленная переводчицей «сеятель слова Божьего» (Мф. 13:3–23). В результате нарушается сочетаемость: можно пахать почву и сеять Слово Божье, но нельзя *пахать Слово.

(17) "I hold that the more arid and unreclaimed the *soil*, where the Christian labourer's task of *tillage* is appointed him — the scantier the meed his toil brings — the higher the honour. His, under such circumstances, is the destiny of the pioneer; and the *first pioneers of the Gospel* were the Apostles — their captain was Jesus,

the Redeemer, Himself” (p. 503). — «Я полагаю, что чем бесплоднее и неблагодарнее *почва*, доставшаяся в удел христианскому *пахарю*, чем хуже награждается его труд, тем больше для него чести. В этом случае его удел — удел пионера, а *первыми пионерами христианства* были апостолы, и главою их был сам Спаситель» (Станевич, с. 448). — «Я утверждаю: чем засушливей и тверже *почва*, которую *вспахать* — долг христианского труженика, тем выше честь. Тогда он уподобляется первопашцу, а *первопашцами Слова Божьего* были апостолы, вел же их сам Иисус Искупитель» (Гурова, с. 410).

Иногда стремление сохранить при переводе интернациональную лексему приводит к тому, что перевод может быть неверно понят читателем в контексте его собственной лингвокультуры: читая пример (18) в переводе Гуровой, можно подумать, что Сент-Джон Риверс — сектант, и этим объясняется его фанатизм.

(18) “I am not a pagan, but a Christian philosopher — a follower of the *sect* of Jesus” (p. 533). — «Я не языческий, а христианский философ — последователь Иисуса» (Станевич, с. 476). — «...я не языческий, но христианский философ — последователь *секты* Иисусовой» (Гурова, с. 434).

В русском языке единственно возможное значение слова *секта* в религиозном дискурсе — религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви [Словарь русского языка, 1999], в то время как с английского языка *sect* может переводиться как ‘1) секта 2) церковь, вероисповедание 3) направление, течение’ [Большой англо-русский словарь, 1979]. В данном случае, по нашему мнению, более уместным, чем «секта», является эквивалент «церковь, вероисповедание» или, поскольку Сент-Джон сравнивает себя с апостолами, проповедовавшими в самом начале христианской эры, «направление, течение» (новое на тот момент течение в религии). Оупущение, которое имеет место в переводе Станевич, также приемлемо, потому что не влечет за собой смысловых потерь.

Пример (19) взят из эпизода, где Рочестер рассказывает о своей жизни на Ямайке в невыносимо жарком климате с сумасшедшей и развратной женой. Сравнение воздуха с парами серы имплицитно сравнивает такую жизнь с Содомом и Гоморрой, на которые Бог в наказание обрушил дождь из огня и серы (Быт. 19:24). Станевич смешивает понятия *сера* и *фосфор*, Гурова точно воспроизводит оригинал:

(19) “The air was like *sulphur*-steams — I could find no refreshment anywhere” (p. 437). — «Мне казалось, что воздух насыщен *фосфором*. Нигде ни одной струйки свежести» (Станевич, с. 387). — «Воздух обжигал, будто *серные* пары, я не обрел желанной прохлады» (Гурова, с. 357).

Итак, в переводе Станевич неточности в передаче смысла элементов религиозного дискурса носят характер случайной погрешности, а в переводе Гуровой, по-видимому, объясняются стремлением сделать русский текст романа как можно более религиозным.

При переводе художественной прозы первой половины XIX века возникает вопрос о передаче архаической окраски и (или) о намеренной архаизации текста перевода. В. О. Бабков, к примеру, предостерегает против стиливого разнобоя, советует избегать слишком ярких красок при архаизации и крайне осторожно использовать старославянизмы, иначе возникает риск разрушить иллюзию достоверности [Бабков, 2022, с. 291]. При чтении романа «Джейн Эйр» в оригинале можно заметить, что язык Бронте не насыщен архаизмами и в целом легко воспринимается читателем XXI века. Смысловая связка «религиозный дискурс — архаичность и высокий регистр речи» намного заметнее в русском языке, чем в английском. В русском языке существуют славянизмы — слова старославянского или церковнославянского происхождения, снабженные в толковых словарях пометами *высок.*, *книжн.*, *устар.*, *поэт.*, *церк.* В английском языке тоже есть слова архаичные или относящиеся к высокому стилю (например, *to behold* ‘созерцать, зреть, лицезреть’), но они не выделяются в особую лексико-стилистическую категорию. Славянизмы широко использует в своем переводе Гурова и, как представляется, преследует при этом две цели: архаизировать текст и усилить его религиозный пафос. Станевич не прибегает к намеренной архаизации.

В примере (20), построенном на антитезе, Станевич переводит *uprightness* ‘честность, справедливость’ [Большой англо-русский словарь, 1979] контекстуальным соответствием *душевная твердость*, а Гурова — лексемой *праведность* в ее устаревшем значении — существительному к *праведный* — ‘1) строго соблюдающий правила религиозной морали; благочестивый; 2) *высок. устар.* справедливый, правильный’ [Словарь русского языка, 1999]. Употребление семантических архаизмов может представлять сложность для понимания, так как читатель воспринимает их в соответствии с общеупотребительным современным значением. В данном случае *праведность (благочестие)* не может быть противопоставлена *сострадательности*.

(20) “... his office of inspector, too, was shared by those who knew how to combine reason with strictness, comfort with economy, compassion with *uprightness*” (p. 124). — «...и свои обязанности инспектора он должен был делить с теми, кто умел сочетать бережливость с благожелательностью и *душевную твердость* с состраданием» (Станевич, с. 101). — «И свою должность инспектора ему

пришлось разделить с теми, кто умел сочетать взискательность с благоразумием, экономность с щедрым обеспечением всем необходимым, *праведность* с сострадательностью» (Гурова, с. 103).

При сопоставлении оригинала и двух переводов можно видеть в оригинале и переводе Станевич общеупотребительную лексику, а в переводе Гуровой — архаизмы высокого регистра речи: *hope* — *надеяться* — *уповать*; *see* — *видеть* — *зреть* (самые частотные), *find* — *найти* — *обрести*, *young persons* — *молодые особы* — *юницы*, *to the glory of God* — *ради славы Божьей* — *к вящей славе Божьей*, *I struggle to retain a useless life* — *борюсь за ненужную жизнь* — *тщусь сохранить никчемную жизнь*, и др. Наиболее яркий пример таких соответствий наблюдается в монологе мистера Брокльхерста — попечителя пансиона и священнослужителя (21).

(21) Brontë: “... her excellent patroness was obliged to separate her from her own *young ones*, fearful that her vicious example should contaminate their purity; she has sent her here to be healed, even as the Jews of old sent their *diseased* to the *troubled* pool of Bethesda; and, teachers, superintendent, I beg you not to allow *the waters* to stagnate round her” (p. 101). — «...ее добрейшая покровительница была вынуждена разлучить ее с собственными *детьми*, чтобы эта девочка своим порочным примером не осквернила их чистоту; она прислана сюда для исцеления, как *в старину* евреи посылали своих *больных* к озеру Вифезда. И вы, наставницы и директриса, прошу вас, — не давайте *водам* застаиваться и гнить вокруг нее» (Станевич, с. 80). — «...ее превосходнейшая покровительница была вынуждена отделить ее от собственных *чад*, дабы ее дурной пример не осквернил их чистоты, и послала ее сюда для исцеления, как *древле* иудеи погружали своих *недужных* в *возмущенные* воды Вифезды, купальни у иерусалимских *врат*. *Молю* вас, учительницы, директриса, не давайте *воде сей* загнить вокруг нее!» (Гурова, с. 84).

Среди стилистически окрашенных лексем — маркеров религиозного дискурса, использованных Гуровой, — наиболее частотное слово *уповать* — ‘устар. и высок. Твердо надеяться на что-л., с надеждой, верой ожидать исполнения, осуществления чего-л.’ [Словарь русского языка, 1999], употребляемое переводчицей как в религиозных контекстах (22), так и в обыденных диалогах героев (23).

(22) “... the spirit, I *trust*, is willing, but the flesh, I see, is weak” (p. 597). — «...я *верю*, что дух ваш бодр, но плоть, как я вижу, немощна» (Станевич, с. 473–474). — «...дух, *уповаю*, готов, но плоть, я вижу, слаба» (Гурова, с. 484).

(23) “... and you, of course, must march straight to — the devil? ‘I *hope* not, sir...’ ” (p. 322). — «...а вы, разумеется, отправитесь ко всем чертям? — *Надеюсь*, нет, сэр» (Станевич, с. 251). — «...а вы, разумеется, должны тут же удалиться... э... ко всем чертям? — *Уповаю*, что нет, сэр» (Гурова, с. 262).

Заключение

Роман «Джейн Эйр» представляет собой своеобразную энциклопедию событий и персоналий Ветхого и Нового Заветов. Многие религиозные аллюзии и прецедентные феномены, упоминаемые в романе, не знакомы рядовому читателю, что поднимает вопрос о необходимости примечаний. Без них невозможно понять содержание романа во всей его полноте, но частое обращение к примечаниям или иным источникам информации в ходе чтения разрушает целостное впечатление от книги. В любом случае можно утверждать, что Гурова, выполнив полный перевод элементов религиозного дискурса, приглашает читателя к исследовательскому чтению, к интеллектуальному труду по расширению кругозора и разгадыванию символики.

Каждый из исследованных переводов «Джейн Эйр» на русский язык — дитя своего времени. Перевод Станевич вышел всего через пять лет после окончания войны (на которой, как известно, атеистов не бывает), когда сталинские гонения на религию ослабли, а недалеко было и до хрущевской оттепели — это сделало возможным сам факт публикации романа в относительно полном переводе. Однако государственная идеология все же оставалась атеистической — отсюда купюры (опущения). Перевод Гуровой выполнен незадолго до распада СССР, во время восстановления прерванной религиозной традиции, когда цензура была упразднена, читатели получили свободный доступ к литературе религиозного содержания, для них было характерно свежее восприятие всего связанного с религией и — как и для самой переводчицы — желание «наверстать упущенное» в религиозной сфере.

В ходе исследования обнаружилось, что у каждой переводчицы — своя система отступлений от оригинального текста. У Станевич — «сохранить главное, жертвуя второстепенным»: сокращение некоторых контекстов религиозного содержания, опущение ряда элементов религиозного дискурса, в том числе употребляемых как фигуры речи. Станевич придерживается стратегии доместикации текста перевода, стремясь сделать его понятным для массового читателя. У Гуровой — «перевести все, и даже больше»: полный перевод элементов религиозного дискурса, добавление религиозных мотивов, отсутствующих

в оригинале, в том числе звучащих иронически; насыщение текста славянизмами; выбор значений, относящихся к религиозному дискурсу, при переводе многозначных слов. Гурова придерживается стратегии форенизации, ее перевод рассчитан на весьма эрудированного читателя. В аннотациях к изданиям романа данный перевод часто называют «самым полным»; добавим, что он более чем полный, и на его примере в очередной раз подтверждается изречение древнеримского писателя Квинтилиана: *facilius est plus facere quam idem* ‘легче сделать более, нежели то же’, цит. по: [Чуковский, 2022, с. 58]. У обеих переводчиц присутствуют как перевод, близкий к оригиналу в содержательном и структурном плане, так и «отсебятина в духе подлинника» (выражение К. Чуковского [Там же, с. 335]), только понимание духа подлинника у каждой свое. Изучение вопроса о соотношении религиозного аспекта романа и его художественной целостности в переводах составляет перспективу исследования.

Список источников

1. Бабков В. О. Игра слов. Практика и идеология художественного перевода. — М. : АСТ : CORPUS, 2022. — 336 с.
2. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2007. — 42 с.
3. Большой англо-русский словарь : в 2 т. / сост. Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян [и др.]. — М. : Рус. яз., 1979.
4. Борисенко А. Л. Расшифровка Шарлотта Бронте. «Джейн Эйр». — URL : <https://arzamas.academy/materials/1820> (дата обращения: 23.11.2023).
5. Бронте Ш. Джейн Эйр : роман / пер. с англ. И. Г. Гуровой. — СПб. ; М. : Речь, 2019. — 528 с.
6. Бронте Ш. Джейн Эйр : роман / пер. с англ. В. О. Станевич. — М. : Эксмо, 2020. — 576 с.
7. Нененко А. А., Панин В. В., Рындина Ю. В. Особенности передачи прецедентных феноменов в переводах романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык // Современные исследования социальных проблем. — 2019. — Т. 11, № 4. — С. 137–158. — DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-137-158.
8. Самородницкая Е. И. «Роман английской гувернантки»: как меняется роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» в переводе И. И. Введенского // Шаги / Steps. — 2022. — Т. 8, № 2. — С. 267–279.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. — URL : <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения: 26.11.2023).
10. Фокс К. Англия и англичане. О чем молчат путеводители. — М. : РИПОЛ классик, 2013. — 512 с.
11. Чуковский К. И. Высокое искусство. — М. : АСТ, 2022. — 480 с.
12. Bronte Ch. Jane Eyre. With an afterword by Sam Gilpin. — NY : Barnes&Noble, 2003. — 650 p.

References

1. Babkov V. O. *Igra slov. Praktika i ideologiya hudozhestvennogo perevoda* [Word play. Practice and ideology of literary translation]. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ., 2022, 336 p. (In Russian).
2. Bobyreva E. V. *Religiozniy diskurs: cennosti, zhanry, strategii (na material pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious discourse: values, genres, strategies (based on Orthodox Christian doctrine)]. Author's abstract of doctoral dissertation: 10.02.19. Volgograd, 2007. 42 p. (In Russian).
3. *Bol'shoy anglo-russkiy slovar'*: v 2 t. [Big English-Russian dictionary: in 2 vols.]. N. N. Amosova, Yu. D. Apresyan [et al.]. Moscow, Russkiy Yazik Publ., 1979. (In Russian).
4. Borisenko A. L. *Deciphering Ch. Brontë. Jane Eyre*. Available at: <https://arzamas.academy/materials/1820> (accessed 23.11.2023). (In Russian).
5. *Brontë Ch. Jane Eyre: roman* [Jane Eyre: novel]. Transl. from Engl. by I. G. Gurova. St. Petersburg, Moscow, Rech Publ., 2019, 528 p. (In Russian).
6. *Brontë Ch. Jane Eyre: roman* [Jane Eyre: novel]. Transl. from Engl. by V. O. Stanevich. Moscow, Eksmo Publ., 2020, 576 p. (In Russian).
7. Nenenko A. A., Panin V. V., Ryndina Yu. V. Peculiarities of transferring precedent phenomena in Russian translations of Jane Eyre by Ch. Bronte. *Sovremenniy issledovaniya social'nyh problem* [Modern studies of social issues]. 2019, vol. 11, no. 4, pp. 137–158. DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-137-158. (In Russian).
8. Samorodnickaya E. I. “Novel by an English governess”: how the novel *Jane Eyre* changes in I. I. Vvedenskiy's translation. *Steps*. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 267–279. DOI: 10.22394/2412-9410-2022-8-2-267-279. (In Russian).
9. *Slovar' russkogo yazika: v 4 t.* [Dictionary of Russian: in 4 vols.]. Ed. by A. P. Evgenyeva. Moscow, Russkiy yazik Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. (In Russian). Available at: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (accessed 26.11.2023).

10. Fox K. *Angliya i anglichane. O chem molchat putevoditeli* [Watching the English. The hidden rules of English behaviour]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2013, 512 p. (In Russian).
11. Chukovsky K. I. *Vysokoye iskusstvo* [High art]. Moscow, AST Publ., 2022, 480 p. (In Russian).
12. Brontë Ch. *Jane Eyre. With an afterword by Sam Gilpin*. NY, Barnes&Noble, 2003, 650 p.

Информация об авторе

Медведева Диана Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики Удмуртского государственного университета.

Information about the author

Medvedeva, Diana — candidate of philology, associate professor, Romance Philology, Second foreign language and Linguodidactics Department, Udmurt State University.

*Статья поступила в редакцию 27.11.2023;
одобрена после рецензирования 02.01.2024;
принята к публикации 15.01.2024.*

*Submitted 27.11.2023;
approved after receiving 02.01.2024;
accepted for publication 15.01.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 81–88.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):81–88.

Научная статья
УДК 81'25
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.010

Роман Даниэля Кельмана *Die Vermessung der Welt* через призму критики перевода

Светлана Юрьевна Потапова

Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль, Россия
potapova@mubint.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу перевода одного из выдающихся немецкоязычных романов современности *Die Vermessung der Welt*. Произведение, написанное Даниэлем Кельманом в жанре переосмысленной формы романа-биографии, повествует о жизни двух гениев немецкой науки – математика и астронома Иоганна Карла Фридриха Гаусса и географа, натуралиста, естествоиспытателя Фридриха Вильгельма Генриха Александра фон Гумбольдта. Русский вариант, предложенный известной переводчицей Г. М. Косарик, проанализирован с позиций критики перевода, позволяющей выявить дискуссионные моменты, поставить их на обсуждение, что в конечном итоге призвано способствовать развитию теории художественного перевода и выработке критериев оценки перевода. Особый акцент сделан на передаче культурно-детерминированной лексики с участием ономастического компонента, чего не делали другие авторы, занимающиеся анализом переводческих особенностей романа Д. Кельмана.

Ключевые слова: критика перевода, ономастическая лексика, реалии, художественный перевод, критерии оценки перевода, теория перевода, топонимы, антропонимы.

Для цитирования: Потапова С. Ю. Роман Даниэля Кельмана *Die Vermessung der Welt* через призму критики перевода // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1(68). С. 81–88. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.010.

Original article

Daniel Kelmann's novel *Die Vermessung der Welt* through the prism of translation criticism

Svetlana Yu. Potapova

International University of Business and New Technologies, Yaroslavl, Russia
potapova@mubint.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the translation of one of the most outstanding German-language novels of our time, *Die Vermessung der Welt*. The work, written by Daniel Kelmann in the genre of a reinterpreted form of a biographical novel, tells the story of the lives of two geniuses of German science – mathematician and astronomer Johann Carl Friedrich Gauss and geographer, naturalist Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander von Humboldt. Carried out by the famous translator G. M. Kosarik, the Russian version of the novel is analyzed from the perspective of translation criticism, which makes it possible to identify controversial issues and put them up for discussion, which is ultimately intended to contribute to the development of the theory of literary translation and the development of translation evaluation criteria. Particular emphasis is placed on the transmission of culturally determined vocabulary with the participation of the onomastic component, which was not done by other authors analyzing the translation features of D. Kelman's novel.

Keywords: translation criticism, onomastic vocabulary, realities, literary translation, translation evaluation criteria, translation theory, toponyms, anthroponyms.

For citation: Potapova S. Yu. Daniel Kelmann's novel *Die Vermessung der Welt* through the prism of translation criticism. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 81–88. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.010.

Введение

Развитие теории и практики перевода было бы невозможно без проведения детального анализа и обоснованной оценки уже имеющихся переводов. Совершенно очевидно, что каждый последующий этап в развитии переводческой науки связан с критическим осмыслением наследия предыдущего периода, который должен основываться не на субъективной оценке из серии «точный/неточный», а на сопоставлении перевода с оригиналом с учетом объективных научных подходов. По этому поводу Н. К. Гарбовский отмечает: «История художественного перевода показывает, что перевод являлся в прошлом и продолжает оставаться в настоящем объектом литературной критики, с присущими ей субъективностью и оценочностью» [Гарбовский, 2004, с. 96].

Под критикой перевода, с нашей точки зрения, следует понимать субъективное восприятие, толкование и оценку художественно-эстетических качеств и передачи оригинального текста в его новом языковом облике. При этом совершенно очевидно, что как филология или стилистика, так и теория и критика перевода немислимы без органического соединения лингвистических и литературоведческих методов.

Как это ни покажется странным, но методы и принципы критики перевода, относящейся как в нашей стране, так и за рубежом к области переводоведения, до сих пор до конца четко не определены и в полной мере не описаны. Стремительное развитие интернет-технологий приводит к тому, что параллельно с научной переводческой критикой соседствует общественный взгляд дилетантов, так как появилась возможность сделать эту сферу критической мысли открытой и доступной для широких слоев населения, когда практически каждый может опубликовать собственный перевод и принять участие в обсуждении переводческих работ других авторов. К сожалению, данная ситуация приводит к тому, что наблюдается стирание границ между профессиональными площадками проведения дискуссий по вопросам критики перевода и любительскими сообществами, не имеющими в принципе никакого отношения к литературно-переводческой деятельности.

В данной статье мы намерены проанализировать особенности перевода романа Даниэля Кельмана (Daniel Kehlmann) *Die Vermessung der Welt* (в русском варианте «Измеряя мир») через призму переводческой критики, призванной обратить внимание на дискуссионные моменты, которые неизбежно присутствуют в любом переведенном на иностранный язык произведении. По справедливому замечанию Я. М. Колкера, лидера отечественной школы художественного перевода, «Художественный перевод — это всегда риск», он «опирается на строгую теорию и на интерпретацию, которая всегда индивидуальна... Переводчик может соглашаться или не соглашаться с интерпретациями коллег, но эти интерпретации помогают ему глубже проникнуть в семантику оригинала» [Колкер, 2014, с. 4].

Основная часть

*Даниэль Кельман и его роман Die Vermessung der Welt:
место и значимость в современной немецкоязычной литературе*

Необходимо отметить, что роман *Die Vermessung der Welt* (в русском переводе «Измеряя мир») Даниэля Кельмана относится к числу наиболее выдающихся немецкоязычных романов современности. С момента выхода романа *Die Vermessung der Welt* в немецком издательстве *Rowohlt* в 2005 году Даниэль Кельман прочно занимает место топового немецкоязычного беллетриста, являясь со времен Патрика Зюскинда, то есть с середины 1980-х годов, самым продаваемым немецкоязычным автором. Роман был в одинаковой степени восторженно воспринят как читателями в разных странах мира, так и литературными критиками, о чем свидетельствуют многочисленные премии, которых удостоен писатель: премия Кандида литературного общества города Миндена (*Candide Preis des Literarischen Vereins Minden*, 2005), премия Генриха Клейста (*Kleist-Preis*, 2006), литературная премия Хаймито фон Додерепа (*Heimito von Doderer-Literaturpreis*, 2006), литературная премия общества Конрада Аденауэра (*Literaturpreis der Konrad-Adenauer-Stiftung*, 2006), литературная премия газеты *Die Welt* (*WELT-Literaturpreis*, 2007), премии Томаса Манна (*Thomas-Mann-Preis*, 2008), а также ряд других международных наград.

Произведение в жанровом отношении является ироническим переосмыслением традиционной формы романа-биографии, своеобразной псевдобιοграфией, некоей исторической реконструкцией. Роман Даниэля Кельмана *Die Vermessung der Welt* посвящен биографии двух гениев немецкой науки конца XVIII — начала XIX веков: великого математика и астронома Иоганна Карла Фридриха Гаусса (*Johann Carl Friedrich Gauß*, 1777–1855) и географа, натуралиста, естествоиспытателя Фридриха Вильгельма Генриха Александра фон Гумбольдта (*Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander von Humboldt*, 1769–1859). Если первый герой за всю свою жизнь ни разу не покинул родного княжества Ганновер и прожил в своем мире, который состоял исключительно из цифр и формул, то второй персонаж, напротив, объехал весь мир, измерил все встретившиеся горы и вершины, моря и океаны, заглянул в каждую пещеру, пропасть и овраг. В романе Кельмана жизненные пути этих двух величайших ученых идут параллельно, тогда как их ценностные ориентиры разнятся, но повествовательные линии героев все же пересекаются, а иногда даже сливаются. Многие эпизоды произведения показывают Гаусса и Гумбольдта в таких ситуациях, что можно говорить об определенном пародийном снижении образа ученого, о постоянной балансировке на грани трагического и комического.

Русская версия романа Даниэля Кельмана «Измеряя мир»

В русском переводе роман под названием «Измеряя мир» появился изначально в издательстве «Амфора» в Санкт-Петербурге в 2009 году, затем пережил там же переиздание в 2013 году, а в 2016-м был напечатан в издательстве «АСТ». Как это ни покажется удивительным, но суммарный тираж этого романа в России составил всего 8 040 экземпляров, что, по сравнению с общемировыми продажами на уровне 6 млн экземпляров (из них около 2,3 млн — в Германии), можно сравнить с каплей в море. Учитывая прославленную тягу русской души к интеллектуальной литературе, явление это крайне странное, поскольку нашим соотечественникам прекрасно знакомы имена великих немецких ученых, о которых идет повествование, а перевод на русский язык осуществлен опытным профессионалом, Галиной Михайловной Косарик, в послужном списке которой — блестящие переводы произведений немецкоязычной художественной литературы, от Фридриха Дюрренматта до Германа Гессе.

Сенсационная популярность романа во всем мире, о чем свидетельствует и то обстоятельство, что произведение переведено на 40 языков, несколько контрастирует с меньшей известностью произведения в России, на что указывалось выше. Однозначный ответ на вопрос, почему творчество Даниэля Кельмана не столь хорошо знакомо русскоязычному читателю и не так популярно в нашей стране, как оно того заслуживает, найти трудно. Можно выдвинуть версию о том, что такова судьба всякой прозы, созданной на утонченной игре литературных аллюзий. Чтобы наслаждаться таким произведением, нужно иметь вкус к хорошей литературе в принципе, узнавать литературные реминисценции, получая от этого определенное филологическое удовольствие, а в идеальном случае — владеть немецким языком, поскольку кое-что в переводе неизбежно теряется.

Вступить в полемику по отдельным спорным вопросам с известным и очень авторитетным переводчиком невозможно, так как Г. М. Косарик, к сожалению, уже нет в живых. Поэтому некоторые дискуссионные моменты, на которые мы намерены обратить внимание в данной статье, призваны лишь

задуматься о поиске наиболее удачных вариантов передачи на русский язык отдельных пассажей романа с позиций повышенных требований к когнитивной и эстетической «комфортности» переводного текста.

Перевод заголовка романа

Представляется дискуссионным перевод названия романа как «Измеряя мир». Отметим, что в романе действительно идет речь об измерении и описании мира, поэтому слово „Vermessung“ может быть переведено в полном соответствии со своим первым значением ‘измерение, обмер, топографическая съемка’, зафиксированном в «Немецко-русском словаре» [Немецко-русский словарь, 1998, с. 907]. В этом случае роман может приобрести название «Измерение мира». Справедливо заметить, что „Vermessung“ может быть переведено и во втором значении как ‘ошибка в измерении, ошибочное измерение’. Второй вариант значения слова дает иную возможную интерпретацию заголовка: человек заблуждается, считая, что возможно «измерить» мир. Таким образом, в названии романа Даниэля Кельмана можно предположить более глубокий философский смысл и косвенно почувствовать мысль о невозможности познать и «измерить» этот мир в полном объеме.

С нашей точки зрения, русский вариант перевода названия романа «Измеряя мир» не передает многозначности заголовка оригинала, так как глагол «измерять» в русском языке моносемичен, и его значение невозможно интерпретировать иным образом, на что справедливо обращает внимание Л. А. Аверкина в своей статье, посвященной анализу перевода данного романа [Аверкина, 2017, с. 63]. Наша гипотеза может подтверждаться высказываниями главных героев романа в отношении познания мира, которые, несмотря на продолжавшиеся всю жизнь исследования, должны были в конечном итоге признать, что так и не смогли понять и постичь его. Александр фон Гумбольдт так высказывается по этому поводу на последних страницах произведения: „...man dürfe die Leistungen eines Wissenschaftlers nicht überschätzen, der Forscher sei kein Schöpfer, er erfinde nichts, er gewinne kein Land, er ziehe keine Frucht, weder säe noch ernte er, und ihm folgten andere, die mehr, und wieder andere, die noch mehr wüßten, bis schließlich alles wieder versinke“ (S. 291. — «...не надо переоценивать заслуги ученых: исследователь не Творец, он ничего не изобретает, не завоевывает земли, не взращивает плодов, не сеет и не жнет, и его примеру следуют другие, которых все больше, а за ними те, кто будет знать еще больше, и так без конца, пока все не обратится в прах» (с. 307)¹. Аналогичной точки зрения придерживается и Карл Фридрих Гаусс, утверждающий в романе: „Die Welt könne notdürftig berechnet werden, aber das heiße noch lange nicht, daß man irgend etwas verstehe“ (S. 220). — «Мир, если понадобится, можно измерить и исчислить, но это еще далеко не означает того, что он будет понят» (с. 231).

Перевод ономастических реалий в романе

Роман Кельмана содержит беспрецедентное количество лексических единиц из разряда реалий, под которыми традиционно понимаются следующие наименования с национально-культурной спецификой: исторические и социальные (события); национально-литературные (прецедентные имена и тексты); национально-материальные (бытовые); культурологические; ономастические.

Основная задача художественного перевода заключается в создании произведения, способного оказать такое же художественное и эстетическое воздействие, как и оригинал. Между тем различия между культурами порою встают на пути переводчика к достижению желаемого результата, так как нередко элементы одной культуры не имеют аналогов в культуре языка перевода. Такие элементы, характерные для одной культуры и чуждые для другой, представляют собой культурно-специфическую лексику, к которой и относятся упомянутые выше реалии. В идеале перевод должен восприниматься читателем как текст на родном языке.

Не имея возможности в рамках небольшой публикации уделить внимание всем видам реалий, остановимся на наименованиях, относящихся к разряду ономастических. Зарегистрированные в произведении имена собственные можно разделить на несколько групп, среди которых преобладают топонимы, обозначающие многочисленные места проживания и пребывания одного из главных героев романа — Гумбольдта, непрерывно перемещавшегося по свету. В качестве иллюстрации широчайшей палитры и географии топонимов приведем названия из самых разных языков и культур, зафиксированные в романе: Kastilien — Кастилия, Helmstedt — Хельмштедт, Veracruz — Веракрус, Pichincha — Пичинча, Rio Negro — Риу-Негру, Santa Fé de Bogota — Санта-Фе-де-Богота, Cartagena — Картахена, die Bank von Neufundland — Ньюфаундлендская банка, die Azoren — Азорские острова, и мн. др.

¹ Оригинал цит. по: [Kehlmann, 2005], перевод цит. по: [Кельман, 2009] с указанием страниц.

Как мы неоднократно подчеркивали, имена собственные отличаются рядом особенностей семасиологического, ономазиологического, коммуникативного, словообразовательного, семантического характера, а в ономастиконе любого языка наблюдается национально-культурная специфика [Потапова, 2004, с. 7]. По образному выражению болгарских ученых С. Влахова и С. Флорина, имя собственное «связано с внеязыковой действительностью бесчисленными нитями-корешками, которые нужно тщательно беречь при пересаживании его в почву другого языка; оборвете корешки, и растение увянет» [Влахов, Флорин, 2009, с. 298].

К сожалению, в отечественной литературе по переводоведению преобладает мнение, что имена собственные несложны для перевода и должны передаваться путем транскрипции или транслитерации. Даже в трудах ведущих отечественных специалистов в области переводоведения комментарии по поводу межъязыковой передачи имен собственных варьируются в скромном диапазоне от нескольких строк до нескольких страниц. Среди современных авторов по переводоведению следует упомянуть Н. К. Гарбовского, посвятившего отдельный раздел «Теории перевода» анализу возможных проблем при передаче имен собственных на другой язык. Ученый справедливо отмечает, что «трудности перевода топонимов делают их приоритетным объектом многих упражнений, нацеленных на подготовку устных переводчиков» [Гарбовский, 2004, с. 483]. Эту точку зрения разделяет также ведущий отечественный специалист в сфере теории и практики перевода И. С. Алексеева, создавшая пособие по контрастивной топонимике, которое по сути является справочным пособием по топонимике для переводчиков [Алексеева, 2000].

Вместе с тем недостаточно внимательное отношение к топонимической лексике при передаче ее на другой язык может привести к неточностям, когда переводчик отдает предпочтение варианту, не являющемуся признанным и устоявшимся в языке перевода. К этой категории относятся следующие примеры, зафиксированные нами в переведенном на русский язык тексте романа:

1) Вулкан „Соторахі“ на русский язык переведен как «Котопакси», хотя в русском языке используется по отношению к самому высокому действующему вулкану Эквадора вариант «Котопахи».

2) Название мексиканского города „Тахсо“ переведено на русский язык транскрипцией «Такско». Между тем в справочных пособиях на русском языке топоним фигурирует в форме «Таско».

Переводчик при межъязыковой передаче топонимов на русский язык чаще всего прибегает к транскрипции, о чем свидетельствует абсолютное большинство примеров из романа: „Warnemünde“ — «Варнемюнде»; „Freyburg an der Unstrut“ — «Фрейбург-на-Унструте»; „Santa Fé de Bogota“ — «Санта-Фе-де-Богота», и т. д.

Справедливости ради, и в указанных выше немногочисленных примерах тоже встречаются спорные случаи: например, „Freyburg an der Unstrut“ в лингвострановедческом словаре [Муравлева, 2011] передается на русский язык как «Фрайбург-на-Унструте». К чести Г. М. Косарик, она смело и точно реагирует на некоторые «топонимические вызовы» в романе и использует другие средства из переводческого арсенала для создания текста, который бы максимально естественно воспринимался на языке перевода, о чем свидетельствуют следующие примеры:

1) Перуанское течение в Тихом океане вдоль берегов Чили и Перу, где был герой романа Александр фон Гумбольдт, называется в оригинале „der Humboldtstrom“. Это течение, названное в честь немецкого ученого Гумбольдта, переводчиком передано на русский язык описательным методом и обозначено как «течение, названное его именем».

2) Для обозначения названий городов и населенных пунктов Г. М. Косарик использует главным образом транскрипцию. В произведении имеется, однако, город „Dorpat“, при передаче которого на русский язык переводчик использовала современное название города «Гарту», что сопровождается специальной сноской.

Вторая многочисленная группа имен собственных представлена антропонимами, относящимися к лицам, с которыми встречаются герои романа, или к известным представителям мира науки, искусства и литературы того времени: Newton — Ньютон, Don Oriendo Casuales — дон Ориендо Казуалес, Immanuel Kant — Иммануил Кант, Euklid — Евклид, Gluck — Глюк, Marco Polo — Марко Поло и т. д.

В силу своих научных интересов к аспекту использования неофициальных именованных лиц, по сути, прозвищных именованных, мы обратили внимание на их наличие в тексте романа и отметили, что Г. М. Косарик удалось в подавляющем большинстве случаев успешно справиться с этим пластом лексики, детерминированным множеством обстоятельств экстралингвистического характера. Так, зафиксированное прозвище Гаусса „Fürst der Mathematiker“ (S. 11) звучит в русском переводе как «Король математики», а не буквально «Князь математиков», как это обозначено в оригинале, поскольку „Fürst“ может означать ‘князь, государь, властелин, правитель’. Предложенный переводчиком вариант в большей степени

соответствует привычному для русского читателя «король чего-либо» (по аналогии с «король музыки», «король вальса» и т. д.). Впрочем, в отдельных русскоязычных источниках встречается и вариант с множественным числом: «Король математиков». Заметим, что прозвища „Fürst der Mathematiker“ Гаусс был удостоен еще при жизни, когда его величали „Princeps Mathematicorum“, в котором компонент «принц» заменен на более привычный для немецкого языка „Fürst“.

То обстоятельство, что роман написан в жанре псевдобиографической прозы, обуславливает наличие в нем существующих в реальности достопримечательностей городов, печатных изданий, названий мифологических героев и литературных произведений: das Schloss Charlottenburg — дворец Шарлоттенбург в Берлине, der Palast von Aranjuez — дворец Аранхуэс, das Gleichnis von Odysseus und den Sirenen — притча об Одиссее и сиренах, Aeneas' Abstieg in die Unterwelt — миф о спуске Энея в подземный мир; существующая и поныне газета *Philadelphia Chronicle*.

Приведем еще один яркий пример, убедительно доказывающий, что перевод реалий предполагает владение переводчиком как языковыми компетенциями, так и знаниями культурного, исторического, лингвострановедческого характера. Одна из сцен романа описывает Капитолий в Вашингтоне, при этом название государственной резиденции Даниэлем Кельманом не упоминается, а приводится только ее описание: „Der Regierungssitz, gerade fertiggestellt und nicht zu Ende gestrichen, war ein klassizistischer Kuppelbau, umgeben von Säulen. Er freute sich, sagte Humboldt, als sie aus der Kutsche stiegen, einmal wieder ein Zeugnis für den Einfluß des großen Winkelmann zu sehen. <...> Am nächsten Tag hatte er, trotz seiner Kopfschmerzen, eine lange Unterredung im elliptisch geformten Arbeitszimmer des Präsidenten“ (S. 213). Как точно отмечает Л. А. Аверкина [Аверкина, с. 66], при описании данного эпизода автор в определенной степени вводит читателей в заблуждение, потому что подразумеваемого под „elliptisch geformten Arbeitszimmer des Präsidenten“ (“Овального кабинета президента”) во время пребывания Александра фон Гумбольдта в Америке в 1804 году еще не существовало, он был построен лишь в 1909 году. То же самое касается и Капитолия, купол у которого появился лишь в 1824 году, то есть спустя 20 лет после пребывания Гумбольдта в Вашингтоне. Справедливо возникает вопрос о том, как следует переводчику обращаться с неточностями, имеющимися в самом оригинале. Заметим, что Г. М. Косарик при передаче этого пассажа сохраняет верность оригиналу: «Правительственная резиденция, только что возведенная и еще не до конца побеленная, была классическим образцом купольного сооружения, окруженного колоннами. <...> На следующий день, несмотря на головную боль, Гумбольдту пришлось выдержать многочасовую беседу в Овальном кабинете президента» (с. 223). В подобной ситуации можно рекомендовать переводчику снабдить принятое решение комментарием, в котором следует сделать примечание по поводу допущенных в оригинальном тексте неточностей или фактических ошибок, чтобы избежать возможных критических упреков в отношении профессионализма переводчика.

Повторим, что пласт лексики, имеющий отношение к ономастике, в романе чрезвычайно велик и нуждается в пристальном внимании и изучении. Не ставя перед собой цели в рамках статьи рассмотреть все аспекты, показавшиеся нам дискуссионными, остановимся еще на некоторых примерах, традиционно вписывающихся в так называемую «критику перевода», когда критерии оценки качества перевода по-прежнему позволяют критиковать переводчика за немотивированные добавления и опущения, а также стилистические и смысловые погрешности.

Приведем без комментариев некоторые фрагменты из немецкого и русского вариантов романа, в которых, с нашей точки зрения, наблюдаются неоправданные переводческие решения, подпадающие под обозначенные выше критерии:

(1) „Ihr Gastgeber wohnte im Packhof Nummer vier“ (S. 14). — «Пригласивший их знаменитый естествоиспытатель проживал недалеко от пакгауза № 4» (с. 14).

(2) „Humboldt durchlief das Kurrikulum der Akademie in einem Vierteljahr“ (S. 30). — «Гумбольдт проскочил его академический курс за четверть года» (с. 30).

(3) „Wenige Monate später war er schon Preußens zuverlässigster Bergwerksinspektor“ (S. 31). — «Несколько месяцев спустя Александр фон Гумбольдт считался самым надежным инспектором горного дела Германии» (с. 31).

(4) „Er blieb ein Jahr und übte“ (S. 38). — «В Зальцбурге Гумбольдт задержался на год, непрерывно упражняясь» (с. 38).

(5) „Er vermaß jeden Salzburger Hügel“ (S. 38). — «Изучил тут все окрестные холмы» (с. 38).

(6) „In Madrid regierte der Minister Manuel de Urquijo“ (S. 42). — «В Мадриде правил первый министр Уркихо» (с. 43).

(7) „Die Reise zur Chaymas Mission führte durch dichten Wald“ (S. 71). — «Дорога к миссионерам вела через джунгли» (с. 72).

(8) „Wurst, sagte Kant.
Bitte?

Der Lampe soll Wurst kaufen, sagte Kant. Wurst und Sterne. Soll er auch kaufen“ (S. 96–97). —
«Чушь, изрек Кант.

Как, простите?

Пальцем в небо! И пусть старик пойдет и купит бублик, сказал еще Кант. И дырку от бублика вместе со звездами!» (с. 100).

(9) „Nackte Indianer in der Kapuzinermission...“ (S. 87). — «Голые индейцы в католической миссии...» (с. 89).

(10) „Intelligent wirkte er dennoch nicht“ (S. 29). — «При все том Вернер не производил впечатление человека интеллигентного» (с. 29).

Приведенные выше примеры мы из прагматических соображений оставили без комментариев, несмотря на то, что все пассажи содержат дискуссионные моменты, которые, с нашей точки зрения, целесообразно обсудить со студентами на занятиях по практике перевода.

Заключение

В качестве заключения к данной статье приведем некоторые выводы, обобщенные профессором Б. А. Лариным в далеком 1962 году в книге «Теория и критика перевода», имеющие прямое отношение к затронутой теме и ни в малейшей степени не потерявшие своей актуальности спустя более полувека.

1. «Всякий перевод должен начинаться с филологического анализа текста, сделанного во всеоружии лингвистической подготовки, и завершаться литературным творчеством».

2. «Критика художественного перевода — дело литературоведов, но невозможно довести ее до успешного результата без лингвистического анализа соотношений оригинала с переводом, ибо основой критики художественного перевода является не вкус, не талант литератора, а строгая теория перевода... <...> Безоружный талант критика, лишенный лингвистической основы, годится только для семейного или дружеского спора о достоинствах перевода» [Теория и критика перевода, 1962, с. 5].

3. Ввиду того что в нашей статье повышенное внимание уделялось дискуссионным вопросам, связанным с трудностью передачи на иностранный язык имен собственных, заставляющих переводчика принимать самостоятельное решение в отношении всех спорных случаев транскрипции топонимов, имен и фамилий, подчеркнем важность радикального решения этого вопроса. С нашей точки зрения, было бы целесообразно создать свод правил правописания русского языка, касающихся транскрипции иноязычных собственных имен и географических названий. Большое научное и неопределимое практическое значение имело бы издание специальных словарей русской транскрипции иноязычных имен и фамилий.

Список источников

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика : учеб. пособие. — СПб. : ИИЯ, 2000. — 192 с.
2. Аверкина Л. А. Анализ романа Даниэля Кельмана *Die Vermeessung der Welt* и его перевода на русский язык // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2017. — Вып. 39. — С. 58–69.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе : моногр. — 4-е изд. — М. : Р. Валент, 2009. — 360 с.
4. Гарбовский Н. К Теория перевода. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 544 с.
5. Кельман Д. Измеряя мир : роман / пер. с нем. Г. Косарик. — СПб. : Амфора : ТИД, 2009. — 319 с.
6. Колкер Я. М. Поэзия и проза художественного перевода. — М. : Гуманитарий, 2014. — 497 с.
7. Муравлева Н. В., Назарова Т. Ю., Муравлева Е. Н. Германия : лингвострановедч. слов. : свыше 500 ед. — М. : АСТ : Астрель, 2011. — 992 с.
8. Немецко-русский словарь. — 5-е изд. — М. : Рус. яз., 1998. — 1040 с.
9. Потапова С. Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе : моногр. — Ярославль : МУБиНТ, 2003. — 276 с.
10. Потапова С. Ю. Переводоведческая ономастика: вызовы преподавателям и лексикографам // Иностранные языки в высшей школе. — 2014. — № 3 (30). — С. 49–53.
11. Теория и критика перевода : сб. науч. ст. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. — 168 с.
12. Kehlmann D. Die Vermessung der Welt. — Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 2005. — 302 S.

References

1. Alekseeva I. S. *Professionalnoe obuzhenie perevodchika: ucheb. posobiye* [Professional translator training: a manual]. St. Petersburg, 2000, 192 p. (In Russian).
2. Averkina L. A. Analysis of Daniel Kehlmann's novel „Die Vermessung der Welt“ and of its translation into Russian. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova* [Bulletin of Nizhegorodsky linguistic university named after N.A. Dobrolyubov]. 2017, iss. 39, pp. 58–69. (In Russian).
3. Vlakhov S., Florin S. *Neperevodimoye v perevode* [The untranslatable in Translation]. 4nd ed. Moscow, R. Valent Publ., 2009, 360 p. (In Russian).
4. Garbovskij N. K. *Teoriya perevoda* [Theory of translation]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 2004, 544 p. (In Russian).
5. Kel'man D. *Izmeriyaya mir: roman* [Measuring the world]. Transl. G. Kosarik. St. Petersburg, Amfora Publ., TID Publ., 2009, 319 p. (In Russian).
6. Kolker Ya. M. *Poeziya i proza hudozhestvennogo perevoda* [Poetry and prose of literary translation]. Moscow, Gumanitarij Publ., 2014, 497 p. (In Russian).
7. Muravleva N. V., Nazarova T. Yu., Muravleva E. N. *Germaniya: lingvostranovedcheskij slovar': svyshe 500 edinic* [Germany. Linguistic and regional dictionary; over 500 entries]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2011, 992 p. (In Russian).
8. *Nemecko-russkij slovar'* [German-Russian Dictionary]. 5nd ed. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1998, 1040 p. (In Russian).
9. Potapova S. Yu. *Nominaciya lica v obihodnom diskurse: monogr.* [Nomination of a person in everyday discourse: monograph]. Yaroslavl', MUBiNT Publ., 2003, 276 p. (In Russian).
10. Potapova S. Yu. Translation studies onomastics: challenges for teachers and lexicographers. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2014, no. 3 (30), pp. 49–53. (In Russian).
11. *Teoriya i kritika perevoda: sbornik nauchnyh statej* [Theory and criticism of translation: A collection of papers]. Leningrad, Izd. Leningr. un-ta Publ., 1962, 168 p. (In Russian).
12. Kehlmann D. *Die Vermessung der Welt*. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt, 2005, 302 S. (In German).

Информация об авторе

Потапова Светлана Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, директор Центра немецкого языка (партнер Гёте-Института) при Международной академии бизнеса и новых технологий; почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Information about the author

Potapova, Svetlana — doctor of philology, professor, director of German Language Center (Partner of Goethe-Institute) Yaroslavl International University of Business and New Technologies; merited educator of Tertiary Education of the Russian Federation.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2024;
одобрена после рецензирования 17.01.2024;
принята к публикации 19.01.2024.*

*Submitted 11.01.2024;
approved after reviewing 17.01.2024;
accepted for publication 19.01.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 89–97.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):89–97.

Научная статья
УДК 81'25
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.011

**Фразеологизм как инструмент прагматической модификации
переводного художественного текста
(на материале первого перевода романа М. Ю. Лермонтова
«Герой нашего времени» на французский язык)**

Евгения Анатольевна Соловьева
Ростов-на-Дону, Россия
e_rossignol@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию и анализу прагматических особенностей использования фразеологических единиц (ФЕ) как средств художественного перевода. Проведенное исследование конкретизирует и систематизирует сведения о прагматическом потенциале ФЕ в контексте изучения индивидуального стиля переводчика. Источником практического материала послужил первый перевод романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык, выполненный родственником поэта А. А. Столыпиным (Монго) (1816–1858) и опубликованный в период с конца сентября по начало ноября 1843 года в парижской газете *La Démocratie pacifique: journal des intérêts des gouvernements et des peuples*. Исследование проведено в русле продукто-ориентированного дескриптивного направления с использованием функционального, лексико-семантического и количественного видов анализа. Для более наглядной экспликации данных использован прием обратного перевода. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу о приверженности переводчика к использованию ФЕ для передачи «свободных» языковых единиц. Установлено, что выявленные ФЕ отличаются семантической вариативностью и служат переводчику для достижения двух основных коммуникативных намерений: внесению в текст субъективных описаний и характеристик, а также актуализации дополнительных иронических смыслов.

Ключевые слова: фразеологическая единица, лингвопрагматика, М. Ю. Лермонтов, А. А. Столыпин (Монго), «Герой нашего времени», перевод, индивидуальный стиль переводчика, французский язык.

Для цитирования: Соловьева Е. А. Фразеологизм как инструмент прагматической модификации переводного художественного текста (на материале первого перевода романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык) // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1(68). С. 89–97. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.011.

Original article

**Phraseologism as a means of pragmatic modification
of translated literary text
(drawing on the case of the initial translation
of Mikhail Lermontov's novel *A Hero of Our Time* into French)**

Evgeniya A. Solovyeva
Rostov-on-Don, Russia
e_rossignol@mail.ru

Abstract. The paper focuses on describing and analyzing pragmatic features of phraseological units as a means of literary translation. It helps to concretize and systematize knowledge about the pragmatic potential of phraseological units within the context of translator's individual style. The data for this scrutiny is drawn from the first French translation of Mikhail Lermontov's novel *A Hero of Our Time*. The translation was made by the poet's relative Alexei Arkadyevich Stolypin (Mongol) (1816–1858) and appeared between the end of September and the beginning of November 1843 in the Parisian newspaper *La Démocratie pacifique: journal des intérêts des gouvernements et des peuples*. The product-oriented descriptive approach combined to functional, semantic, contextual and quantitative analysis shapes the framework for this research. The back translation complements the presentation of collected data. The analysis shows that the translator has a tendency to employ phraseologisms for rendering “free” language units. The phraseological units used by A. A. Stolypin are distinguished by their semantic variability and it enables the translator to achieve two main communicative goals: 1) introducing some subjective descriptions and characteristics; 2) adding ironic meanings. Further in-depth scrutiny of the pragmatic features of phraseological units in translated texts seems to be promising.

Keywords: phraseological units, linguopragmatic studies, M. Lermontov, A. A. Stolypin (Mongol), *A Hero of Our Time*, translation, translator's individual style, French language.

For citation: Phraseologism as a means of pragmatic modification of translated literary text (drawing on the case of the initial translation of Mikhail Lermontov's novel *A Hero of Our Time* into French). *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 89–97. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.011.

Введение

В настоящее время фразеология как научная дисциплина переживает значительные изменения, которые связаны со всё более мультидисциплинарным характером накопленных знаний. Одним из актуальных направлений исследований остается изучение функционирования фразеологических единиц (далее — ФЕ) в различных коммуникативных условиях с точки зрения лингвопрагматики (см., напр.: [Панфилова, 2019 ; Полякова, 2020 ; Кравцов, Прохорова, 2022]) — дисциплины, ставящей во главу угла субъектов коммуникации, их восприятие используемых языковых знаков и окружающего мира. Это, в частности, касается художественных текстов, которые выражают не только эстетические, но и прагматические установки автора, нацеленные на читателя как на адресата сообщения [Перехватова, 2011 ; Ломакина, 2018].

Перечисленные положения сохраняют свою значимость и для дескриптивных переводоведческих исследований. Их актуальность определяется все возрастающим интересом к изучению проблем художественного перевода в контексте анализа индивидуального стиля переводчика как субъекта коммуникации, способного изменять текст перевода в зависимости от собственных языковых навыков, социокультурного опыта и прагматических интенций. Перечисленным вопросам посвящены труды Н. К. Гарбовского (2008), Д. В. Псурцева (2012), Золяна С. Т. (2020), А. Berman (1995), S. Bassnett, A. Lefevere (1998), J. Munday (2008), G. Saldanha (2011, 2014), G. Touri (2012), L. Venuti (1995, 2022) и многих других исследователей.

Так, Дж. Мандей говорит о важности анализа фразеологической составляющей (phraseological plane of point of view) исходных и переводных текстов, относя ФЕ к лингвистическим маркерам (linguistic markers) индивидуального стиля [Munday, 2008, pp. 24–27]. Однако, поскольку ФЕ обладают сложной денотативной и коннотативной структурой с заметным преобладанием экспрессивной и оценочно-характеризующей семантики [Телия, 1996, с. 148–151 ; Мокиенко, 2003, с. 190], представляется очевидным, что решение обозначенной проблемы невозможно без анализа семантической составляющей фразеологизма и контекста его использования как в исходном, так и в переводном текстах.

Наряду с этим, несмотря на многочисленные исследования в области фразеологии, остается неразрешенной основополагающая проблема дефиниции ФЕ. Вслед за учеными, разделяющими широкий взгляд на фразеологию (см., напр.: [Кунин, 1996 ; Makkaï 1972]), под ФЕ мы понимаем относительно устойчивое, воспроизводимое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением, которое может иметь как структуру словосочетания, так и предложения. Данная трактовка позволяет включить в понятие ФЕ не только словосочетания, имеющие различную степень устойчивости (см., напр.: [Виноградов, 2001, с. 27–35 ; Mejri, 2005]), но также некоторые лексикализованные сочетания и синтаксические конструкции, обладающие семантической целостностью [Лыскова, 2008 ; Mel'čuk, 2021].

Цель настоящего исследования состоит в описании и анализе прагматических особенностей использования ФЕ как средства художественного перевода. Источником языкового материала послужил первый перевод романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык, который был выполнен родственником поэта Алексеем Аркадьевичем Столыпным (Монго) (1816–1858). Выбор данного перевода обусловлен его крайне малой изученностью, временем издания и личностью переводчика — свидетеля жизни и творчества автора. Публикация перевода осуществлена в форме романа с продолжением в период с конца сентября по начало ноября 1843 года в рубрике «Фельетон» парижской газеты *La Démocratie pacifique: journal des intérêts des gouvernements et des peuples* [La Démocratie pacifique, 1843]. Отметим, что, по замыслу редакции [Ibid., Т. 1, № 1], рубрика *Feuilleton de la Démocratie pacifique* отличалась разнообразием: она, в частности, посвящалась театральным новостям, изящным искусствам, докладам Академии наук, литературно-философским трудам, сельскому хозяйству, муниципальным проблемам, а также публикации романов-фельетонов, то есть романов с продолжением.

В качестве оригинального текста использовалось русскоязычное издание романа 1843 года [Лермонтов, 1843].

Исследовательскую выборку сформировали 43 микроконтекста, в которых перевод «свободной» (не фразеологизированной) языковой единицы осуществлен при помощи фразеологизма. По нашему мнению, такой подход позволяет более четко объективизировать позицию переводчика

по отношению к использованию ФЕ, а также отчасти дополняет нашу работу о переводческих добавлениях [Соловьева, 2023]. Для более наглядной экспликации рассматриваемых примеров использован прием обратного перевода. Исследование выполнено в рамках продукто-ориентированного дескриптивного направления (см.: [Munday, 2016, pp. 10–11]) с привлечением функционального, лексико-семантического, контекстуального и количественного видов анализа.

Работа вносит определенный вклад в методологию изучения индивидуального стиля переводчика и функционирования ФЕ в переводном тексте.

Основная часть

Анализ практического материала свидетельствует о том, что наиболее часто фразеологизмы, используемые для перевода «свободных» языковых единиц, служат переводчику для субъективного описания и характеристики различных контекстуальных ситуаций, представленных в исходном тексте. В полученной нами выборке доля таких ФЕ составляет около 65 %. Обратимся к нескольким примерам (при цитировании ¹ сохранена орфография источников; курсив здесь и далее наш. — Е. С.):

Столыпин	Лермонтов	Обратный перевод
(1) Je n'ai jamais aimé à recevoir chez moi ; mais aujourd'hui ma maison est toujours remplie ; on y dîne, on y soupe, on y joue, et l'influence de mon champagne tient en échec la puissance magnétique de ses regards. (Т. 1, № 75)	Я всегда ненавидѣлъ гостей у себя: теперь у меня каждый день полонъ домъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, играютъ — и, увы, мое шампанское торжествуетъ надъ силою магнетическихъ ея глазокъ! (ч. 2, с. 41)	Я никогда не любил принимать у себя; но сегодня мой дом всегда полон; здесь обедают, здесь ужинают, здесь играют, и влияние моего шампанского противодействует магнетической силе ее взглядов.

В приведенном контексте для перевода текстоформы *торжествует* Столыпин обращается к ФЕ *tenir en échec* (досл. 'держатъ в проигрыше' — ставить препятствия, противодействовать, противостоять) [Rey, Chantreau, 1989, p. 445]. Избранное переводчиком решение более детально характеризует действие как процесс, однако такую трактовку следует признать достаточно субъективной, поскольку перевод без обращения к ФЕ не представляет объективных затруднений и может быть, например, выполнен при помощи глагола *triumpher (de)*. (Отметим также, что включение в перевод конкретизирующей лексики *influence* ('влияние, воздействие') привносит дополнительный иронический оттенок, эксплицитно не выраженный в оригинале.)

Схожая тенденция субъективной модификации высказывания обнаруживается и в других случаях:

Столыпин	Лермонтов	Обратный перевод
(2) — Avouez pourtant, lui dis- je, que sans eux [проводников] nous serions dans de mauvais draps (Т. 1, № 63).	«Признайтесь, однако» сказалъ я, «что безъ нихъ намъ было бы хуже» (ч. 1, с. 71).	— Признайтесь, однако, — ему сказал я, — что без них мы попали бы в переплет ...
(3) Je continuai mes récits ; j'étais en verve. J'avais des mots spirituels jusqu'à la bêtise ; mes épigrammes sur les promeneurs enlevaient la pièce (Т. 1, № 74).	Я не умолкалъ: мои анекдоты были умны до глупости, мои насмѣшки надъ проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... (ч. 2, с. 39)	Я продолжал свои рассказы; я был в ударе. Я произносил слова, остроумные до глупости; мои эпиграммы на прогуливающихся были жестоки и злы.

Присутствующая в (2) ФЕ *être dans de mauvais draps* ('находиться в очень плохой или опасной ситуации') содержит коннотативную референцию на саван или одежду из белой ткани, в которую в период Античности и в Средние века одевали людей, подвергающихся публичному позору или осмеянию [Rey, Chantreau, 1989, p. 432]. Использование фразеологизма переводит достаточно сдержанный авторский стиль в более эмоциональный регистр речи и за счет внутренней формы ФЕ коннотативно усугубляет негативную характеристику описываемой ситуации. Решение переводчика тоже следует отнести

¹ Перевод А. А. Столыпина цит. по: [La Démocratie pacifique] с указанием тома и номера газеты, оригинальный текст цит. по: [Лермонтов, 1843] с указанием части издания и страницы.

к субъективно мотивированным. Альтернативный перевод, в частности, возможен путем использования таких сочетаний, как: *se trouver / être dans une situation encore plus pénible; se trouver / être dans une situation encore plus mauvaise; avoir plus de difficultés*, и т. д.

Третий фрагмент интересен не только использованием сразу двух ФЕ, *être en verve* и *enlever la pièce*, но и некоторой неточностью воспроизведения последней ФЕ. Дополняя глагол *continuer* выражением *être en verve* ('быть в ударе; блистать') [Trésor de la langue ...], переводчик придает большую эмоциональность и демонстративность поведению героя. Что касается ФЕ *enlever la pièce*, служащую для передачи авторского суждения «злы до неистовства», то более привычным вариантом данного фразеологизма стало бы словосочетание *emporter la pièce* (досл. 'уносить, отсекал кусок, фрагмент чего-либо'), которое подчеркивает идею резкости высказывания или насмешки [Grand Dictionnaire Universel ... , 1870, p. 477 ; Trésor de la langue ...], тогда как выражение *enlever une pièce* отсылает, скорее, к театральному лексикону и имеет значение 'блестяще исполнять пьесу' [Dictionnaire de la langue française]. Добавим, что в наши дни более употребительным синонимом ФЕ *emporter la pièce* является словосочетание *à l'emporte-pièce* [Rey, Chantreau, 1989, p. 461 ; Thuillier, 2002]. Существительное *emporte-pièce* (m) обозначает инструмент для нарезки или штамповки чего-либо. Варианты перевода без обращения к ФЕ: *être méchant jusqu'à la cruauté; être méchant jusqu'à (en) devenir violent* и т. д.

Дополнительное экспрессивное маркирование может также достигаться благодаря возможности одновременного буквального и переносного прочтения языковых единиц, как это происходит в контексте (4):

Столыпин	Лермонтов	Обратный перевод
(4) Les chevaux étaient sur les dents ; nous étions gelés... (Т. 1, № 63).	Лошади измучились, мы продрогли... (ч. 1, с. 69)	Лошади были измучены; мы замерзли...

Основой ФЕ *être sur les dents* ('изнемогать от усталости; сбиваться с ног') [Rey, Chantreau, 1989, pp. 390–391 ; Dictionnaire de L'Académie française, 1835, p. 512] служит аналогичное «свободное» словосочетание, понятное современникам, которое наглядно описывает опирающуюся от усталости зубами на удила лошадь [Le Traducteur, 1831, p. 141]. Перевод без употребления ФЕ может быть реализован при помощи таких пассивных конструкций, как: *être fatigué; être harassé; être exténué de fatigue*, и т. д.

Лексикализованные сочетания, хотя и занимают периферическую зону фразеологии, тем не менее тоже способны в ряде случаев акцентировать прагматические намерения говорящего.

Столыпин	Лермонтов	Обратный перевод
(5) Jusqu'à dix heures, nous battîmes en vain les joncs et les buissons. Pas plus de sangliers que dans cette chambre. J'avais beau dire : « Allons-nous-en ! Pourquoi nous opiniâtrer contre la mauvaise fortune ? c'est un jour de malheur. » (Т. 1, № 64)	До десяти часовъ шныряли по камышамъ и по лѣсу, — нѣтъ звѣря. «Ей, не воротиться ли?» говорилъ я. «Къ-чему упрямитесь? Ужъ видно, такой задался несчастный день!» (ч. 1, с. 88).	До десяти часов мы тщетно блуждали по камышам и кустам. Кабанов было не больше, чем в этой комнате. Напрасно я говорил: «Пойдемте отсюда! К чему нам упорствовать против невезения? Это несчастный день».

Наряду с лексическими добавлениями *pas plus ... que dans cette chambre* и *contre la mauvaise fortune*, устойчивое сочетание *avoir beau faire qch* ('напрасно, тщетно делать что-либо') [Dictionnaire de L'Académie française ; Trésor de la langue ...] дополнительно характеризует действие персонажа и за счет форманта *beau*, выполняющего функцию наречия, коннотативно усиливает экспрессивность высказывания. Последнее подтверждает мнение В. Н. Телия о важности коннотативного значения при реализации экспрессивной функции ФЕ [Телия, 1996, с. 109].

Помимо добавления субъективной характеристики, использование фразеологизмов позволяет Столыпину изменять авторский текст за счет включения иронического компонента. Количество таких решений достигает в нашей выборке примерно 15 %. Например:

Столыпин

(6) Dans la première pièce, une bougie fixée dans une assiette de bois éclairait mon cosaque qui, oubliant mes ordres, *dormait du sommeil des justes*, en tenant son fusil des deux mains (Т. 1, № 69).

Лермонтов

Въ снѣхъ трещала догорѣвшая свѣча въ деревянной тарелкѣ, и казакъ мой, вопреки приказанію, спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками (ч. 1, с. 172).

Обратный перевод

В первой комнате свеча, закрепленная в деревянной тарелке, освещала моего казака, который, забыв мои приказания, спал сном праведников, держа винтовку обеими руками.

В процитированном фрагменте ФЕ *dormir du sommeil du/des juste(s)* придает фразе заметный иронический оттенок и одновременно характеризует поведение персонажа, который спит сном праведников, забыв приказания офицера. Вариант перевода без использования ФЕ: *dormir d'un profond sommeil* ('спать глубоким сном').

Нижеследующий контекст тоже служит демонстрацией включения в перевод иронической составляющей, которая реализуется за счет употребления ФЕ *de conserve* ('вместе, сообща') в совокупности с причастием настоящего времени глагола *naviguer* ('плыть, осуществлять навигацию'). Отметим, что этимологически лексема *conserve* (f) обозначает в данном случае эскортный корабль [Trésor de la langue ...]. Прочитируем:

Столыпин

(7) Dans les allées, formées par des berceaux de vigne, apparaissait et s'éclipsait tour-à-tour quelque léger chapeau de paille *naviguant de conserve* avec un bonnet militaire, ou avec l'un de ces odieux chapeaux ronds dont la forme réalise si admirablement l'alliance du laid et de l'absurde... (Т. 1, № 73)

Лермонтов

Подъ виноградными аллеями, покрывающими скать Машука, мелькала порою пестрая шляпка любительницы уединения вдвоемъ, потому что всегда возлѣ такой шляпки я замѣчала или военную фуражку, или безобразную круглую шляпку (ч. 2, с. 6).

Обратный перевод

На аллеях, образованных виноградными арками, то появлялась, то исчезала какая-нибудь легкая соломенная шляпа, которая плыла рядом с военной фуражкой или с одной из тех отвратительных круглых шляп, форма которых так превосходно воплощает сочетание безобразного и абсурдного.

Прибегая к термину, заимствованному из лексикона морского дела (*naviguer de conserve*) [Rey, Chantreau, 1989, p. 308], Столыпин преобразует текст при помощи метафоры, представляя собственное видение описываемой ситуации. Использование сочетания *se déplaçant à côté de* позволило бы избежать фразеологизма и сохранить предложенное переводчиком решение. Рассмотрим еще один пример:

Столыпин

(8) Il y a bien ici des sociétés de dames, mais quelle distraction chercher auprès de femmes qui jouent le whisky, s'habillent mal et *écorchent le français*? (Т. 1, № 73)

Лермонтов

Женскія общества есть; только отъ нихъ небольшое утѣшеніе: онѣ играютъ въ вистъ, одѣваются дурно, и ужасно говорятъ по-французски (ч. 2, с. 12).

Обратный перевод

Дамские общества здесь действительно есть, но какое развлечение искать рядом с женщинами, которые играют в вист, одеваются дурно и коверкают французский?

Окказиональная ФЕ *écorcher le français* (досл. 'сдирать шкуру с французского'), построенная по модели *écorcher une (la) langue* ('плохо говорить, писать на каком-либо языке, коверкать, уродовать язык') [Dictionnaire de L'Académie française ... , 1835, p. 604; Trésor de la langue ...], тоже позволяет переводчику иронически маркировать высказывание персонажа. Замена повествовательной фразы риторическим вопросом преследует аналогичные цели. Альтернативный перевод возможен при помощи сочетаний: *parler horriblement le français; parler fort mal le français; parler affreusement le français, parler difficilement le français* и т. д.

Несмотря на то, что обращение к ФЕ обычно не приводит к существенным смысловым отклонениям от оригинального текста, в отдельных случаях возможны более заметные модификации:

Столыпин

(9) — Eh bien, puisque personne ici ne veut prendre sa défense, il faut que nous mettions sa bravoure à l'épreuve: ça nous amusera.
— Oui, mais qui est-ce qui se charge d'*attacher le grelot*? (Т. 1, № 89)

Лермонтов

— Господа! никто здѣсь его не защищаетъ? Никто? тѣмъ лучше! Хотите испытать его храбрость? Это васъ позабавить...
— «Хотимъ; только какъ?» (ч. 2, с. 144)

Обратный перевод

— Что ж, так как никто здесь не хочет выступить в его защиту, нужно, чтобы мы подвергли испытанию его храбрость: это нас позабавит.
— Да, но кто же возьмет на себя инициативу в этом деле?

Во фрагменте (9) переводчик не только полностью изменяет пропозициональное содержание последней реплики, но также за счет использования ФЕ *attacher le grelot* (досл. ‘привязать бубенчик’ — брать на себя почин в рискованном деле; привлекать внимание к опасности) отсылает к известной басне Жана де Ла Фонтена «Совет Крыс» (*Conseil tenu par les Rats*) [Rey, Chantreau, 1989, p. 618], чем привносит в цитируемый контекст иронические коннотации и субъективную оценку, отсутствующие в оригинале.

В следующем контексте, добавляя ФЕ *coup d'épingle* (досл. ‘булавочный укол’ — шпильки, колкости) [Rey, Chantreau, 1989, p. 481] к глаголу *assassiner*, Столыпин несколько саркастически интерпретирует контекстуальное содержание высказывания:

Столыпин	Лермонтов	Обратный перевод
(10) ...je vous prie sérieusement d'une chose, c'est de prendre un couteau et de m'égorger tout de suite, la première fois que la fantaisie de m'assassiner à coup d'épingles vous passera par la tête (Т. 1, № 78).	...вась прошу не шутя: когда вамъ вздумается обо мнѣ говорить дурно, возьмите лучше нож и зарѣжьте меня (ч. 2, с. 101).	...я вас серьезно прошу об одной вещи, а именно взять нож и перерезать мне горло сразу же, как только вам придет в голову прихоть убить меня колкостями.

В остальных случаях использование ФЕ имеет преимущественно нейтральный характер по отношению к исходному тексту и не приводит к его заметным изменениям в переводе. Это в основном касается таких сочетаний, как: *faire connaissance, faire la cour à, se faire une idée, faire plaisir à, faire semblant de* [Rey, Chantreau, 1989, pp. 306, 343, 652, 927, 1058], и т. д. Например:

Столыпин	Лермонтов	Обратный перевод
(11) Les jeunes gens d'ici l'ont surnommé Méphistophélès, il fait semblant d'être contrarié de ce surnom ; mais en réalité son amour-propre en est flatté (Т. 1, № 74).	Молодежь прозвала его Мефистофелемъ; онъ показывалъ, будто сердился за это прозвание, но въ самомъ дѣлѣ оно льстило его самолюбію (ч. 2, с. 25).	Здесьняя молодежь прозвала его Мефистофелем, он делает вид, что он обижается на это прозвище; но в реальности его самолюбие этим польщено.

Еще одним примером может послужить заимствованная из вокабуляра военной сферы ФЕ *coucher (qqn) en joue* (‘целиться (в кого-либо); находиться в позиции для стрельбы’) [Rey, Chantreau, 1989, p. 672 ; Le Robert Dico en ligne]:

Столыпин	Лермонтов	Обратный перевод
(12) Casbitch s'arrêta en effet pour écouter, croyant sans doute qu'on voulait entrer en pourparlers avec lui. Mon grenadier le coucha en joue... fit feu... et le manqua... (Т. 1, № 64)	Казбичъ остановился въ-самомъ-дѣлѣ, и сталъ вслушиваться: вѣрно думалъ, что съ нимъ заводятъ переговоры, — какъ не такъ!.. Мой гренадеръ <i>приложился</i> ... баць!... мимо... (ч. 1, с. 80)	Казбич в самом деле остановился, чтобы послушать, полагая, несомненно, что с ним хотят вступить в переговоры. Мой гренадер прицелился в него... выстрелил... и промахнулся...

Являясь фразеологическим синонимом глагола *viser* (‘целить; метить’) и выступая контекстуальным эквивалентом текстоформы *приложился*, использованная переводчиком ФЕ не привносит в текст каких-либо существенных экспрессивных или характеризующих смыслов по сравнению с оригиналом.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о приверженности переводчика, избирающего прагматически маркированную стратегию, к использованию фразеологизмов для передачи «свободных» языковых единиц. Выявленные ФЕ отличаются семантической вариативностью и, благодаря своим денотативным и коннотативным особенностям, служат Столыпину для достижения двух основных коммуникативных намерений: внесению в текст субъективных описаний и характеристик, содержащих зачастую заметный эмоциональный компонент, а также актуализации дополнительных иронических смыслов. Причем первая интенция является превалирующей, что косвенно подтверждает мнение исследователей о доминировании экспрессивной и оценочно-характеризующей составляющей в денотативной и коннотативной структуре ФЕ.

Наряду с этим можно утверждать, что обращение к фразеологизму как средству художественного перевода во многом обусловлено личными предпочтениями Столыпина, его креативностью, а также свободным владением образными средствами переводящего языка, что в совокупности позволяет рассматривать данный прием как проявление индивидуального стиля переводчика.

Учитывая вышесказанное, представляется перспективным дальнейшее изучение прагматических особенностей фразеологизмов в переводных текстах.

Список источников

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. — 4-е изд. — М. : Рус. яз., 2001. — 720 с.
2. Гарбовский Н. К. Перевод как художественное творчество // Вестник Московского университета. Сер. 22, Теория перевода. — 2010. — № 3. — С. 4–16.
3. Золян С. Т. О семиотических характеристиках возможных теорий перевода // Вопросы языкознания. — 2020. — № 1. — С. 65–83.
4. Кравцов С. М., Прохорова А. П. Лингвопрагматический потенциал фразеологии. — Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2022. — 155 с.
5. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. — 2-е изд. — М. : Высш. шк., 1996. — 381 с.
6. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. — СПб. : В тип. Ильи Глазунова и К°, 1843. — Ч. 1–2.
7. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль : моногр. — М. : РУДН, 2018. — 244 с.
8. Лыскова Т. В. Перифраза как единица промежуточной зоны // Вестник Вятского государственного университета. — 2008. — Т. 2, № 4. — С. 39–42.
9. Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. — М. : Флинта, 2003. — 462 с.
10. Панфилова Е. Г. Прагматика номинативных фразеологизмов разной частеречной принадлежности (на материале русского, белорусского и немецкого языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, № 3. — С. 305–309.
11. Перехватова Е. И. Дискурсивно-прагматический потенциал фразеологизмов в художественном тексте // European Social Science Journal. — 2011. — № 4. — С. 75–82.
12. Полякова С. Е. Прагматический потенциал фразеологизмов в политической коммуникации // Язык и культура в эпоху глобализации. — 2020. — С. 82–86.
13. Псурцев Д. В. Насколько «прозрачным» может быть «непрозрачный» переводчик? (К постановке проблемы идиостиля переводчика художественной литературы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2012. — № 642. — С. 187–196.
14. Соловьёва Е. А. Переводческое добавление как средство актуализации дискурсивной личности переводчика в первом переводе романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык // Дискурс профессиональной коммуникации. — 2023. — Т. 5, № 4. — С. 79–96.
15. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. — М. : Языки рус. культуры, 1996. — 287 с.
16. Bassnett S., Lefevere A. Constructing cultures: Essays on literary translation. — Clevedon : Multilingual Matters, 1998. — 168 p.
17. Berman A. Pour une critique des traductions: John Donne. — P. : Gallimard, 1995. — 278 p.
18. Dictionnaire de L'Académie française. — VIe éd. — P. : Firmin-Didot, 1835. — Т. 1. — 911 p.
19. Dictionnaire de la langue française. — P. : Larousse. — URL : <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/enlever/29652> (дата обращения: 12.12.2023).
20. La Démocratie pacifique : journal des intérêts des gouvernements et des peuples. — 1843. — URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32755585p/date> (дата обращения: 07.02.2023).
21. *Grand Dictionnaire Universel Du XIX e Siècle: Français, Historique, Géographique, Mythologique, Bibliographique, Littéraire, Artistique, Scientifique, Etc, Etc...* — P. : Pierre Larousse. Administration du grand dictionnaire universel, 1870. — Т. 8. — 1237 p.
22. Le Traducteur, Or, Historical, Dramatic, & Miscellaneous Selections from the Best French Writers, on a Plan Calculated to Render Reading and Translation Peculiarly Serviceable in Acquiring the French Language. — 1831. — 436 p.
23. Le Robert Dico en ligne. — URL : <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/coucher> (дата обращения: 12.12.2023).

24. Makkai A. *Idiom Structure in English*. — The Hague ; Paris : Mouton, 1972. — 372 p.
25. Meiri S. Figement absolu ou relatif : la notion de degré de figement. *Linx. Revue des linguistes de l'université Paris X Nanterre*. — 2005. — № 53. — Pp. 183–196.
26. Mel'čuk I. Morphemic and syntactic phrasemes // *Yearbook of phraseology*. — 2021. — Т. 12, № 1. — Pp. 33–74.
27. Munday J. *Introducing translation studies: Theories and applications*. — 4th ed. — NY : Routledge, 2016. — 376 p.
28. Rey A., Chantreau, S. *Dictionnaire des expressions et locutions*. — P. : Le Robert, 1989. — 1322 p.
29. Saldanha G. Translator style: Methodological considerations // *The Translator*. — 2011. — Т. 17, № 1. — Pp. 25–50.
30. Saldanha G. Style in, and of, Translation // *A companion to translation studies / S. Berman, & C. Porter (eds.)*. — 2014. — Pp. 95–106.
31. Thuillier F. À l'emporte-pièce: De la métaphore à l'outil // *Langue française*, 2002. — Pp. 111–125.
32. TLFi — Trésor de la langue Française informatisé. — URL : <http://atilf.atilf.fr/> (дата обращения: 12.12.2023).
33. Toury G. *Descriptive translation studies: And beyond*. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2012. — 350 p.
34. Venuti L. *The translator's invisibility. A History of Translation*. — L. ; NY : Routledge, 1995. — 353 p.
35. Venuti L. *World literature and translation studies // The Routledge companion to world literature*. — Routledge, 2022. — Pp. 129–139.

References

1. Vinogradov V. V. *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (The Grammatical doctrine of the word)]. 4th ed. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2001, 720 p. (In Russian).
2. Garbovsky N. K. Translation as artistic creativity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22, Teoriya perevoda* [Bulletin of Moscow University. Ser. 22, Theory of Translation]. 2010, no. 3, pp. 4–16. (In Russian).
3. Zolyan S. T. On semiotic characteristics of possible theories of translation. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2020, no. 1, pp. 65–83.
4. Kravtsov S. M., Prokhorova A. P. *Lingvopragmaticheskij potencial frazeologii* [Linguistic and pragmatic potential of phraseology]. Rostov-on-Don, RGEU (RINH) Publ., 2022, 155 p. (In Russian).
5. Kunin A. V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka* [Course of phraseology of modern English language]. 2nd ed. Moscow, Higher School Publ., 1996, 381 p. (In Russian).
6. Lermontov M. Yu. *Geroy nashego vremeni* [A Hero of Our Time]. Ilya Glazunov and K^o, 1843, vol. 1–2. (In Russian).
7. Lomakina O. V. *Frazeologiya v tekste: funkcionirovanie i idiosstil: monogr.* [Phraseology in the text: functioning and idiostyle: monograph]. Moscow, RUDN Publ., 2018, 244 p. (In Russian).
8. Lyskova T. V. Periphrase as a unit of the intermediate zone. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University]. 2008, vol. 2, no. 4, pp. 39–42. (In Russian).
9. Mokienko V. M. *Obrazy russkoj rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech: historical and etymological essays on phraseology]. Moscow, Flinta Publ., 2003, 462 p. (In Russian).
10. Panfilova E. G. Pragmatics of nominative phraseological units of different parts of speech (on the material of Russian, Belarusian and German languages). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. 2019, vol. 12, no. 3, pp. 305–309. (In Russian).
11. Perehvatova E. I. Discursive-pragmatic potential of phraseological units in a literary text. *European Social Science Journal*. 2011, no. 4, pp. 75–82. (In Russian).
12. Polyakova S. E. Pragmatic potential of phraseological units in political communication. *Yazyk i kul'tura v epohu globalizacii* [Language and culture in the era of globalization]. 2020, pp. 82–86. (In Russian).
13. Psurtsev D. V. How “invisible” can a “visible” translator be? (Articulation of issue: idiostyle of a literary translator). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. 2012, no. 642, pp. 187–196. (In Russian).
14. Solovyeva E. A. Translation by Addition as a Tool of Unveiling the Discursive Identity of the Translator in the Initial Rendering of Mikhail Lermontov's *A Hero of Our Time* Into French. *Diskurs professional'noj kommunikacii* [Professional Discourse & Communication]. 2023, vol. 5, no. 4, pp. 79–96. (In Russian).
15. Telia V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i kul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and cultural aspects] Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996, 287 p. (In Russian).

16. Bassnett S., Lefevere A. *Constructing cultures: Essays on literary translation*. Multilingual Matters, 1998, 168 p.
17. Berman A. *Pour une critique des traductions: John Donne*. Paris, Gallimard, 1995, 278 p. (In French).
18. *Dictionnaire de L'Académie française*. VIe éd. Paris, Firmin-Didot, 1835, T. 1, 911 p.
19. *Dictionnaire de la langue française*. Paris, Larousse. Available at: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/enlever/29652> (accessed 12.12.2023).
20. *La Démocratie pacifique* : journal des intérêts des gouvernements et des peuples, 1843. Available at: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32755585p/date> (accessed 07.02.2023). (In French).
21. *Grand Dictionnaire Universel Du XIX e Siècle: Français, Historique, Géographique, Mythologique, Bibliographique, Littéraire, Artistique, Scientifique, Etc, Etc...* Paris, Pierre Larousse. Administration du grand dictionnaire universel, 1870, T. 8, 1237 p. (In French).
22. *Le Traducteur, Or, Historical, Dramatic, & Miscellaneous Selections from the Best French Writers, on a Plan Calculated to Render Reading and Translation Peculiarly Serviceable in Acquiring the French Language*, 1831, 436 p.
23. *Le Robert Dico en ligne*. Available at: <https://dictionnaire.lerobert.com/definition/coucher> (accessed 12.12.2023). (In French).
24. Makkai A. *Idiom Structure in English*. The Hague-Paris, Mouton, 1972, 372 p.
25. Mejri S. Figement absolu ou relatif: la notion de degré de figement. *Linx. Revue des linguistes de l'université Paris X Nanterre*. 2005, no. 53, pp. 183–196. (In French).
26. Mel'čuk I. Morphemic and syntactic phrasemes. *Yearbook of phraseology*. 2021, vol. 12, no. 1, pp. 33–74.
27. Munday J. *Introducing translation studies: Theories and applications*. 4th ed. NY, Routledge, 2016, 376 p.
28. Rey A., Chantreau S. *Dictionnaire des expressions et locutions*. Paris, Le Robert, 1989, 1322 p. (In French).
29. Saldanha G. Translator style: Methodological considerations. *The Translator*. 2011, vol. 17, no. 1, pp. 25–50.
30. Saldanha G. Style in, and of, Translation. *A companion to translation studies*. S. Berman, & C. Porter (eds.). 2014, pp. 95–106.
31. Thuillier F. À l'emporte-pièce: De la métaphore à l'outil. *Langue française*. 2002, pp. 111–125. (In French).
32. Trésor de la langue Française informatisé. Available at: <http://atilf.atilf.fr/> (accessed 12.12.2023). (In French).
33. Toury G. *Descriptive translation studies: And beyond*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ. Comp., 2012, 350 p.
34. Venuti L. *The translator's invisibility. A History of Translation*. L., NY, Routledge, 1995, 353 p.
35. Venuti L. World literature and translation studies. *The Routledge companion to world literature*. Routledge, 2022, pp. 129–139.

Информация об авторе

Соловьева Евгения Анатольевна — кандидат филологических наук, независимый исследователь.

Information about the author

Solovyeva, Evgeniya — candidate of philology, independent researcher.

*Статья поступила в редакцию 12.01.2024;
одобрена после рецензирования 29.01.2024;
принята к публикации 02.02.2024.*

*Submitted 12.01.2024;
approved after receiving 29.01.2024;
accepted for publication 02.02.2024.*

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 98–105.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):98–105.

Научная статья
УДК 81'42 +81'255.4+378
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.012

Лингвистические характеристики точек когнитивного напряжения (ТКН) при переводе поэтического текста

Валентин Николаевич Степанов

Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль, Россия
stepanov@mubint.ru

Наталья Сергеевна Ерёмкина

Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль, Россия
ns.eremina@edu.mubint.ru

Аннотация. В рамках данной работы предпринимается попытка осмыслить лингвистические характеристики языковых явлений в точках когнитивного напряжения (ТКН), маркированных переводчиком (носителем вторичной англоязычной языковой личности) и читателем (носителем первичной англоязычной языковой личности) переводного поэтического текста. Объектом исследования являются точки когнитивного напряжения в переводном поэтическом тексте, а предметом — лингвистические признаки языковых явлений в ТКН. Целью исследования служит систематизация лингвистических признаков ТКН, выявленных в рассматриваемом языковом материале на каждом из выделенных уровней организации поэтического текста. В рассматриваемых текстах в рамках контрольной рецепции переводчиком выделен языковой корпус, состоящий из 70 ТКН — 35 русскоязычных и 35 англоязычных языковых единиц, классифицируемых по четырем уровням организации поэтического текста (лексический, грамматический, ритмический, рифмопоэтический). Процентное соотношение лингвистических характеристик ТКН выглядит следующим образом: самой значительной оказалась доля ТКН на лексическом уровне (43 %), второй по количеству — доля ТКН на уровне ритмической организации поэтического текста (26 %), на уровне грамматики доля ТКН составила 17 %, а на рифмопоэтическом уровне — 14 %. Как показало проведенное исследование, большинство проанализированных переводческих трансформаций относится к лексическому уровню (~67 %), самой частотной из них является модуляция (58 %). Значительное количество грамматических переводческих трансформаций (~33 %) объясняется тем, что в русском и английском языках разный грамматический строй. Менее частые случаи отдельных переводческих трансформаций объясняются уровневой организацией поэтического текста и, соответственно, уровневой детерминированностью ТКН. В целом следует отметить выявленную закономерность, которая заключается в том, что при переводе поэтических текстов используются такие переводческие трансформации, которые позволяют повысить эквивалентность перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, поэтический текст, языковая личность, переводчик, рецепция, точки когнитивного напряжения.

Для цитирования: Степанов В. Н., Ерёмкина Н. С. Лингвистические характеристики точек когнитивного напряжения (ТКН) при переводе поэтического текста // Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1(68). С. 98–105. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.012.

Original article

Linguistic characteristics of cognitive tension points (CTP) in translated poetic texts

Valentin N. Stepanov

International Academy of Business and New Technologies, Yaroslavl, Russia
stepanov@mubint.ru

Natalia S. Eremina

International Academy of Business and New Technologies, Yaroslavl, Russia
ns.eremina@edu.mubint.ru

Abstract. Within the framework of this research, an attempt is made to comprehend the linguistic features of speech phenomena at points of cognitive tension (CPT), marked by the translator (a secondary English language speech personality) and the reader (a primary English language speech personality) of the translated poetic text. The object of the study is the points of cognitive

tension in the translated poetic text, and the subject is the linguistic attributes of the phenomena marked as CPT. The purpose of the study is to systematize the linguistic features of CPTs identified in the corpus under consideration at each of the identified levels of organization of a poetic text. In the texts under consideration, as part of the control reception, the translator identified a language corpus consisting of 70 CPT as follows: 35 Russian-language and 35 English-language units, classified into four levels of poetic text organization (lexical, grammatical, rhythmic, rhyming). The percentage of CPT is as follows: the most significant is the share of CPT at the lexical level (43 %), the second largest is the share of CPT at the level of rhythmic organization of the poetic text (26 %), at the grammatical level the share of CPT is 17 %, and at the rhyme-poetic level 14 %. As the study of the features of linguistic units in CPT showed, the majority of the analyzed translation transformations relate to the lexical level (~67 %), the most frequent of them is modulation (58 %). A significant number of grammatical translation transformations (~33 %) is determined by the fact that the Russian and English languages have different grammatical structures. Less frequent cases of individual translation transformations are explained by the level organization of the poetic text and, accordingly, by the level determination of CPT. In general, the identified pattern is that, in translation of poetry, the transformations employed make it possible to increase the equivalence of the translation.

Keywords: literary translation, poetic text, speech personality, translator, reception, points of cognitive tension, CPT.

For citation: Stepanov V. N, Eremina N. S. Linguistic characteristics of cognitive tension points (CTP) in translated poetic texts. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 98–105. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.012.

Проблематизация

Отечественное переводоведение на современном этапе активно развивает идеи, заложенные теоретиками и практиками в XX веке [Бархударов, 1975 ; Рецкер, 2006 ; Комиссаров, 2020], обращается к своей истории [Потапова, 2018, 2023], осмысливает общие и частные вопросы перевода [Сдобников, 2015 ; Поликарпов, 2017 ; Новикова, Махортова, Митягина, Ковалевский, 2018 ; Бабаян, Богданова, 2019 ; Степанов, 2019 ; Stepanov, 2021].

Школа художественного перевода профессора Якова Моисеевича Колкера в Рязанском государственном университете имени С. А. Есенина вносит огромный вклад в разработку теоретических и прикладных вопросов перевода всех родов литературы: поэзии [Колкер, 2014, 2017], прозы [Марьяновская, 2015, 2022], драмы [Логина, 2023]. Профессор Колкер, вслед за Андреем Белым, рассматривает «формосодержание» в качестве *единого стержня художественного перевода* и формулирует шесть *идеологических постулатов*, связанных с организацией и реализацией художественного перевода [Колкер, 2017].

Особый исследовательский интерес вызывает восприятие (рецепция) художественного текста, в частности *рецепция поэтического текста* носителями языка — первичной и вторичной языковыми личностями [Халеева, 1989].

В ходе эксперимента, описанного нами ранее [Степанов, Ерёмкина, 2023], рецепция художественного перевода представлена в результате интроспекции (самоанализа) вторичной языковой личностью переводчика (*контрольная рецепция*) и первичной языковой личностью носителя иностранного языка (*экспериментальная рецепция*) при восприятии поэтического текста в оригинале и на языке перевода. Переводчиком и носителями языка маркировались трудности в восприятии (рецепции) переводимого и переведенного — переводного-поэтического — текста, названные *точками когнитивного напряжения* (ТКН), которые выделены на четырех уровнях поэтического текста (лексическом, грамматическом, ритмическом и рифмопоэтическом) в соответствии с уровнями языка (в описании стадий перевода в работе переводчика-медиатора и переводчика-поэта). Таким образом, под *точками когнитивного напряжения* в данной работе понимаются *языковые единицы*, которые вызвали затруднения в рецепции и при переводе лексических, грамматических, ритмических и рифмопоэтических явлений поэтического текста.

Корпус точек когнитивного напряжения (ТКН) сформирован тремя способами:

во-первых, переводчиком (первичной русскоязычной языковой личности (далее — ЯЛ)) в ходе *контрольной* рецепции в рамках *предпереводческого* анализа переводимого поэтического текста на русском (язык оригинала) и английском (язык перевода) языках;

во-вторых, читателями, носителями первичной англоязычной ЯЛ в ходе *экспериментальной* рецепции в рамках *постпереводческого* анализа переводного поэтического текста на английском языке (язык перевода);

в-третьих, переводчиком (первичной русскоязычной ЯЛ) в ходе *контрольной* рецепции в рамках *постпереводческого* анализа переводного поэтического текста на английском языке (язык перевода).

Исследование

В рамках данной работы предпринимается попытка осмыслить корреляцию лингвистических признаков и переводческих характеристик языковых явлений в точках когнитивного напряжения (ТКН), маркированных переводчиком (носителем первичной русскоязычной ЯЛ) и читателями (носителями вторичной англоязычной ЯЛ) в ходе эксперимента. Объектом исследования являются точки когнитивного напряжения в переводном поэтическом тексте, а предметом — лингвистические признаки и переводческие характеристики языковых явлений в ТКН.

Целью исследования служит систематизация лингвистических признаков и переводческих характеристик ТКН, выявленных в рассматриваемом языковом материале на каждом из выделенных уровней организации переводимого и переведенного (переводного) поэтического текста.

В качестве языкового материала исследования рассматриваются шесть поэтических текстов [Ерёмина], три из которых являются русскоязычными, а три — англоязычными. В рассматриваемых текстах в рамках контрольной рецепции переводчиком выделен языковой корпус, состоящий из 70 точек когнитивного напряжения — 35 русскоязычных и 35 англоязычных языковых единиц, классифицированных по четырем уровням организации поэтического текста (лексический, грамматический, ритмический, рифмопоэтический).

Лингвистические характеристики языковых единиц, представленных в ТКН, распределены по четырем уровням организации поэтического текста. Процентное соотношение ТКН выглядит следующим образом: самой значительной оказалась доля ТКН на *лексическом* уровне (43 %), второй по количеству — доля ТКН на уровне *ритмической* организации поэтического текста (26 %), на уровне *грамматики* доля ТКН составила 17 %, а на *рифмопоэтическом* уровне — 14 %.

Языковые единицы, выявленные во всех ТКН, охарактеризованы с точки зрения использованных *переводческих трансформаций*. В рамках данной работы фрагментарно используются классификации переводческих трансформаций, предложенные Л. С. Бархударовым, Я. И. Рецкером, В. Н. Комиссаровым [Бархударов, 1975 ; Рецкер, 2006 ; Комиссаров, 2020]. Переводческие трансформации в данном случае обладают самостоятельной объяснительной силой и помогают осмыслить маркированные переводческие трудности с опорой на контекст, обусловленный не только собственно лингвистическими параметрами смысловых и формальных отношений между лексическими единицами, но и концептосферой всего стихотворения.

Группа *лексических* переводческих трансформаций представлена примерами *модуляции, генерализации, калькирования, добавления, опущения* и *антонимического* перевода. Последний относится к лексическим трансформациям, согласно классификации Я. И. Рецкера и вопреки классификации В. Н. Комиссарова, в соответствии с логикой рассматриваемого языкового материала, где антонимия прослеживалась именно на лексическом уровне.

К группе *грамматических* переводческих трансформаций отнесены *грамматические замены формы слова и членов предложения, перестановки*, а также *членение предложений*.

Ниже приведены поэтические тексты, на материале которых проведено исследование (цит. по: [Ерёмина]).

Текст 1

Старый бог посмотрел в бинокль и прикрыл глаза,
Блудный сын не вернется, он понял, чужбина слаще.
Он остался ни с чем, сердце — взлетная полоса
Для дурацких идей — поет всё и редко плачет.

The Old God looks through his binoculars, closes his eyes,
His prodigal son won't come back, new lands are better.
He got empty-handed, but his heart makes all arise
Lord's new handiworks, which him always have to gladden.

Старый бог опять нахмурился и вздохнул:
Где же Лот, почему не вывели из Содомы (10),
Где жена его, соль, где *голос последних труб* (3)?
Где же Лазарь? Да как его не застали дома?

The Old God again knits his eyebrows, then deeply sighs:
“Where's Lot, and *why has not he been taken out of Sodom* (10),
And where is his salt wife, and where are *last trumpets' sounds* (3)?
Where's Lazarus? How can he ever be not at home?”

Мир казался не тем, чем должен был, в общем, быть
(11).

The world seems to differ much from what it should have been
(11).

То ли это стекло очков запотело жутко,
То ли этот *проект* лучше было не воплотить (9),
А залить формалином — дурная, по сути, шутка.

So, maybe his eyeglasses have got completely fogged up,
Or possibly *Old God should not have fulfilled indeed*
His project (9). It was an idea to be demolished.

Старый бог *слеповато* (5) шурится *на зарю* (14),
Вот и первый трамвай блеснул синеватым боком:
«Ну, иди ты себе, кому же я *говорю*» (14).
Под холодною коркой миру привычно плохо (4).

The Old God squints *blindishly* (5) into the *dawning sun* (14),
He sees the first street-car's side in the distant bluing:
"Hey, you, go ahead! Tell me who I'm *talking to*" (14).
The world is still hurt even under the shroud it securing (4).

Текст 2

Любящий слово есть негодяй, по сути,
Ты-де декомпозируешь с ним и бога.
Я исписала много листов до *sunt* и
Sunt добираясь, так постигая много (1).

Frankly, one who loves words is a plain scoundrel,
Like you are dissecting God analysing them.
I wrote so many sheets spending them in studying
Moving from "sunt" to "sum", learning a great deal (1).

Ты превращаешь воду в вино на пристани,
Стань и иди; да только воду сковало
Льдом у меня в груди. Осень приходит быстро,
На город сбрасываясь одеялом (2).

You change water into wine sitting at the pier,
Say: "Get up and walk". But the water inside me is
Bound, turning into ice. Autumn's coming nearer
Ready to throw on the city the gown of its leaves (2).

Я потеряла (8) вновь улицу, на которой
Знаю по камешку каждый дом, но (13)
Ночью все кошки серы, и с серой порохом
Потянуло по воздуху. Так бездомно (6, 13),

Over again I barely found (8) the street though
Knowing inside and out every single house (13)
In it. Air in the night had the reek of gunpowder
Mixed up with sulphur. Hooked on the spire, (13),

Шпиль зацепив, луна бродит волком,
Только не оставляй меня, слышишь, только
Не окажись полым, не откажись только.
Месяц серпом вспарывает левый бок мне.

The moon wanders round homelessly (6) like a wolf.
Don't let me down, and don't turn out to be weaker,
Don't look so coldly keeping from me aloof.
The moon rips open my left side with a sickle.

Текст 3

Все слова запутались между нами.
Твое «верь» — протянутая рука,
Всё мое «люблю» — замолчать, пусть зная,
Что добавить в споре наверняка (7).

All the words are jumbled and lost between us,
You say "trust" by showing your open hands,
I say "love you" shutting up in the middle
Of our argument, *having ten points left* (7).

Сомневаюсь, что на одном наречии
Говорим с тобой. В звуковом чаду
Твоя «речь» как «горечь», «обречь» как «встреча», —
Я не знаю, что ты имел в виду.

I'm not sure that we speak the same one language
As we shuffle meanings when using words.
You say "care" like "burden" and "best" like "average",
I'm confused about guessing what you stand for.

Я молчу, слова навязают илом,
Оседают тяжко на языке.
Я отмерю каждое, слышишь, милый,
Превращая в *камень* (12) в своей руке.

I stay silent with all my words inside me,
They are heavy, withering on my tongue.
I will weigh them, and let's clarify it,
They are *weapons* (12) for one to whom they belong

Результаты исследования ТКН на лексическом уровне

При переводе ТКН на лексическом уровне поэтического текста использовались следующие лексические и грамматические переводческие трансформации: *модуляция* (44 %), *добавление* (14 %), *замена формы слова* (11 %), *замена члена предложения* (8 %), *перестановка* (8 %), *калькирование* (6 %), *опущение* (6 %), *антонимический перевод* (3 %).

Среди переводческих трансформаций, которые использованы в ТКН на лексическом уровне поэтического текста, *модуляция* оказалась наиболее частотной (44 %). Примером модуляции в (1) служит перевод словосочетания «постигая много» — "learning a great deal", в котором определительное наречие «много» переведено при помощи коллокации "a great deal" с тождественным значением. Выбор более длинной формы обусловлен соблюдением стихотворного размера и благозвучности текста.

Доля следующей по частотности трансформации — *добавления* — составила 14 %. Использование добавления при переводе объясняется структурными различиями английского и русского языков.

Например, в (2) при переводе строк «Осень приходит быстро, / На город сбрасываясь одеялом» добавление притяжательного местоимения обусловлено грамматически: “Autumn’s coming nearer, / Ready to put on the city the gown of its leaves”.

Две рассмотренные выше переводческие трансформации относятся к лексическим, а замены формы слова (8 %) и замены члена предложения (8 %) — к грамматическим переводческим трансформациям.

Замена формы слова и мена числа у обоих существительных во фрагменте (3) «голос последних труб» и его переводе “last trumpet’s sounds” обусловлены традицией при переводе библеизма. Замена члена предложения при переводе строки (4) «Под холодную коркой миру привычно плохо» — “The world is still hurt even under the shroud it securing” объясняется меной односоставного безличного предложения на двусоставное предложение в пассивном залоге. В данном случае слово «мир», которое в русскоязычном предложении является дополнением, в переводе входит в грамматическую основу в качестве подлежащего.

Самостоятельные доли переводческих трансформаций представляют калькирование (6 %), опущение (6 %) и антонимический перевод (3 %). Калькирование встречается при переводе (5) лексемы «слеповато» (“blindishly”) с использованием суффикса *-ish*, означающего неполноту признака, при переводе лексемы (6) «бездомно» (“homelessly”) с использованием суффикса *-less*, маркирующего отсутствие признака, и словообразующего суффикса *-ly*. Опущение встречается при переводе строки (7) «Что добавить в споре наверняка» — “having ten points left”, где ради соблюдения ритмической структуры строки опущено наречие образа действия «наверняка». Примером антонимического перевода выступает перевод лексемы (8) «потеряла» — “barely found” (“едва нашла”), что объясняется контекстуально.

ТКН на грамматическом уровне

При переводе ТКН на уровне грамматической организации поэтического текста использовались следующие лексические и грамматические переводческие трансформации: *модуляция* (27 %), *замена формы слова* (27 %), *замена части речи* (20 %), *генерализация* (~7 %), *добавление* (~7 %), *опущение* (~7 %) и *перестановка* (~7 %).

Общеизвестно, что английский язык по структурной организации относится к аналитическим, а русский язык — к синтетическим языкам. Например, односоставное безличное предложение (9) «[ему] лучше было не воплотить [проект]» переводится двусоставным предложением “[he] should not have fulfilled [his project]», при этом происходит мена ролей грамматического подлежащего и дополнения.

ТКН на ритмическом уровне

Для перевода ТКН на ритмическом уровне использовались следующие лексические и грамматические переводческие трансформации: *модуляция* (39 %), *замена формы слова* (13 %), *опущение* (13 %), *генерализация* (~9 %), *замена члена предложения* (~9 %), *добавление* (~9 %) и *перестановка* (~9 %).

Перевод ТКН на ритмическом уровне организации поэтического текста представлен *модуляцией* (39 %), что объясняется сохранением ритмической структуры поэтического текста с помощью лексических средств. Модуляция применяется, например, чтобы сохранить ритмическую организацию и стихотворный размер строки при переводе фрагмента (7): «... зная, / Что добавить в споре наверняка» — “Of our argument, having ten points left”. Выражение «зная, что добавить» переведено при помощи конструкции “to have something left” и в данном контексте выступает в качестве функциональной замены, или модуляцией. В данном фрагменте встречается *добавление* числительного “ten” («десять») и *опущение* наречия «наверняка», обусловленные сохранением ритмической организации поэтического текста.

Равные доли занимают замена формы слова (13 %) и опущение (13 %). Замена формы слова в отрывке (10) «почему не вывели из Содома» — “and why has not he been taken out of Sodom” объясняется тем, что аналитическая форма настоящего совершенного времени (в английском языке) при переводе на русский язык передается синтетически — простым глаголом прошедшего времени, что объясняется различиями в грамматическом строе языков. При переводе фрагмента (11) «Мир казался не тем, чем должен был, в общем, быть» — “The world seems to differ much from what it should have been” опущена вводная конструкция «в общем», которая оказалась избыточной в ритмической структуре строки.

Около 9 % переводческих трансформаций приходится на *генерализацию*, *замену члена предложения*, *добавление* и *перестановку*. Генерализация, например, используется при переводе лексемы «камень» (12) гиперонимом “weapons”, обеспечивающим благозвучие в переводе. Аналогичным образом

другие упомянутые выше переводческие трансформации обеспечивают сохранение ритмической целостности поэтического текста при переводе.

ТКН на рифмопоэтическом уровне

При переводе ТКН на рифмопоэтическом уровне использовались следующие лексические и грамматические переводческие трансформации: *модуляция* (42 %), *членение предложения* (17 %), *добавление* (17 %), *замена формы слова* (8 %), *опущение* (8 %) и *перестановка* (8 %).

При переводе ТКН на рифмопоэтическом уровне наибольшую группу переводческих трансформаций составляют *модуляции* (42 %), это объясняется тем, что при переводе рифмы лексические единицы часто подвергаются целостному переосмыслению.

Другой частотной переводческой трансформацией является членение предложений (17 %), которое возникает, например, при переводе анжамбемана. Стилистический прием анжамбемана аккумулирует на себе когнитивное напряжение, поскольку не является привычной синтаксической конструкцией. Примером перевода рифмы, расположенной на границе анжамбемана, является фрагмент «каждый дом, но» — «Так бездомно» (13), в качестве эквивалента которой используется англоязычная рифма “single house” — “on the spire”.

Добавления составляют 17 % переводческих трансформаций рифмопоэтических конструкций, однако это обусловлено структурой и грамматикой английского языка. К примеру, при переводе рифмы «на зарю» — «говорю» как “dawning sun” — “talking to” в (14) к глаголу “talk” добавлен требуемый послелог “to”.

Равные доли (8 %) занимают замены формы слова, опущения и перестановки, однако их количество незначительно.

Заключение

Как показало проведенное исследование лингвистических признаков языковых единиц в ТКН при переводе поэтического текста, большинство примененных переводческих трансформаций относятся к лексическому уровню (~67 %), а самой частотной из них является модуляция (~58 %), что объясняется, как верно отметила Е. Г. Логинова, *интерсемиотической* природой художественного перевода. Лексические средства традиционно чаще используются для передачи художественных образов. Значительное количество грамматических переводческих трансформаций (~33 %) объясняется тем, что у русского и английского языков разный грамматический строй.

Менее частые случаи применения «специфичных» переводческих трансформаций объясняются уровневой организацией поэтического текста и, соответственно, уровневой принадлежностью ТКН. В ТКН на лексическом уровне применялись лексические трансформации (калькирование (6 %), антонимический перевод (3 %)), а в ТКН на рифмопоэтическом уровне — связанные с синтаксической организацией поэтического текста грамматические трансформации. Следует отметить, что рифма, не являясь основным конструктивным элементом поэтического текста, часто обуславливает переводческие трансформации, используемые при переводе языковых единиц на разных уровнях поэтического текста.

В целом следует отметить выявленную закономерность, которая заключается в том, что при переводе поэтических текстов используются такие переводческие трансформации, которые позволяют повысить эквивалентность перевода.

Список источников

1. Бабаян В. Н. Богданова О. Ю. К вопросу о специфике перевода текстов научно-технической тематики // Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны. — 2019. — № 1 (4). — С. 119–124.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М. : Международ. отношения, 1975. — 240 с.
3. Колкер Я. М. Поэзия и проза художественного перевода : моногр. — М. : Гуманитарий, 2014. — 496 с.
4. Колкер Я. М. Эстетическое сопереживание и выбор идеологии художественного перевода // Иностранные языки в высшей школе. — 2017. — Вып. 3 (42). — С. 59–67.
5. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода / предисл. М. Я. Цвиллинга. — 5-е изд, стер. — М. : ЛЕ-НАНД, 2020. — 176 с.

6. Логинова Е. Г. К вопросу о трансформации пьесы в спектакль: от трансмутации и транскодификации к рекуррентности и резонансу // Критика и семиотика. — 2023. — № 1. — С. 398–418.
7. Марьяновская Е. Л. Предпереводческий анализ как инструмент обучения художественному переводу : учеб.-метод. пособие. — СПб. : Алеф-Пресс, 2015. — 114 с.
8. Марьяновская Е. Л. «Легкое дыхание» прозы и его сохранение в переводе // Иностранные языки в высшей школе. — 2022. — Вып. 4 (63). — С. 91–97.
9. Ерёмина Н. С. : страница // Стихи.ру : сайт. — URL : <https://stihi.ru/avtor/natanika2002> (дата обращения: 14.10.2023).
10. Поликарпов А. М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. — 2017. — Т. 16, № 3. — С. 6–17.
11. Потапова С. Ю. Профессия переводчика: романтика и будни // Иностранные языки в высшей школе. — 2018. — Вып. 2 (45). — С. 106–117.
12. Потапова С. Ю. Военный переводчик в истории российского переводоведения // Иностранные языки в высшей школе. — 2023. — Вып. 1 (64). — С. 78–85.
13. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. — [2-е изд., стер.]. — М. : Р. Валент, 2006. — 237 с.
14. Сдобников В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход). — М. : Флинта : Наука, 2015. — 112 с.
15. Степанов В. Н. Переводческая проксемика: позиция сидя // Мир русскоговорящих стран. — 2019. — № 2 (2). — С. 71–77.
16. Степанов В. Н., Ерёмина Н. С. Точки когнитивного напряжения в рецепции поэтического текста // Организационная психолингвистика. — 2023. — № 2 (22). — С. 87–104.
17. Новикова Э. Ю., Махортова Т. Ю., Митягина В. А., Ковалевский Р. Л. Устный перевод: сопровождение иностранной делегации : учеб. пособие с аудиоприлож. : нем. яз. — М. : Р. Валент, 2018. — 232 с.
18. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иностранной речи (Подготовка переводчиков). — М. : Высш. шк., 1989. — 236 с.
19. Stepanov V. N. Ontology of transgressive social media // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. — 2021. — № 26 (4). — Pp. 641–648.

References

1. Babayan V. N., Bogdanova O. Yu. On the issue of the specifics of translating texts on scientific and technical topics. *Vestnik Yaroslavl'skogo vysshego voyennogo uchilishcha protivovozdushnoy oborony* [Bulletin of the Yaroslavl Higher Military School of Air Defense]. 2019, vol. 1, no. 4, pp. 119–124. (In Russian).
2. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* [Language and translation (Issues of general and particular theory of translation)]. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya Publ., 1975, 240 p. (In Russian).
3. Kolker Ya. M. *Poeziya i proza khudozhestvennogo perevoda* [Poetry and prose of literary translation]. Moscow, Gumanitariy Publ., 2014, 496 p. (In Russian).
4. Kolker Ya. M. Aesthetic empathy and the choice of ideology of literary translation. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign languages in higher education]. 2017, vol. 3, no. 42, pp. 59–67. (In Russian).
5. Komissarov V. N. *Lingvistika perevoda* [Linguistics of translation]. Moscow, LENAND Publ., 2020, 176 p. (In Russian).
6. Loginova Ye. G. On the issue of transforming a play into a performance: from transmutation and transcodification to recurrence and resonance. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics]. 2023, vol. 1, pp. 398–418. (In Russian).
7. Mar'yarovskaya Ye. L. *Predperevodcheskiy analiz kak instrument obucheniya khudozhestvennomu perevodu: uchebno-metodicheskoye posobiye* [Pre-translation analysis as a tool for teaching literary translation: study guide]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2015, 114 p. (In Russian).
8. Mar'yarovskaya Ye. L. “Easy breathing” of prose and its preservation in translation. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign languages in higher education]. 2022, vol. 4 (63), pp. 91–97. (In Russian).
9. Yeremina N. S.: page. *Stikhi.ru: sayt* [Stikhi.ru: site]. Available at: <https://stihi.ru/avtor/natanika2002> (accessed 14.10.2023).
10. Polikarpov A. M. Integrative translation studies: prerequisites for its emergence and main ideas. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Yazykoznanie* [Bulletin of Volgograd State University. Ser. 2, Linguistics]. 2017, vol. 16, no. 3, pp. 6–17. (In Russian).
11. Potapova S. Yu. The profession of a translator: romance and everyday life. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign languages in higher education]. 2018, vol. 2, no. 45, pp. 106–117. (In Russian).

12. Potapova S. Yu. Military translator in the history of Russian translation studies. *Inostrannyye yazyki v vysshey shkole* [Foreign languages in higher education]. 2023, vol. 1, no. 64, pp. 78–85. (In Russian).
13. Retsker Ya. I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Translation theory and translation practice: essays on the linguistic theory of translation]. Moscow, R. Valent Publ., 2006, 237 p. (In Russian).
14. Sdobnikov V. V. *Otsenka kachestva perevoda (kommunikativno-funktsional'nyy podkhod)* [Assessing the quality of translation (communicative-functional approach)]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2015, 112 p. (In Russian).
15. Stepanov V. N. Translation proxemics: sitting position. *Mir russkogovoryashchikh stran* [The World of Russian-speaking countries]. 2019, vol. 2, no. 2, pp. 71–77. (In Russian).
16. Stepanov V. N. Eremina N. S. Points of cognitive tension in the reception of poetic text. *Organizatsionnaya psikholingvistika* [Organizational psycholinguistics]. 2023, vol. 2, no. 22, pp. 87–104. (In Russian).
17. Novikova E. Yu., Makhortova T. Yu., Mityagina V. A., Kovalevskiy R. L. *Ustnyy perevod: soprovozhdeniye inostrannoy delegatsii: uchebnoye posobiye s audioprilozheniyem: nemetskiy yazyk* [Interpretation: accompanying a foreign delegation: a textbook with an audio supplement. German language]. Moscow, R. Valent Publ., 2018, 232 p. (In Russian).
18. Khaleyeva I. I. *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inostrannoy rechi (Podgotovka perevodchikov)* [Fundamentals of the theory of teaching the understanding of foreign speech (Training of translators)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, 236 p. (In Russian).
19. Stepanov V. N. Ontology of transgressive social media. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2021, no. 26 (4), pp. 641–648.

Информация об авторах

Степанов Валентин Николаевич — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий.

Ерёмина Наталья Сергеевна — председатель Студенческого научного общества Международной академии бизнеса и новых технологий.

Information about the authors

Stepanov, Valentin — merited worker of Higher School of the Russian Federation, doctor of science (philology), professor, head of the Department of Mass Communications of the International Academy of Business and New Technologies.

Eremina, Natalia — head of the Student' Research Department of the International Academy of Business and New Technologies.

*Статья поступила в редакцию 17.01.2024;
одобрена после рецензирования 26.01.2024;
принята к публикации 27.01.2024.*

*Submitted 17.01.2024;
approved after receiving 26.01.2024;
accepted for publication 27.01.2024.*

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: <http://fljournal.rsu.edu.ru/en/>)

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) — один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 года. **Регистрационный номер ПИ № ФС 77-72456.**

Подписной индекс журнала — № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072-7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года **входит в перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознание) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Публикации бесплатны, при этом учредитель ограничивает количество печатных экземпляров, обеспечивая только обязательную рассылку и рассылку по подписке. Авторам бесплатно высылается электронный макет журнала, подготовленный к отправке в НЭБ (РИНЦ). Желающие приобрести печатный экземпляр могут заблаговременно оформить подписку на соответствующий квартал.

Журнал принимает статьи по методике преподавания иностранных языков, если исследование содержит лингвистическую составляющую, напр.: 5.9.8. Исследование языковых и речевых нарушений. Язык в контексте культуры. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка.

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (германские языки, романские языки, китайский язык).

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках — немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

2. К публикации принимаются научные статьи, соответствующие этическим принципам опубликования научных работ (см. раздел на сайте www.fljournal.rsu.edu.ru «Этика научных публикаций»).

3. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.

5. Сведения об авторах представляются на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность, место работы без сокращений (с точным, официальным названием кафедры, вуза, страны); для аспиранта либо соискателя — место учебы (кафедра, вуз), отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций (монографий, учебно-методических пособий, статей);
- основные направления научных исследований;
- средства оперативной связи в процессе подготовки статьи к печати: личная электронная почта, мобильный телефон, при наличии — WhatsApp (личные данные, кроме электронной почты, в журнале не публикуются).

6. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.

7. Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@365.rsu.edu.ru, с копиями на адреса: e.ustinova.rsu@yandex.ru и e.ustinova.rsu@gmail.com. Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.

8. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

1. **Индекс УДК.** Для публикации статье должен быть присвоен классификационный индекс универсальной десятичной классификации.

2. **Название статьи** (на русском и английском языках) пишется строчными буквами, с использованием заглавных только там, где это необходимо, по возможности без аббревиатур и сокращений.

3. **Аннотация** (на русском и английском языках) объемом 100—300 слов, по возможности без аббревиатур и сокращений. Аннотация должна отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты. Англоязычная аннотация может представлять собой перевод русскоязычной аннотации, но может быть и более развернутой, чтобы создать у читателей, не владеющих русским языком, более полное впечатление о сути исследования и его результатах.

4. **Ключевые слова** (на русском и английском языках). Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы. Минимальный объем — 10 ключевых слов; ключевое словосочетание не должно превышать 5 слов. Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой (;). Недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений.

5. *Текст статьи.* Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков. Все аббревиатуры и сокращения должны быть развернуты при первом использовании. Недопустимо использование расставленных вручную переносов. Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 0,3 до 1,0 авторского листа, или от 12 до 40 тыс. знаков. В зависимости от материала произведения 1 авторский лист равен: для прозаического текста — 40 тыс. печ. знаков, для стихотворного текста — 700 строк, для изобразительного материала — 3 тыс. см² площади изображений. Текст статьи следует оформлять в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

6. *Таблицы и рисунки.* Каждый рисунок должен быть пронумерован, подписан и сгруппирован (то есть не «разваливаться» при перемещении и форматировании). Таблицы и рисунки должны иметь порядковую нумерацию, при этом нумерация рисунков и таблиц ведется раздельно. В тексте статьи на таблицы и рисунки обязательно должны быть отсылки.

7. *Список использованной литературы (источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.1. Чтобы все авторы публикации были учтены в системе цитирования, в библиографическое описание необходимо вносить всех авторов.

7.2. Недопустимо сокращать название статьи, книги, отечественного журнала, кроме тех случаев, когда сокращение имеется в предписанном источнике информации. Название англоязычных журналов следует приводить в соответствии с общепринятыми сокращениями.

7.3. В периодических или продолжающихся изданиях указывается текущий номер и (в скобках) валовой, то есть номер с момента основания издания.

7.4. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. В этом случае электронный адрес опускается.

8. *Библиографическая ссылка* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

8.1. Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

8.2. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения.

8.3 Ссылки на Википедию недопустимы.

9. *References.*

9.1. Список использованной литературы на латинице (References) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту.

9.2. При описании изданий без авторов (коллективных монографий, сборников, материалов конференций) указывается отв. редактор (под редакцией), но не более двух.

Ниже приведены примеры описания использованных источников (литературы) и References.

Книги, монографии

Список литературы	References
Несколько авторов	
Железняк Ю. Д., Петров П. К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте : учеб. пособие для вузов. — Ростов н/Д : Академия, 2002. — 264 с.	Zheleznyak Ju. D., Petrov P. K. <i>Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'turei sporte</i> [Bases of scientific and methodical activity in physical culture and sport]. Rostov-on-Don, Academy Publ., 2002, 264 p. (In Russian).

Периодические издания (статьи журналов, сборника научных трудов, материалов конференции)

Список литературы	References
Несколько авторов	
Загайнов С. С., Митчелл П. Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2016. — Т. 21, вып. 11 (163). — С. 46–51. — DOI : 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.	Zagaynov S. S., Mitchell P. D. The history of the development of military phrase books as a small literary genre. <i>Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"</i> [Tambov University Review. Series "Humanities"]. 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 46–51. (In Russian). — DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.
Материалы конференций	
Калинина Т. Л., Шчекочихина С. В. Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда // Язык в различных сферах коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатович. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2014. — С. 233–236.	Kalinina T. L., Shchekochihina S. V. Translation of Paradoxes in O. Wilde's plays. Ignatovich Yu. (ed.) <i>Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Yazyk v razlichnykh sferah kommunikacii"</i> [Papers of the International scholarly conference "Language in Various Spheres of Communication"]. Chita, Zabaikal'sky State University Publ., 2014, pp. 233–236. (In Russian).

Электронные ресурсы

Список литературы	References
Электронный журнал	
Рыбаков С. Ю. Проблема духовности в педагогическом аспекте // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — URL : http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhumala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (дата обращения: 10.09.2023).	Rybakov S. Ju. The problem of spirituality in the context of education. <i>Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya</i> [The Theory and Practice of Social Development]. 2014, vol. 16. (In Russian). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhumala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (accessed 10.09.2023).

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым дает согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Электронные адреса и контактные телефоны:

e.ustinova@365.rsu.edu.ru; e.ustinova.rsu@yandex.ru; e.ustinova.rsu@gmail.com
(4912) 21-57-23; (4912) 97-15-15 (доб. 1030).

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал
Выпуск 1 (68)

2024

Главный редактор
Логинова Елена Георгиевна

Редакторы иностранного текста:

Е. С. Устинова (английский язык)
А. В. Николаенко (испанский язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
Е. В. Игнатова (немецкий язык)
Н. К. Костина (французский язык)

Редактор Н. И. Тангаева
Технический редактор Д. А. Филатов

Дата выхода в свет 22.03.2024. Цена свободная.
Гарнитура SimSun, Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84¹/₈.
Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 11,4. Заказ № 125. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а